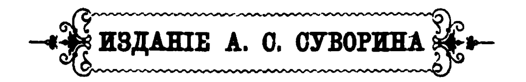
ИСТОРІЯ
ЕКАТЕРИНЫ ВТОРОЙ

СОЧИНЕНІЕ

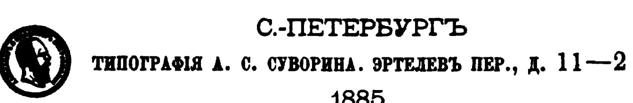
А. БРИКНЕРА

профессора русской исторіи въ дерптскомъ университетѣ

съ 300 гравюрами и украшеніями на деревѣ, исполненными лучшими иностранными и русскими граверами

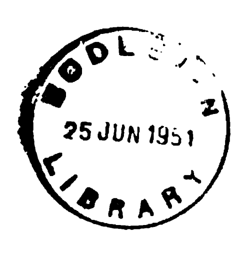
С.-ПЕТЕРБУРГЪ

ТИПОГРАФІЯ А. С. СУВОРИНА. ЭРТЕЛЕВЪ ПЕР., Д. 11—2

1885

BODLEIAN
25 JUN 1951
LIBRARY

СОДЕРЖАНІЕ

ИЛЛЮСТРИРОВАННОЙ ИСТОРІИ ЕКАТЕРИНЫ II.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

ПУТЬ КЪ ПРЕСТОЛУ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

ВНУТРЕННІЯ СМУТЫ.

ЕКАТЕРИНА АЛЕѮѢЕВНА

Великая Княгиня Всероссiйская

CATHARINA ALEXEWNA

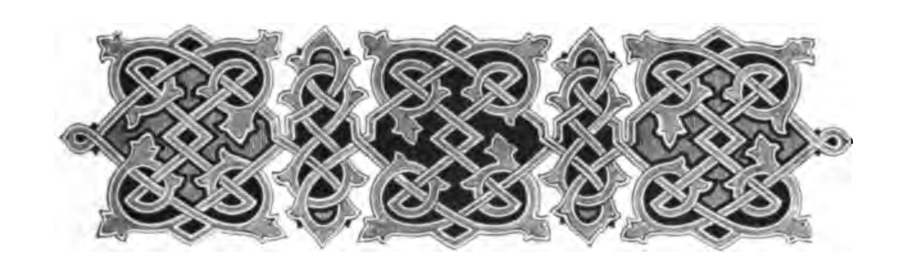
Magna Dux Russorum

Великая княгиня Екатерина Алексѣевна въ 1748 году.

Съ гравюры Штенглина, сдѣланной съ портрета, писаннаго Гроотомъ.

Фототипiя Брукмана въ Мюнхенѣ.

ГЛАВА I.

До брака.

Императрица Екатерина въ позднѣйшее время охотно вспоминала и въ шутливомъ тонѣ говорила о той сравнительно скромной обстановкѣ, при которой она, бывшая принцесса Ангальтъ-Цербстская Софія-Фредерика-Августа, родилась (21 апрѣля ст. ст., или 1 мая н. ст., 1729 года) и выросла въ Штетинѣ, какъ дочь губернатора этого города, принца Христіана-Августа и принцессы Іоганны-Елизаветы, происходившей изъ Голштинскаго дома и бывшей, такимъ образомъ, въ довольно близкомъ родствѣ съ великимъ княземъ Петромъ Ѳеодоровичемъ [1]).

Графъ Д. Н. Блудовъ разсказывалъ, что ему, при разборѣ архива Зимняго дворца, случилось читать неизданную собственноручную, писанную Екатериною II на французскомъ языкѣ тетрадь, посвященную ея пріятельницѣ, графинѣ П. А. Брюсъ, и содержавшую въ себѣ подробные ея разсказы о своемъ рожденіи и вообще о жизни ея до пріѣзда въ Россію [2]). Къ сожалѣнію, эта тетрадь, кажется, потеряна. Въ изданныхъ

[1]) См. подробности въ моей статьѣ «Жизнь Петра III до вступленія на престолъ» въ «Русскомъ Вѣстникѣ» 1883 года, № 1, стр. 184 и слѣд.

[2]) «Осьмнадцатый вѣкъ», I, 8.

Герценомъ «Запискахъ Екатерины» почти ничего не сказано о молодости ея до пріѣзда въ Россію. Зато она въ письмахъ къ разнымъ лицамъ неоднократно упоминаетъ о многихъ чертахъ своей жизни въ Германіи до 1744 года.

Узнавъ, въ 1776 году, о намѣреніи барона Гримма посѣтить Штетинъ, Екатерина писала ему въ веселомъ расположеніи духа: «Зачѣмъ вамъ Штетинъ? Вы никого тамъ не застанете въ живыхъ, одного развѣ Лорана, дряхлаго старика, который въ молодости былъ ничтожествомъ; но если вы не можете освободиться отъ этой охоты, такъ знайте, что я родилась въ домѣ Грейфенгейма [1]), въ Маріинскомъ приходѣ, что я жила и воспитывалась въ угловой части зáмка, и занимала на верху три комнаты со сводами, возлѣ церкви, что въ углу. Колокольня была возлѣ моей спальни. Тамъ учила меня мамзель Кардель и дѣлалъ мнѣ испытанія (Prüfungen) г. Вагнеръ. Черезъ весь этотъ флигель, по два или по три раза въ день, я ходила, подпрыгивая, къ матушкѣ, жившей на другомъ концѣ. Впрочемъ, не вижу въ томъ ничего занимательнаго; развѣ, можетъ быть, вы полагаете, что мѣстность что нибудь значитъ и имѣетъ вліяніе на произведеніе сносныхъ императрицъ. Въ такомъ случаѣ, вамъ надо предложить прусскому королю, чтобы онъ завелъ тамъ школу или разсадникъ въ этомъ вкусѣ» и проч. Въ другомъ письмѣ сказано: «Вы увидите, что со временемъ станутъ ѣздить въ Штетинъ на ловлю принцессъ, и въ этомъ городѣ появятся караваны посланниковъ, которые будутъ тамъ собираться, какъ за Шпицбергеномъ китоловы» и проч. [2]).

Нѣсколько разъ Екатерина упоминаетъ о своей воспитательницѣ, г-жѣ Кардель. Считая свое первоначальное образованіе далеко не полнымъ, она однажды замѣтила: «Что дѣлать?—г-жа Кардель не могла выучить меня лучше». Другой разъ она писала: «Мамзель Кардель и г. Вагнеръ имѣли дѣло съ непутною головою, которая все, что ей ни говорили, принимала на выворотъ». Мы узнаёмъ, что наставница Екатерины была хорошо знакома съ литературой, что «кромѣ разныхъ наукъ, она знала, какъ свои пять пальцевъ, всякія комедіи и трагедіи», что «она знала почти все, ничему не учившись, почти такъ же, какъ ея воспитанница». «Кардель была умная женщина», пишетъ Екатерина; въ другомъ

[1]) О домѣ, гдѣ родилась Екатерина, см. статью Пички (Pitschky) «Die Sammlung russischer Denkmünzen in Stettin» въ журналѣ «Baltische Studien», годъ 32, кн. 3 и 4. Штетинъ, 1882. стр. 338 и слѣд.

[2]) «Сб. Ист. Общ.» XXIII, стр. 51 и 55.

Видъ Штетинскаго замка, въ которомъ родилась Екатерина II.

С̆ъ гравюры нынѣшняго столѣтія.

мѣстѣ она разсказываетъ, что г-жа Кардель заставляла ее читать комедіи Мольера. Своего наставника Вагнера Екатерина называла дуракомъ и скучнымъ педантомъ. Въ числѣ другихъ педагоговъ, упоминается учитель чистописанія Лоранъ, кальвинистъ, французскій эмигрантъ, о которомъ Екатерина писала къ Гримму въ 1775 году: «хотя онъ былъ и дуракъ, но не даромъ бралъ деньги за уроки каллиграфіи». Учителемъ музыки былъ нѣкто Рёллигъ, и о немъ писала Екатерина къ Гримму въ шутливомъ тонѣ [1]). О какой-то графинѣ Вахтмейстеръ Екатерина разсказывала въ 1766 году: «двадцать два года тому назадъ она бранила меня за то, что я не убирала моихъ волосъ» [2]).

Нельзя сомнѣваться въ томъ, что мать Екатерины мало заботилась о ея воспитаніи. Вотъ что Екатерина разсказываетъ, упоминая о пріѣздѣ въ Гамбургъ графа Гилленборга: «Это былъ человѣкъ очень умный, уже не молодой и очень уважаемый моею матушкой. Во мнѣ онъ оставилъ признательное воспоминаніе, потому что въ Гамбургѣ, видя, что матушка мало или почти вовсе не занималась мною, онъ говорилъ ей, что она напрасно не обращаетъ на меня вниманіе, что я дитя выше лѣтъ моихъ и что у меня философское расположеніе ума» [3]).

Екатерина не всегда жила въ Штетинѣ, а иногда бывала и въ другихъ мѣстахъ, въ Эйтинѣ, въ Гамбургѣ, въ Брауншвейгѣ, въ Цербстѣ и въ Берлинѣ. Въ 1739 году, въ Эйтинѣ, куда съѣхались разные члены Голштинскаго дома, она въ первый разъ видѣла своего двоюроднаго брата, будущаго жениха и мужа, Петра Ѳеодоровича [4]). Въ Брауншвейгѣ, гдѣ жила ея бабка, герцогиня Вольфенбюттельская, она брала уроки закона Божія у лютеранскаго пастора Дове [5]). Тамъ же, въ 1742 или 1743 году, одинъ каноникъ, упражнявшійся въ предсказаніяхъ и хиромантіи, сказалъ матери Екатерины: «на лбу вашей дочери я вижу по крайней мѣрѣ три короны [6]).

Напрасно нѣкоторые писатели, напримѣръ, Домъ и Рюльеръ, утверждали, что принцесса Ангальтъ-Цербстская воспитывалась въ Берлинѣ. Хотя Екатерина лично была знакома съ прусскимъ

---

[1]) «Сб. Ист. Общ.», XXIII, 12, 18, 20, 50, 68, 78, 88.
[2]) Тамъ-же, X, 106. Письмо къ г-жѣ Бьельке.
[3]) «Записки Екатерины». Лондонъ, 1859. 20.
[4]) Тамъ-же, 4, 26.
[5]) «Die merkwürdige Lebensgeschichte Peters des Dritten». Leipzig, 1733. Стр. 135.
[6]) Разсказъ Екатерины, найденный въ бумагахъ князя Безбородко; «Осьмнадцатый вѣкъ», I, 10.

Императрица Елизавета Петровна.

Съ гравированнаго портрета Чемесова.

королемъ и бывала въ Берлинѣ, нигдѣ въ ея письмахъ и запискахъ не упомянуто о болѣе продолжительномъ пребываніи въ прусской столицѣ. Впослѣдствіи, она однажды писала Фридриху II: «Я всегда буду сожалѣть о томъ, что видѣла великаго человѣка, героя, государя-философа, воина-законодателя, тѣлько въ томъ возрастѣ, когда почтеніе замѣняетъ разумное пониманіе» [1]).

О молодости Екатерины и о впечатлѣніи, какое производила она на окружавшихъ, разсказываетъ въ своихъ запискахъ профессоръ-академикъ Тьебо слѣдующее: «Баронесса фонъ-Принценъ, въ дѣвичествѣ своемъ состоявшая камеръ-фрейлиною или въ званіи статсъ-дамы при крошечномъ дворѣ въ Штетинѣ, много разсказывала и объ ея родителяхъ, и о дочери ихъ, которая, поистинѣ, отнюдь не воображала сдѣлаться впослѣдствіи государыней великой державы. На моихъ глазахъ, говорила баронесса, она родилась, росла и воспитывалась; я была свидѣтельницей ея учебныхъ занятій и успѣховъ; я сама помогала ей укладывать багажъ предъ отъѣздомъ ея въ Россію. Я пользовалась настолько ея довѣріемъ, что могла думать, будто знаю ее лучше, чѣмъ кто либо другой, а между тѣмъ никогда не угадала бы, что ей суждено было пріобрѣсти знаменитость, какую она стяжала. Въ пору ея юности, я только замѣтила въ ней умъ серьезный, разсчетливый и холодный, столь же далекій отъ всего выдающагося, яркаго, какъ и отъ всего, что считается заблужденіемъ, причудливостью или легкомысліемъ. Однимъ словомъ, я составила себѣ понятіе о ней, какъ о женщинѣ обыкновенной, а потому вы можете судить объ удивленіи моемъ, когда пришлось узнать про необычайныя ея приключенія» [2]).

Какъ видно, мнѣніе баронессы фонъ-Принценъ не согласовалось съ гораздо болѣе выгоднымъ мнѣніемъ о ней графа Гилленборга.

Объ одной чертѣ своего характера въ молодости Екатерина пишетъ слѣдующее: «Самымъ унизительнымъ положеніемъ мнѣ всегда казалось быть обманутой: бывъ ребенкомъ, я горько плакала, когда меня обманывали, а между тѣмъ я поспѣшно исполняла все, что отъ меня ни требовали, и даже непонравившееся мнѣ, когда мнѣ объясняли причины» [3]).

---

[1]) «Dans un âge, où le respect tient lieu d'entendement». «Сборникъ Ист. Общ.» XX, 391, гдѣ русскій переводъ неправиленъ и не имѣетъ смысла.

[2]) «Русская Старина», XXIII, 589.

[3]) «Сб. Ист. Общ.», VII, 89.

Настоящее воспитаніе и развитіе Екатерины относилось, впрочемъ, къ нѣсколько позднѣйшему времени, когда она сдѣлалась невѣстою Петра, и къ эпохѣ ея брака. Она въ сущности была обязана своимъ образованіемъ самой себѣ: большимъ запасомъ свѣдѣній она обладала, благодаря собственнымъ, самостоятельнымъ занятіямъ.

Уже въ 1743 году въ Петербургѣ былъ возбужденъ и рѣшенъ вопросъ о женитьбѣ наслѣдника престола. Еще до этого, а именно въ концѣ 1742 года, англійскій посланникъ Уичъ (Wich) сдѣлалъ предложеніе о бракѣ Петра съ одной изъ дочерей англійскаго короля; разсказываютъ, что портретъ этой принцессы чрезвычайно понравился Петру [1]). Съ другой стороны, зашла рѣчь объ одной французской принцессѣ, однако императрица Елизавета не желала этого брака [2]). Изъ записокъ Фридриха II видно, что императрица Елизавета, при выборѣ невѣсты для своего племянника, «всего болѣе склонялась на сторону принцессы Ульрики, сестры прусскаго короля». Зато выборъ Бестужева палъ на Саксонскую принцессу Маріанну, дочь польскаго короля Августа III, ибо этотъ бракъ вполнѣ соотвѣтствовалъ политической системѣ канцлера, союзу между морскими державами, Россіей, Австріей и Саксоніей, для сдержанія Франціи и Пруссіи [3]).

Въ это время, однако, Бестужевъ не пользовался особеннымъ довѣріемъ Елизаветы. Она любила говорить о дѣлахъ съ воспитателемъ великаго князя Петра Өеодоровича, Брюммеромъ, и со своимъ врачемъ, Лестокомъ. Безъ вѣдома Бестужева, императрица, чрезъ посредство Брюммера, начала переговоры о бракѣ съ княгинею Ангальтъ-Цербстскою.

Съ давнихъ поръ между русскимъ дворомъ и родственниками невѣсты великаго князя Петра Өеодоровича существовали довольно близкія сношенія. Братъ княгини Іоганны Елизаветы, епископъ Любскій Карлъ, при Екатеринѣ I былъ въ Россіи въ качествѣ жениха Елизаветы Петровны. Онъ вскорѣ умеръ, но Елизавета не переставала питать нѣкоторую привязанность къ его родственникамъ. Еще до мысли о бракѣ Петра съ принцессою Ангальтъ-Цербстскою, она находилась въ перепискѣ съ ея матерью. Такъ, напр., Іоганна-Елизавета, тотчасъ послѣ государственнаго переворота, въ концѣ 1741 года, поздравила импе-

[1]) Droysen, «Gesch. d. preuss. Politik.» V, 2, 134 и 147.

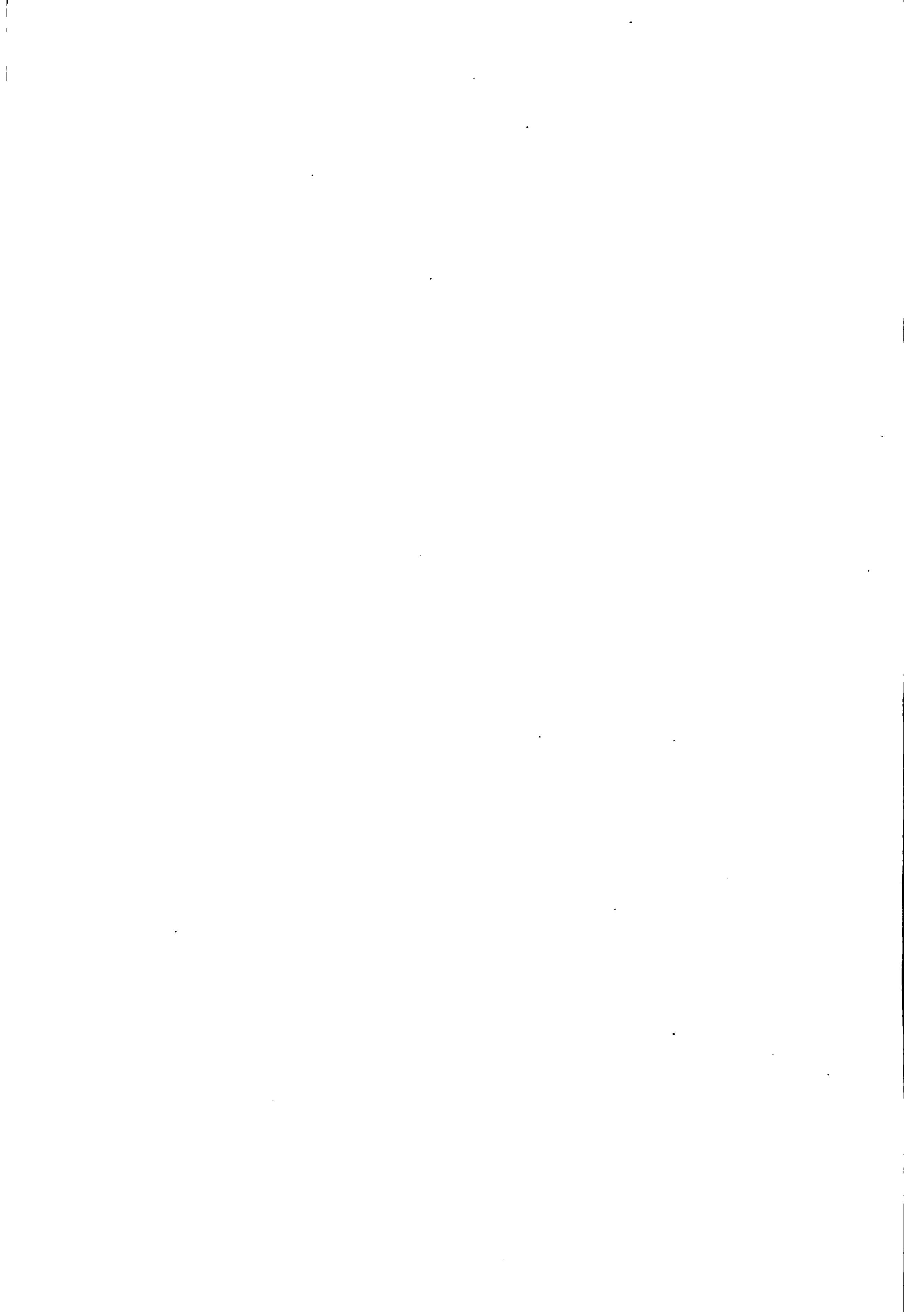
[2]) Herrmann, «Gesch. d. russ. Staats», V, 76—77.

[3]) «Histoire de mon temps» Фридриха II въ изданіи «Publicationen aus den preussischen Staatsarchiven. Berlin», 1876. IV, 302—303.

Принцъ Христіанъ-Августъ Ангальтъ-Цербтскій (отецъ Екатерины II).

Съ гравированнаго портрета прошлаго столѣтія Герасимова.

Принцъ Фридрихъ-Августъ Ангальтъ-Цербстскій (братъ Екатерины II).

Съ гравированнаго портрета Бернигерота.

ратрицу Елизавету съ восшествіемъ на престолъ; въ отвѣтъ на это письмо, императрица просила принцессу Ангальтъ-Цербстскую прислать ей портретъ Анны Петровны, находившійся у Іоганны-Елизаветы. Портретъ, конечно, былъ присланъ, и въ томъ же 1742 году императрица подарила Іоганнѣ-Елизаветѣ свой собственный портретъ, осыпанный брилліантами, цѣной въ 18,000 рублей. Разсказываютъ, что Фридрихъ II, желая угодить императрицѣ Елизаветѣ, повысилъ Христіана-Августа Ангальтъ-Цербстскаго въ чинѣ, пожаловавъ его, въ 1742 году, фельдмаршаломъ[1]). Въ мартѣ 1743 года, принцъ Августъ Голштинскій прибылъ въ Петербургъ и привезъ для императрицы портретъ принцессы Софіи-Фредерики Августы Ангальтъ-Цербстской [2]).

По нѣкоторымъ извѣстіямъ, первая мысль о бракѣ Петра съ этою принцессою принадлежала прусскому министру Подевильсу [3]). По другимъ даннымъ, воспитатель Петра, Брюммеръ, первый внушилъ эту мысль императрицѣ Елизаветѣ [4]). Нѣтъ сомнѣнія, что прусскій резидентъ въ Петербургѣ, Мардефельдъ, содѣйствовалъ осуществленію этого плана. Когда все было рѣшено и улажено, невѣста Петра, въ письмѣ своемъ изъ Москвы къ Фридриху II, выразила послѣднему благодарность, считая его главнымъ виновникомъ своего счастья [5]).

Рѣшеніе вопроса о бракѣ встрѣтило нѣкоторое затрудненіе, заключавшееся въ близкомъ родствѣ жениха и невѣсты. Духовенство легко могло воспротивиться заключенію этого брака. Фридрихъ II говоритъ въ своихъ запискахъ: «Чтобъ устранить эту помѣху, не щадили денегъ: этимъ способомъ во всѣхъ странахъ опровергаются возраженія» [6]).

Въ концѣ 1743 года, Іоганна-Елизавета отправилась съ дочерью изъ Штетина въ Цербстъ, чтобы провести праздникъ Рождества въ семейномъ кругу. Какъ кажется, онѣ совсѣмъ не знали о переговорахъ относительно брака Петра Ѳеодоровича до 1 января 1744 года. Въ этотъ день, послѣ утренняго богослуженія въ дворцовой часовнѣ въ Цербстѣ, онѣ получили, эстафетой изъ Берлина, письмо Брюммера отъ 17 декабря новаго стиля. Въ тотъ же

---

[1]) «Осьмнадцатый вѣкъ», I, 11—12.
[2]) Зап. Штелина въ «Чтеніяхъ», 1866, IV. Смѣсь 86.
[3]) L. Ranke, «Neun Bücher preussischer Geschichte», III, 125.
[4]) См. его письмо къ Іоганнѣ Елизаветѣ у Соловьева, XXI, 321 и слѣдующ.
[5]) «Сб. Ист. Общ.», XX, 149.
[6]) См. подробности по этому вопросу въ сочиненіи Шлёцера: «Friedrich der Grosse und Katharina II», Berlin, 1859. Стр. 35.

день, позднѣе, получено было и письмо Фридриха II отъ 30 декабря, въ которомъ заключалось предложеніе отправиться въ Россію.

Сохранилась краткая замѣтка молодой принцессы, гдѣ говорится о впечатлѣніи, произведенномъ на нее и на ея мать столь важнымъ извѣстіемъ. Іоганна-Елизавета при этомъ случаѣ вспоминала о заслугахъ знаменитаго писателя Олеарія, за сто лѣтъ до этого содѣйствовавшаго нѣкоторому сближенію между Московскимъ государствомъ и Голштиніею [1]). Въ отвѣтномъ письмѣ къ прусскому королю Іоганна-Елизавета замѣчаетъ, что никакъ не могла думать о возможности такого оборота въ жизни дочери [2]), и при томъ даетъ обѣщаніе во всѣхъ отношеніяхъ руководствоваться совѣтами Фридриха II.

Нужно было поспѣшно собираться въ дорогу. Значеніе Россіи было таково, что, въ подобныхъ случаяхъ, выраженіе желанія императрицы считалось какъ бы приказаніемъ. Принцесса Іоганна-Елизавета самымъ тщательнымъ образомъ старалась держаться инструкцій, которыя сообщалъ ей Брюммеръ. Были приняты всѣ мѣры для сохраненія въ тайнѣ путешествія Ангальтъ-Цербстскихъ принцессъ въ Россію. 12 января 1744 года (31 декабря 1743 г.), онѣ выѣхали изъ Цербста и два дня пробыли въ Берлинѣ, гдѣ совѣщались съ министромъ Фридриха II, Подевильсомъ.

Дипломаты начали подозрѣвать нѣчто необыкновенное. Австрійскій посланникъ въ Берлинѣ прямо спросилъ Подевильса и Бюлова, не предполагается ли бракъ Ангальтъ-Цербстской принцессы съ русскимъ наслѣдникомъ. Прусскіе сановники отвѣчали уклончиво [3]).

Къ этому времени относится составленіе записки, или «Pro Memoria», принца Христіана-Августа для дочери. Здѣсь особенное вниманіе обращается на предстоявшее Екатеринѣ принятіе православія. Затѣмъ принцъ даетъ дочери разныя наставленія о томъ, какъ она должна относиться къ императрицѣ Елизаветѣ, къ великому князю, къ царедворцамъ и пр. Принцесса, сказано далѣе, должна держать себя осторожно, съ достоинствомъ, уклоняться отъ всякаго участія въ политическихъ дѣлахъ [4]), не заступаться ни за кого и т. д. Въ виду широкой политической дѣятельности Екатерины, совѣтъ отца ея не вмѣшиваться въ дѣла производитъ довольно странное впечатлѣніе. На пути въ Россію принцесса,

---

[1]) L. Ranke, «Neun Bücher preuss. Gesch.», III, 127.

[2]) Siebigk, «Katharina II Brautreise nach Russland». Dessau, 1873. 140.

[3]) Droysen, «Gesch. d. preuss. Pol.», V, 2, 215.

[4]) «Jnsonderheit in keine Regierungs-Sachen zu entriren um den Senat nicht zu aigriren», Siebigk, 145.

Принцесса Іоганна-Елисавета Ангальтъ-Цербстская (мать Екатерины II).

Съ гравированнаго портрета прошлаго столѣтія Бернигерота.

въ письмѣ къ отцу изъ Кенигсберга, торжественно обѣщала постоянно руководствоваться его совѣтами [1]).

Путешествіе зимой было сопряжено съ затрудненіями. Зато пріемъ, оказанный принцессамъ въ Ригѣ, въ Петербургѣ и въ Москвѣ, отличался особенною торжественностью. Принцесса Іоганна-Елизавета была въ восхищеніи отъ роскоши, пышности и церемоніала, окружавшихъ ее и ея дочь по пріѣздѣ въ Россію и не похожихъ на сравнительно скромную обстановку ихъ житья-бытья въ Штетинѣ и Цербстѣ.

Въ Ригѣ путешественницы узнали кое-что о содержавшихся въ то время въ крѣпости Динаминдѣ принцѣ и принцессѣ Браунгшвейгскихъ, которыхъ княгиня Іоганна-Елизавета называетъ «государственными преступниками» [2]); въ Петербургѣ имъ разсказали нѣкоторыя подробности о государственномъ переворотѣ въ ноябрѣ 1741 года. Въ Москвѣ императрица особенно радушно привѣтствовала принцессу и ея дочь. Увидѣвъ сестру своего бывшаго жениха, Елизавета не могла удержаться отъ слезъ [3]).

Первое впечатлѣніе, произведенное принцессою Іоганною-Елизаветою и ея дочерью на императрицу, было чрезвычайно благопріятно. Однако, въ то же время онѣ видѣли себя окруженными придворными интригами. Для приверженцевъ проекта саксонской женитьбы пріѣздъ Ангальтъ-Цербстскихъ принцессъ былъ громовымъ ударомъ. Они не хотѣли отказаться отъ своихъ намѣреній. Саксонскій резидентъ продолжалъ хлопотать объ этомъ дѣлѣ, обѣщая Курляндію, какъ приданое невѣсты Маріанны [4]). Шетарди писалъ, что Бестужевъ приведенъ въ ярость пріѣздомъ принцессы Цербстской и сказалъ: «Посмотримъ, могутъ ли такіе брачные союзы заключаться безъ совѣта съ нами, большими господами этого государства» [5]). Все это не имѣло значенія, пока императрица оставалась расположенною въ пользу принцессы Іоганны-Елизаветы и ея дочери. Въ первое время она была чрезвычайно довольна и осыпала пріѣзжихъ милостями [6]).

Изъ записокъ Екатерины видно, что она, имѣя тогда не болѣе пятнадцати лѣтъ, съ первой же минуты своего пребыванія при русскомъ дворѣ, при всѣхъ затрудненіяхъ, держала себя осто-

[1]) «Сборникъ Ист. Общ.», VII, 1—2.

[2]) Siebigk, 32. Разсказы о встрѣчѣ Екатерины съ Броуномъ въ Ригѣ въ «Р. Старинѣ», IV, 694 и V, 129, кажется, лишены основанія.

[3]) «Сб. Ист. Общ.», VII, 23—26.

[4]) Droysen, V, 2, 216.

[5]) Соловьевъ, XXI, 331.

[6]) Зап. Штелина въ «Чтеніяхъ» 1866, IV, 87.

рожно, дѣйствовала осмотрительно и постоянно мечтала о будущемъ своемъ величіи. Происходили разныя столкновенія, то съ матерью, которая, отличаясь честолюбіемъ, не всегда обращала достаточно вниманія на интересы дочери и обнаруживала отсутствіе такта, то съ императрицею, которая вскорѣ начала высказывать нѣкоторое недовѣріе къ молодой принцессѣ, то съ женихомъ, который казался весьма мало способнымъ любить и уважать назначенную для него невѣсту. При всѣхъ этихъ затрудненіяхъ, Екатерина приняла твердое рѣшеніе не останавливаться ни предъ какимъ препятствіемъ, преодолѣвать всѣ преграды, мѣшавшія ей достигать желанныхъ цѣлей, пользоваться всевозможными средствами для составленія себѣ выгоднаго положенія. Въ ея дѣйствіяхъ замѣтенъ холодный разсчетъ, видно спокойное соображеніе всѣхъ обстоятельствъ. Она старалась составить себѣ точное понятіе о томъ, какой образъ дѣйствій долженъ считаться цѣлесообразнѣйшимъ. Во что бы то ни стало, она хотѣла надѣть обѣщанную ей судьбою русскую корону. Обстоятельства принуждали ее дѣйствовать вполнѣ самостоятельно и надѣяться исключительно на собственную силу. Среди пышнаго двора, шумныхъ увеселеній и празднествъ, постоянно окруженная толпою, молодая принцесса чувствовала себя въ совершенномъ одиночествѣ. Нельзя не удивляться той сосредоточенности, той энергіи и силѣ воли, которыми въ то время отличались поступки невѣсты Петра Ѳеодоровича. У нея не было никакихъ совѣтниковъ или наставниковъ. Мелочность, склонность къ интригамъ, поверхностное образованіе лицъ, окружавшихъ Екатерину, отталкивали ее, внушали ей презрѣніе къ той средѣ, въ которой ей приходилось жить цѣлыя восемьнадцать лѣтъ, до вступленія на престолъ. Въ противоположность ничтожности интересовъ другихъ лицъ при дворѣ императрицы Елизаветы, Екатерина отличалась стремленіемъ къ цѣлямъ высшаго образованія серьезными занятіями наукою и литературою, обращеніемъ вниманія на идеалы эпохи просвѣщенія.

Внѣшняя обстановка, въ которой находилась принцесса, была далеко не благопріятною. Отношенія ея къ жениху не могли обѣщать ей счастливаго брака. Она стояла выше Петра, превосходя его и сосредоточенностью характера, и стремленіемъ къ образованію, познаніями, желѣзною волею и умѣньемъ обращаться съ людьми.

Нельзя не признать, что обстоятельства, при которыхъ воспитывался и развивался женихъ Екатерины, были также весьма неблагопріятны. Много было сдѣлано для того, чтобы вредно повліять на его умственное и душевное развитіе. Матери онъ ли-

шился, имѣя всего нѣсколько недѣль отъ роду, а отца въ то время, когда ему было одиннадцать лѣтъ. Во все время своего дѣтства онъ былъ предоставленъ надзору невнимательныхъ, плохо приготовленныхъ воспитателей, склонныхъ къ интригамъ и жестокостямъ царедворцевъ и грубыхъ слугъ. Тетка юнаго герцога, императрица Елизавета, въ 1745 году, велѣла русскому посланнику въ Копенгагенѣ, барону Корфу, собрать подробныя свѣдѣнія о его дѣтствѣ до 1742 года. Тогда узнали, что попеченія о физическомъ развитіи мальчика были столь же неудовлетворительными, сколько и заботы о его нравственности или обученіи. Часто, по нѣсколько часовъ ребенка заставляли дожидаться обѣда. Раздраженный и запуганный постоянными угрозами и наказаніями, мальчикъ, ненавидѣвшій своихъ наставниковъ, нерѣдко хворалъ, страдалъ головными болями и рвотою. Даже въ лѣтнюю пору ему едва позволяли движеніе на свѣжемъ воздухѣ; зато заставляли участвовать въ танцахъ, тогда какъ онъ не любилъ этого развлеченія. Особенною грубостью въ обращеніи съ герцогомъ отличался Брюммеръ, о которомъ другой изъ наставниковъ герцога замѣтилъ, что онъ способенъ развѣ обучать лошадей, а не воспитывать принца [1]). Послѣ кончины отца, положеніе Петра Ѳеодоровича ухудшилось еще болѣе; его дядя, Адольфъ Фридрихъ, управлявшій герцогствомъ, не заботился о воспитаніи племянника. Родственники Петра вообще не были высокаго мнѣнія о его способностяхъ. Молодая принцесса Ангальтъ-Цербстская, увидѣвшая одиннадцатилѣтняго Петра въ 1739 году въ Эйтинѣ, слышала тамъ довольно рѣзкіе отзывы о характерѣ его. Въ запискахъ Екатерины сказано: «Тутъ я услыхала, какъ собравшіеся родственники толковали между собою, что молодой герцогъ наклоненъ къ пьянству, что его приближенные не даютъ ему напиваться за столомъ, что онъ упрямъ и вспыльчивъ, не любитъ своихъ приближенныхъ и особливо Брюммера, что, впрочемъ, онъ довольно живого нрава, но сложенія слабаго и болѣзненнаго. Дѣйствительно, сказано далѣе въ запискахъ Екатерины, цвѣтъ лица его былъ блѣденъ; онъ казался тощъ и нѣжнаго темперамента. Онъ еще не вышелъ изъ дѣтскаго возраста, но придворные хотѣли, чтобъ онъ держалъ себя какъ совершеннолѣтній. Это тяготило его, заставляя быть въ постоянномъ принужденіи. Натянутость и неискренность перешли отъ внѣшнихъ пріемовъ обращенія и въ самый характеръ» [2]).

[1]) См. записку Корфа у Соловьева, XXI, 86—88.
[2]) Записки Екатерины, 2—5.

Самъ Петръ сообщилъ своему наставнику въ Россіи, Штелину, кое-какія подробности о неблагопріятныхъ условіяхъ своего воспитанія въ Килѣ. Неспособный учитель древнихъ языковъ успѣлъ внушить ему непреодолимое отвращеніе къ латинскому языку. Когда послѣ пріѣзда въ Петербургъ, въ 1742 году, его подвергли нѣкоторому испытанію, то оказалось, что свѣдѣнія великаго князя были чрезвычайно скудны.

Нѣтъ сомнѣнія, что Штелинъ не щадилъ ни труда, ни времени при обученіи Петра. Онъ придумалъ для него систему нагляднаго обученія въ большихъ размѣрахъ, старался путемъ бесѣды объяснять главныя начала исторіи и государственныхъ наукъ, математики, фортификаціи и пр. Для обученія Петра, по требованію Штелина, были доставлены изъ академіи наукъ гравюры, коллекціи медалей, великолѣпныя изданія разнаго рода; были составляемы, по указаніямъ Штелина, модели крѣпостей, военныхъ снарядовъ и пр. Однако успѣхи ученика оставались неудовлетворительными. Принцъ часто хворалъ; къ тому же участіе въ придворныхъ празднествахъ и церемоніяхъ прерывало занятія науками. Брюммеръ продолжалъ относиться весьма невнимательно къ потребностямъ и нуждамъ Петра. Весьма часто великій князь оставался безъ всякаго надзора, предоставленный пагубному вліянію бесѣдъ съ прислугою и занимаясь ребяческими развлеченіями. Напрасно Штелинъ дѣлалъ ему внушенія о необходимости держать себя съ бо́льшимъ достоинствомъ: ребяческія игры не прекращались и въ позднѣйшее время. Къ тому же, не ослабѣвала и упорная непріязнь между великимъ княземъ и Брюммеромъ. Однажды, послѣдній, въ порывѣ ярости, едва не прибилъ великаго князя. Петръ, въ страшномъ раздраженіи, убѣжалъ въ спальню и возвратился оттуда со шпагою. Съ величайшимъ трудомъ Штелину удалось положить конецъ этой непріятной сценѣ [1]).

Не только изъ записокъ Екатерины и Штелина, но также изъ дѣловыхъ бумагъ, изъ инструкцій, составленныхъ для лицъ, окружавшихъ Петра, видно, что у послѣдняго не доставало наклонности къ серьезнымъ занятіямъ и силы воли, и что онъ не понималъ своего положенія.

О своихъ отношеніяхъ къ великому князю послѣ своего пріѣзда въ Россію Екатерина пишетъ: «Казалось, великій князь былъ радъ пріѣзду моей матери и моему. Мнѣ тогда былъ пятнадцатый годъ. Въ первые дни онъ былъ очень предупредителенъ ко мнѣ. Уже тогда, въ это короткое время, я увидала и поняла,

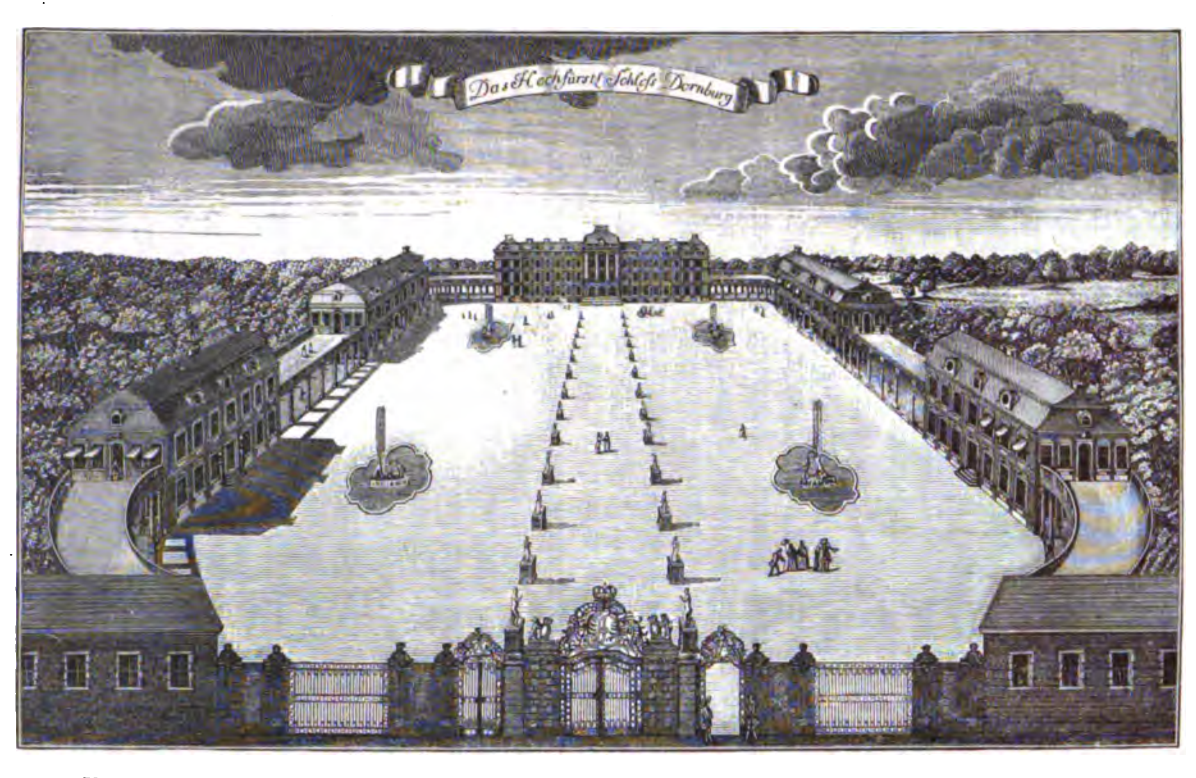
---

[1]) «Чтенія», 1866, IV. Смѣсь, 66—94.

Графъ Алексѣй Петровичъ Бестужевъ-Рюминъ.

Съ гравюры Бернигерота, сдѣланной съ портрета, писаннаго въ 1755 г. Преннеромъ.

Дорнбургъ, загородный дворецъ принцевъ Ангальтъ-Цербстскихъ, въ концѣ XVIII столѣтія.

Съ гравюры того времени Пешеля.

что онъ мало цѣнилъ народъ, надъ которымъ ему суждено было царствовать, что онъ держался лютеранства, что онъ не любилъ своихъ приближенныхъ и что былъ очень ребячливъ. Помню, какъ, между прочимъ, онъ сказалъ мнѣ, что ему всего болѣе нравится во мнѣ то, что я его двоюродная сестра, и что по родству онъ говоритъ со мною откровенно; вслѣдъ затѣмъ онъ мнѣ открылся въ своей любви къ одной изъ фрейлинъ императрицы, удаленной отъ двора по случаю несчастія ея матери, г-жи Лопухиной, которая была сослана въ Сибирь; онъ мнѣ объяснилъ, что желалъ бы жениться на ней, но что готовъ жениться на мнѣ, такъ какъ этого желаетъ его тетка. Я краснѣла, слушая эти изліянія родственнаго чувства, и благодарила его за предварительную довѣренность; но въ глубинѣ души я не могла не дивиться его безстыдству и непониманію многихъ вещей» [1]).

Изъ этихъ замѣчаній видно, въ какой мѣрѣ Екатерина, съ самаго начала, стояла выше Петра по умственному развитію, какое жалкое впечатлѣніе производилъ онъ на нее и какое вниманіе обращала она съ перваго времени своего пребыванія въ Россіи на свои отношенія къ народу и къ той странѣ, которая должна была сдѣлаться для нея второю родиной. Она старалась по возможности скорѣе выучиться русскому языку, ознакомиться съ началами православнаго церковнаго ученія и даже вставала по ночамъ, чтобы вытверживать наизусть тетради, которыя давалъ ей ея учитель Ададуровъ. Когда она заболѣла опасно и мать ея хотѣла-было призвать къ ней лютеранскаго пастора, она сказала: «Зачѣмъ же? — Позовите лучше священника Симона Тодорскаго, я охотно поговорю съ нимъ». Разсказывая объ этомъ эпизодѣ, Екатерина прибавляетъ: «Его привели, и мой разговоръ съ нимъ въ присутствіи постороннихъ былъ всѣмъ очень пріятенъ. Это значительно расположило въ мою пользу, какъ императрицу, такъ и весь дворъ» [2]).

Цѣль принцессы была достигнута. Вскорѣ по пріѣздѣ ея въ Россію, въ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ» было напечатано: «Молодая принцесса показываетъ великую охоту къ знанію русскаго языка и на изученіе онаго ежедневно по нѣскольку часовъ употреблять изволитъ» [3]). Тамъ же съ похвалою говорилось о «неусыпной терпѣливости» Екатерины во время болѣзни [4]).

---

[1]) Зап. Ек., 8.
[2]) Тамъ же, 8.
[3]) «Сб. Ист. Общ.», VII, 26.
[4]) «Осьмнадцатый вѣкъ», I, 45—46.

Приверженцы проекта брака Петра съ саксонскою принцессою имѣли неосторожность обнаружить свою радость во время болѣзни молодой принцессы. Это сильно разсердило императрицу, и она сказала Брюммеру и Лестоку, что приверженцы саксонскаго брака ничего не выиграютъ, и еслибъ она имѣла несчастіе потерять такое дорогое дитя, какъ Екатерина, то все же саксонской принцессы никогда не возьметъ [1]).

Положеніе Екатерины и послѣ выздоровленія оставалось опаснымъ и труднымъ. Ей даже нельзя было разсчитывать на постоянство расположенія къ ней императрицы. Между послѣднею и принцессою Елизаветою происходили недоразумѣнія и столкновенія. По случаю одного крупнаго разговора между матерью Екатерины и Елизаветою Петровною, Лестокъ сказалъ принцессѣ: «Укладывайтесь; вы тотчасъ же отправляетесь въ дорогу и возвращаетесь къ себѣ домой». Сообщая объ этомъ эпизодѣ въ своихъ запискахъ, Екатерина прибавляетъ: «Я видѣла ясно, что великій князь разстался бы со мною безъ сожалѣнія. Что касается меня, то, зная его свойства, я бы не пожалѣла о немъ; но къ русской коронѣ я не была такъ равнодушна» [2]).

Эти непріятности были слѣдствіемъ участія принцессы Іоганны-Елизаветы въ какихъ-то крамолахъ, имѣвшихъ цѣлью сверженіе Бестужева. Онъ оставался нѣкоторое время опаснымъ противникомъ Екатерины и ея матери и былъ главнымъ виновникомъ того, что Іоганна-Елизавета, навлекшая на себя немилость императрицы, тотчасъ же послѣ свадьбы дочери должна была выѣхать изъ Россіи.

Трудно сказать, какъ сама Екатерина внутренно относилась къ вопросу о перемѣнѣ религіи. Мардефельдъ писалъ Фридриху II: «Я недоумѣваю лишь относительно слѣдующаго обстоятельства: мать думаетъ или показываетъ видъ, что думаетъ, будто молодая принцесса не рѣшится принять православія». Вслѣдствіе этого, король писалъ къ Іоганнѣ-Елизаветѣ: «Мнѣ остается только просить васъ побѣдить въ вашей дочери отвращеніе къ православію». Іоганна-Елизавета попыталась-было, въ бесѣдѣ съ императрицею, выставить на видъ, ссылаясь на примѣръ супруги царевича Алексѣя Петровича, что и ея дочь могла бы сдѣлаться супругою наслѣдника всероссійскаго престола, не принимая православія; но императрица настаивала на необходимости перемѣны исповѣданія.

---

[1]) Соловьевъ, XXI, 327—329.
[2]) Записки Екатерины, 15.

Очевидно, съ цѣлью успокоить тревожившагося мыслью объ этой мѣрѣ отца, молодая принцесса въ это время писала ему, что послѣ тщательнаго изученія дѣла она убѣдилась въ ничтожности различія между исповѣданіями въ отношеніи догматовъ и въ томъ, что различіе относится болѣе къ внѣшнему богослуженію. При всемъ этомъ, однако, Мардефельдъ доносилъ королю Фридриху II, что молодая принцесса часто находилась въ страшномъ волненіи, что она плакала и что нужно было тайкомъ приглашать къ ней лютеранскаго пастора, дабы хотя нѣсколько успокоить ее. Ко всему этому, однако, Мардефельдъ прибавляетъ: «Честолюбіе беретъ свое» [1]).

Такимъ образомъ, превращеніе «принцессы Ангальтъ-Цербстской, Софіи-Августы-Фредерики» — такъ она подписывала свое имя до конца іюня 1744 года — въ «Екатерину» было неминуемо. Скромная «Fiekchen», какъ называлъ ее отецъ (сокращеніе имени Sophie), сдѣлалась невѣстой, затѣмъ супругой наслѣдника русскаго престола и, наконецъ, императрицей.

28-го іюля 1744 года, происходила церемонія принятія Екатериною православія. Мардефельдъ писалъ, что она «держала себя какъ настоящая героиня». Это свидѣтельство подтверждается письмами матери и другихъ лицъ [2]). И по случаю принятія православія, и впослѣдствіи, Екатерина своимъ внѣшнимъ благочестіемъ производила обыкновенно глубокое впечатлѣніе на публику, представляя совершенную противоположность Петру III, относившемуся чрезвычайно небрежно къ религіознымъ обязанностямъ. Въ своихъ запискахъ Екатерина разсказываетъ, какъ Петръ въ первое время брака порицалъ ее за соблюденіе постовъ.

Еще до свадьбы отношенія Екатерины къ жениху становились все болѣе и болѣе холодными. Петръ не любилъ общества невѣсты и тещи; между нимъ и княгинею Іоганною-Елизаветою происходили иногда шумныя сцены; зато онъ былъ счастливъ въ компаніи своихъ придворныхъ лакеевъ и занимался дѣтскими играми, между тѣмъ какъ Екатерина чрезвычайно ревностно занималась чтеніемъ книгъ, которыя получала изъ библіотеки академіи наукъ, и съ большимъ успѣхомъ изучала русскій языкъ.

Въ то время какъ великая княгиня во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ соблюдала крайнюю осмотрительность, стараясь составить себѣ точно выработанную программу для той роли, которую ей прихо-

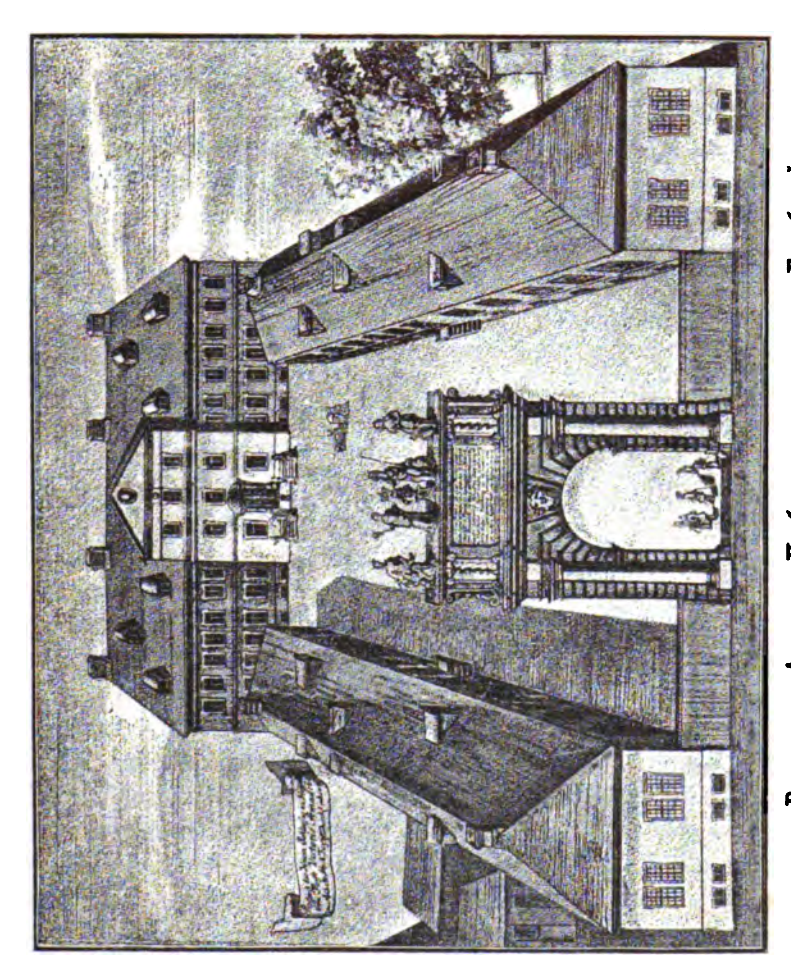
---

[1]) «L'ambition en prend à la fin le dessus».

[2]) Schlözer, 51.

дилось играть въ Россіи, Петръ не имѣлъ сознанія о важности своего положенія, на каждомъ шагу обнаруживалъ полнѣйшее отсутствіе такта и отличался ребяческою болтливостью.

Такъ, напримѣръ, Петръ простодушно сообщилъ своей невѣстѣ, что его камердинеръ, бывшій шведскій драгунъ, наставлялъ

Видъ замка Ангальтъ-Цербстскихъ принцевъ въ Бернбургѣ.
Съ гравюры прошлаго столѣтія Крюгера.

его, какъ должно обращаться съ женою; наставленія заключались въ томъ, что женѣ не слѣдуетъ дозволять пикнуть передъ мужемъ, что она не должна вмѣшиваться въ дѣла мужа, и что, какъ скоро она заговоритъ, ее должно заставить молчать, и проч. Въ другой разъ Петръ, черезъ одного изъ слугъ, велѣлъ сказать невѣстѣ, что такъ какъ онъ, въ лѣтнемъ дворцѣ, живетъ слишкомъ далеко отъ нея, то не можетъ часто видѣться съ нею, и тому под. Ека-

терина замѣчаетъ въ своихъ запискахъ: «Я хорошо чувствовала, какъ ему мало было до меня, но я была слишкомъ горда, чтобы горевать о томъ; я сочла бы для себя униженіемъ, если бы кто-нибудь смѣлъ изъявить мнѣ состраданіе. Но тѣмъ не менѣе, оставаясь одна, я заливалась слезами». О своемъ образѣ дѣйствій Екатерина въ это время сообщаетъ слѣдующее: «Я обращалась со всѣми какъ можно лучше и старалась пріобрѣсти дружбу или, по крайней мѣрѣ, смягчить непріязнь тѣхъ людей, которыхъ я могла подозрѣвать въ неблагопріятномъ къ себѣ расположеніи. Я не хотѣла держаться никакой партіи, ни во что не вмѣшивалась, всегда показывала веселый видъ, была предупредительна, внимательна и вѣжлива со всѣми. Я была отъ природы веселаго нрава, и съ удовольствіемъ замѣчала, что съ каждымъ днемъ росло расположеніе ко мнѣ публики, которая смотрѣла на меня, какъ на замѣчательнаго и умнаго ребенка. Я показывала великую почтительность матушкѣ, безпредѣльное послушаніе императрицѣ, отличную внимательность великому князю и, однимъ словомъ, всѣми средствами старалась снискать любовь публики» [1]).

Между тѣмъ какъ Петръ, по разсказу Штелина, «въ безбрачномъ состояніи проводилъ время въ однихъ увеселеніяхъ» [2]), Екатерина, по совѣту пріѣхавшаго въ то время въ Россію графа Гилленборга, занялась чтеніемъ сочиненій Плутарха, Цицерона и Монтескьё. Не безъ основанія она писала впослѣдствіи: «Пятнадцатилѣтнею дѣвушкою я была въ уединеніи и занималась усердно». Весьма любопытенъ слѣдующій ея разсказъ о случаѣ съ графомъ Гилленборгомъ: «Пріѣхавъ въ Петербургъ и посѣтивъ насъ, онъ спрашивалъ, что сталось съ моею философіей въ суетѣ придворной жизни. Я ему пересказала, чѣмъ я занималась у себя въ комнатѣ. Онъ возражалъ, что философъ пятнадцати лѣтъ не можетъ знать себя, что я окружена столькими подводными камнями, что надобно весьма опасаться, чтобы не потерпѣть крушенія, если только душа моя не самаго высокаго закала... Я ему сказала, что я набросаю ему мой портретъ такимъ, какимъ онъ мнѣ извѣстенъ, для того чтобы онъ могъ видѣть, знаю ли я себя, или нѣтъ. И дѣйствительно, я набросала на бумагѣ собственное изображеніе подъ заглавіемъ портретъ пятнадцатилѣтняго философа и отдала его графу Гилленборгу. Много лѣтъ спустя, именно въ 1758 году, я нашла у

[1]) Записки Екатерины, 25—26, 33.
[2]) «Чтенія», 1866, IV, 87—89.

себя эту тетрадь и сама удивилась, съ какою глубиной и точностью изобразила я себя самое. Гилленборгъ чрезъ нѣсколько дней возвратилъ мнѣ мое сочиненіе; не знаю, взялъ ли онъ съ него списокъ. Онъ прибавилъ къ нему страницъ двѣнадцать своихъ размышленій обо мнѣ, которыми старался укрѣпить во мнѣ возвышенность и твердость души, равно и другія каче-

Академикъ Яковъ Штелинъ.

Съ гравированнаго портрета прошлаго столѣтія Бергера.

ства ума и сердца. Много разъ я читала и перечитывала эти размышленія и старалась проникнуться ими. Я дала себѣ обѣтъ искренно слѣдовать его совѣтамъ, а какъ скоро я давала себѣ въ чемъ нибудь обѣтъ, то я не помню, чтобы когда-нибудь не исполняла его. По желанію графа Гилленберга, я отдала ему назадъ его размышленія. Я должна признаться, что складъ ума

моего и души моей образовался и укрѣпился подъ его значительнымъ вліяніемъ» [1]).

Изъ слѣдующаго обстоятельства видно, какое значеніе придавала Екатерина вліянію Гилленборга. Когда, въ 1766 году, сынъ графа пріѣхалъ въ Россію, императрица, въ отвѣтъ на письмо, которое она при этомъ случаѣ получила отъ графа Гилленборга, писáла: «Письмо ваше доставило мнѣ тѣмъ болѣе удовольствія, что я въ немъ увидѣла тѣ же знаки вниманія, которые оказывали вы мнѣ болѣе чѣмъ двадцать лѣтъ тому назадъ... я считаю себя очень и очень обязанною вамъ, и если имѣю нѣкоторые успѣхи, то въ нихъ вы участвуете, такъ какъ вы развили во мнѣ желаніе достигнуть до совершенія великихъ дѣлъ» и проч. [2]).

Обстановка, въ которой великая княжна находилась въ это время, была далеко не отрадною. Мелочность и раздражительность матери ея доходили до крайнихъ предѣловъ. Императрица была недовольна Екатериною, упрекая ее въ расточительности. Послѣ припадка болѣзни, случившагося съ нею весною 1744 года въ Москвѣ, она хворала, страдала болью въ груди и сильно похудѣла. И великій князь былъ опасно боленъ оспою, послѣ которой, какъ пишетъ Екатерина, «черты его сдѣлались грубѣе» и онъ «сталъ ужасно дуренъ».

О своемъ настроеніи въ то время, когда приближался день свадьбы, Екатерина разсказываетъ: «По мѣрѣ того, какъ приближался этотъ день, меланхолія все болѣе и болѣе овладѣвала мною. Сердце не предвѣщало мнѣ счастія: одно честолюбіе меня поддерживало. Въ глубинѣ души моей было, не знаю, что то такое, ни на минуту не оставлявшее во мнѣ сомнѣнія, что рано или поздно я добьюсь того, что сдѣлаюсь самодержавною русскою императрицею» [3]).

Бракосочетаніе было совершено 25 августа 1745 года, съ чрезвычайнымъ великолѣпіемъ. Образцами для церемоніала служили свадьба французскаго дофина въ Версали и бракосочетаніе сына короля Августа III въ Дрезденѣ [4]). Празднества продолжались десять дней. Вскорѣ послѣ этого, Іоганна-Елизавета должна была выѣхать изъ Россіи. Штелинъ замѣчаетъ въ своихъ запискахъ: «Мать великой княгини возбудила въ канцлерѣ подозрѣніе своимъ прусскимъ и французскимъ образомъ мыслей, и потому онъ хло-

---

[1]) Записки Екатерины, 20—21.
[2]) «Сборникъ Ист. Общ.», X, 157.
[3]) Зап. Ек., 33.
[4]) «Histoire de Pierre III». Londres, 1774. Стр. 82; и Siebigk, 103.

поталъ у императрицы объ ускореніи ея отъѣзда. Она придерживалась болѣе партіи Лестока и графа Брюммера, чѣмъ канцлера, графа Бестужева; это лишило ее благосклонности и довѣрія

Графъ Лестокъ.

Съ рѣдкаго гравированнаго портрета прошлаго столѣтія Штенглина.

императрицы, которая, чтобы удалить ее, спѣшила бракосочетаніемъ великаго князя, вопреки совѣтамъ придворныхъ врачей» [1]).

Отецъ Екатерины умеръ въ 1747 году, въ Цербстѣ. Въ запискахъ Екатерины сказано: «Это извѣстіе меня очень огорчило.

[1]) «Чтенія», 186, IV, 88—89.

На восемь дней меня оставили въ покоѣ, и я могла плакать, сколько хотѣла; но въ восьмой день Чоглокова объявила мнѣ, что довольно плакать, и что императрица приказала перестать, такъ какъ отецъ мой не былъ король» [1]). Благодаря подозрительности Бестужева, Екатеринѣ была пресѣчена возможность переписываться съ матерью; ей только дозволялось писать письма, наполненныя общими мѣстами. Въ припискѣ къ одному изъ такихъ писемъ встрѣчается намекъ на стѣсненное положеніе Екатерины, которая должна была искать случая для тайной переписки съ матерью; такъ, она получала отъ послѣдней письма чрезъ мальтійскаго кавалера Сакромозо и отправляла къ ней черезъ него же отвѣты. Ей было сказано, что русской великой княгинѣ неприлично писать другія письма, кромѣ тѣхъ, которыя сочиняются въ коллегіи иностранныхъ дѣлъ [2]).

Мать Екатерины въ 1758 году поселилась въ Парижѣ, гдѣ и скончалась, въ 1760 году, среди печальныхъ условій жизни. Отношенія Екатерины къ брату, Фридриху-Августу, были постоянно холодны. Уже въ 1746 году она формально отказалась отъ всякихъ правъ на Ангальтъ-Цербстское княжество. Всѣ ея интересы сосредоточивались въ Россіи, сдѣлавшейся для нея второю родиною.

Однако, уже въ первые дни брака будущность являлась ей въ довольно мрачномъ свѣтѣ. Она пишетъ: «Мой любезный супругъ рѣшительно не занимался мною, но все время проводилъ со своими лакеями, играя въ солдаты, экзерцируя ихъ въ своей комнатѣ или перемѣняя мундиры по двадцати разъ на день. Я скучала и зѣвала; мнѣ не съ кѣмъ было сказать слова; либо же я должна была разыгрывать великую княгиню» [3]).

Болѣе чѣмъ когда либо, Екатерина была предоставлена самой себѣ. Съ необычайною силою воли она опять-таки принялась за рѣшеніе трудной задачи самовоспитанія.

---

[1]) Зап. Ек., 56.
[2]) Тамъ же, 65—67.
[3]) Тамъ же, 33.

Великій князь Петръ Өеодоровичъ.

Съ гравированнаго портрета Штенглина.

ГЛАВА II.

Бракъ.

При противоположности характеровъ Петра и Екатерины, можно бы считать вѣроятнымъ, что отзывы о Петрѣ въ запискахъ его супруги не лишены пристрастія. Изображеніе Петра въ этомъ замѣчательномъ историческомъ памятникѣ производитъ впечатлѣніе каррикатуры. Однако, представляется возможность провѣрить и содержаніе, и тонъ разсказовъ Екатерины другими источниками, и тутъ оказывается, что строгая критика, которой въ запискахъ Екатерины была подвергнута личность Петра, вполнѣ соотвѣтствуетъ фактамъ. Она же подтверждается и исторіею царствованія и гибели Петра.

Въ запискахъ Екатерины сказано: «Я очень хорошо видѣла, что великій князь вовсе не любитъ меня; черезъ двѣ недѣли послѣ свадьбы, онъ опять признался мнѣ въ своей страсти къ дѣвицѣ Карръ, фрейлинѣ императрицы. Графу Девіеру онъ сказалъ, что между этою дѣвушкою и мною не можетъ быть никакого сравненія. Девіеръ былъ противнаго мнѣнія; онъ на него разсердился за это. Сцена эта происходила почти въ моемъ присутствіи. Въ самомъ дѣлѣ, — разсуждала я сама съ собою — не истребляя въ себѣ нѣжныхъ чувствъ къ этому человѣку, который такъ дурно платитъ за нихъ, я непремѣнно буду несчаст-

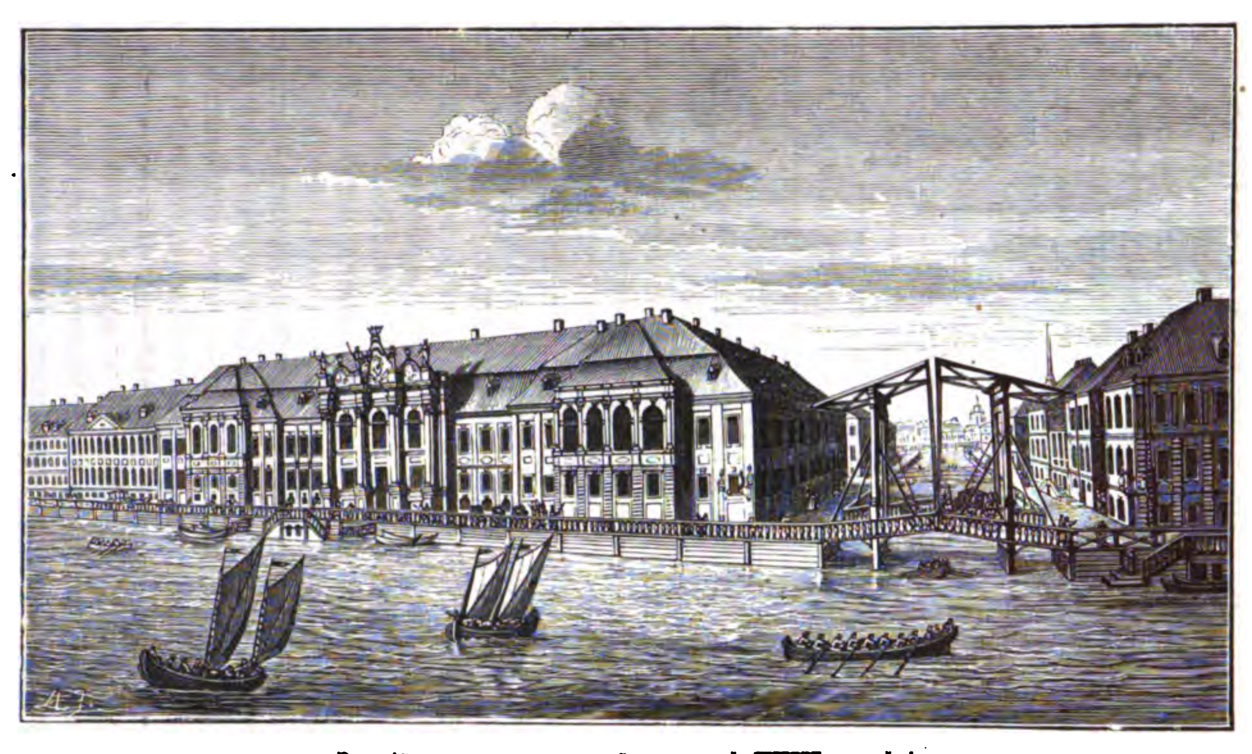
лива и измучаюсь ревностью безъ всякаго толку. Вслѣдствіе этого я старалась восторжествовать надъ моимъ самолюбіемъ и изгнать изъ сердца ревность относительно человѣка, который не любитъ меня; но для того, чтобы не ревновать, было одно средство — не любить его. Если бы онъ желалъ быть любимымъ, то относительно меня это вовсе было нетрудно; я отъ природы была наклонна и привычна къ исполненію моихъ обязанностей, но для этого мнѣ былъ нуженъ мужъ съ здравымъ смысломъ, а мой его не имѣлъ» [1]).

Затѣмъ Екатерина разсказываетъ подробно о ребяческихъ занятіяхъ мужа, о кукольной комедіи, которою онъ забавлялся по цѣлымъ часамъ, о дрессировкѣ собакъ, причемъ онъ безжалостно мучилъ несчастныхъ животныхъ, о разныхъ маскарадахъ въ обществѣ придворныхъ лакеевъ и пр. То онъ былъ невыносимъ постоянною игрою на скрипкѣ, то по цѣлымъ часамъ упражнялся кучерскимъ кнутомъ, которымъ хлесталъ на-право и на-лѣво, и т. п. Причудамъ Петра не было конца. То онъ заставлялъ Екатерину вставать ночью и одѣться, чтобы ѣсть съ нимъ устрицы, то безпрестанно толковалъ о своемъ намѣреніи выстроить близъ Ораніенбаума увеселительный домъ, на манеръ капуцинскаго монастыря, причемъ хохоталъ до упаду и восхищался заранѣе своей выдумкою. Иногда онъ заставлялъ Екатерину играть съ нимъ въ карты, причемъ, напримѣръ, однажды его ночной колпакъ представлялъ собою сумму въ 10,000 рублей. Не мудрено, что все это сильно надоѣдало великой княгинѣ. Она пишетъ: «При всей моей рѣшимости угождать ему и быть съ нимъ терпѣливою, очень часто — признаюсь откровенно — его посѣщенія, прогулки и разговоры надоѣдали мнѣ до чрезвычайности... Когда онъ уходилъ, самая скучная книга казалась мнѣ пріятнымъ развлеченіемъ» [2]).

Всѣ эти разсказы подтверждаются замѣчаніями въ запискахъ Штелина. «Великій князь», сказано тутъ, «забываетъ все, чтò училъ, и проводитъ свое время въ забавахъ съ невѣждами». Петру нужны были игрушки; ему нужна была фамильярность съ прислугою. Лѣта въ этомъ отношеніи ничего не измѣняли. Штелинъ жалуется на то, что «все употребляется на забавы, на пригонку прусскихъ гренадерскихъ касокъ, на экзерцицію съ служителями и пажами, а вечеромъ на игру» [3]).

---

[1]) Записки Екатерины, 38.
[2]) Тамъ же, 119.
[3]) «Чтенія», 1866, IV. Смѣсь, 90 и 91.

Зимній дворецъ въ первой половинѣ XVIII столѣтія.

Съ гравюры того времени Махаева.

Мало того, что Петръ игралъ въ солдаты съ своими лакеями,— у него было множество маленькихъ куколокъ, или солдатиковъ деревянныхъ, свинцовыхъ, восковыхъ и пр., которыхъ онъ разставлялъ на столахъ; вдоль столовъ были прибиты мѣдныя рѣшетки, а къ нимъ привязаны шнурки, и если дернуть за шнурокъ, то мѣдная рѣшетка издавала звукъ, который, по мнѣнію Петра, походилъ на ружейный залпъ. Однажды Екатерина, войдя въ комнату мужа, была поражена представившимся зрѣлищемъ. Посрединѣ кабинета была повѣшена огромная крыса. Петръ объяснилъ, что казнь происходила за уголовное преступленіе по военнымъ законамъ, за то, что крыса, забравшись на бастіоны картонной крѣпости, съѣла двухъ часовыхъ, сдѣланныхъ изъ крахмала, и пр. [1]). Это случилось въ 1753 году, въ восьмой годъ брака Петра.

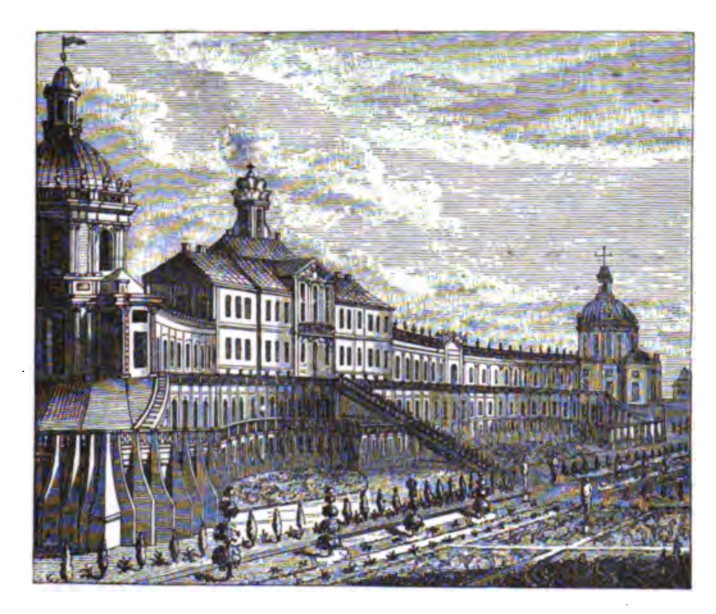
Нельзя предполагать, чтобы въ этихъ разсказахъ Екатерины заключалось преувеличеніе или пристрастіе. Такая же характеристика Петра встрѣчается въ донесеніяхъ иностранныхъ дипломатовъ. Дальонъ писалъ, въ мартѣ 1746 года, что Петръ дѣлаетъ всѣмъ непріятности, не исключая и жены, у которой разумъ превосходитъ лѣта; онъ-же склоненъ къ вину, водится съ людьми пустыми и главная забава его кукольный театръ. Въ августѣ 1747 года, Финкенштейнъ доносилъ своему королю, Фридриху II: «Надобно полагать, что великій князь никогда не будетъ царствовать въ Россіи; не говоря уже о слабомъ здоровьѣ, которое угрожаетъ ему ранновременною смертью... надобно признаться, что поведеніе его вовсе не способно привлечь сердца народа. Непонятно, какъ принцъ его лѣтъ можетъ вести себя до такой степени ребячески. Нѣкоторые думаютъ, что онъ притворяется, но въ такомъ случаѣ онъ былъ бы мудрѣе Брута. Къ несчастію, онъ дѣйствуетъ безо всякаго притворства. Великая княгиня ведетъ себя совершенно иначе» [2]).

Нѣтъ сомнѣнія, что сама императрица Елизавета считала своего племянника какъ бы несовершеннолѣтнимъ. Изъ инструкціи, составленной Бестужевымъ для лицъ, окружавшихъ великаго князя, видно, что Елизавета знала о забавахъ Петра, объ отсутствіи всякаго достоинства въ его образѣ дѣйствій. Поэтому она считала нужнымъ усилить надзоръ надъ великимъ княземъ, назначить что-то въ родѣ опеки надъ нимъ. Нѣкоторые лакеи, особенно дѣятельно участвовавшіе въ ребяческихъ увеселеніяхъ Петра, были

---

[1]) Записки Екатерины, 140.
[2]) Соловьевъ, XXI, 51—52.

удалены отъ двора; изъ инструкціи видно, что Петръ во время богослуженія въ церкви обнаруживалъ полнѣйшее отсутствіе такта, что императрицѣ было хорошо извѣстно грубое обращеніе Петра съ женою, что она знала объ игрѣ въ солдаты, о кукольной комедіи, и пр. Поэтому было предписано соблюденіе извѣстнаго порядка при распредѣленіи времени, было указано, какъ Петръ долженъ вести себя при бесѣдахъ съ разными лицами, за столомъ

Дворецъ въ Ораніенбаумѣ.

Съ гравюры прошлаго столѣтія.

и т. д., что онъ не долженъ «являть ничего смѣшного, притворнаго и подлаго въ словахъ и минахъ», что онъ долженъ удерживаться «отъ шалостей надъ служащими», «отъ неистовыхъ издѣвокъ надъ бѣдными служителями», отъ «всякой фамиліарности» съ прислугой. По поводу игры въ солдаты, въ инструкціи было сказано: «Не позволять притаскиваніе всякихъ непристойныхъ вещей, а именно: палатокъ, ружей, барабановъ и мундировъ»... «яко же мы едва понять можемъ, что нѣкоторыя изъ оныхъ (лицъ, окружавшихъ великаго князя) продерзость возымѣли такъ-названный полкъ въ покояхъ его высочества учредить» и т. д. [1]).

[1]) Соловьевъ, XXIV, 52—54.

Впрочемъ, всѣ эти предписанія оставались на бумагѣ, и ребяческія забавы Петра не прекращались. Чоглоковъ, которому поручили надзоръ надъ великимъ княземъ, былъ, какъ мы знаемъ не только изъ записокъ Екатерины, но также изъ замѣчаній Штелина, мало способнымъ и безхарактернымъ человѣкомъ.

Въ особенности продолжалась недостойная игра въ солдаты. Въ 1755 году, явились изъ Голштиніи офицеры и солдаты, съ которыми Петръ въ Ораніенбаумѣ жилъ по лагерному. Не даромъ Штелинъ смѣялся надъ мелочностью и ребячествомъ такой игры въ солдаты, дразнилъ великаго князя тѣмъ, что онъ, въ качествѣ голштинскаго офицера, считалъ нужнымъ курить табакъ, между тѣмъ какъ до этого не могъ терпѣть табачнаго дыму. Ко всему этому, присоединились попойки, къ которымъ Петръ привыкъ уже и прежде, въ компаніи лакеевъ, и которыя затѣмъ въ Ораніенбаумѣ, во время лагерной жизни великаго князя, очевидно вредили его здоровью [1]).

Трудно понять, какимъ образомъ Елизавета могла дозволить эти забавы, происходившія въ Ораніенбаумѣ. Очевидно, противники Петра, желавшіе уронить его въ общественномъ мнѣніи, убѣдили императрицу смотрѣть сквозь пальцы на его поступки. Екатерина же хорошо понимала, что такой образъ дѣйствій долженъ лишить вовсе великаго князя популярности и что Петръ, находясь постоянно въ обществѣ голштинцевъ, становится все болѣе и болѣе чуждымъ тому положенію, которое онъ долженъ былъ занять, въ качествѣ наслѣдника всероссійскаго престола. Поэтому великая княгиня, въ свою очередь, всячески избѣгала сношеній съ голштинскими воинами. Въ ея запискахъ сказано: «Такимъ образомъ, я оставалась посреди моихъ придворныхъ и безпрестанно ходила съ ними гулять, но всегда въ противоположную сторону, къ лагерю же мы не подходили ни близко, ни издали [2]).

Обстоятельства были таковы, что Екатерина во всѣхъ отношеніяхъ должна была идти «въ противоположную сторону»: Петръ всячески отталкивалъ ее отъ себя.

Не только въ запискахъ Екатерины, но также и въ другихъ источникахъ говорится о склонности Петра къ вину [3]). Екатерина разсказываетъ между прочимъ о слѣдующемъ эпизодѣ: «Однажды, только что я успѣла заснуть, какъ пришелъ спать

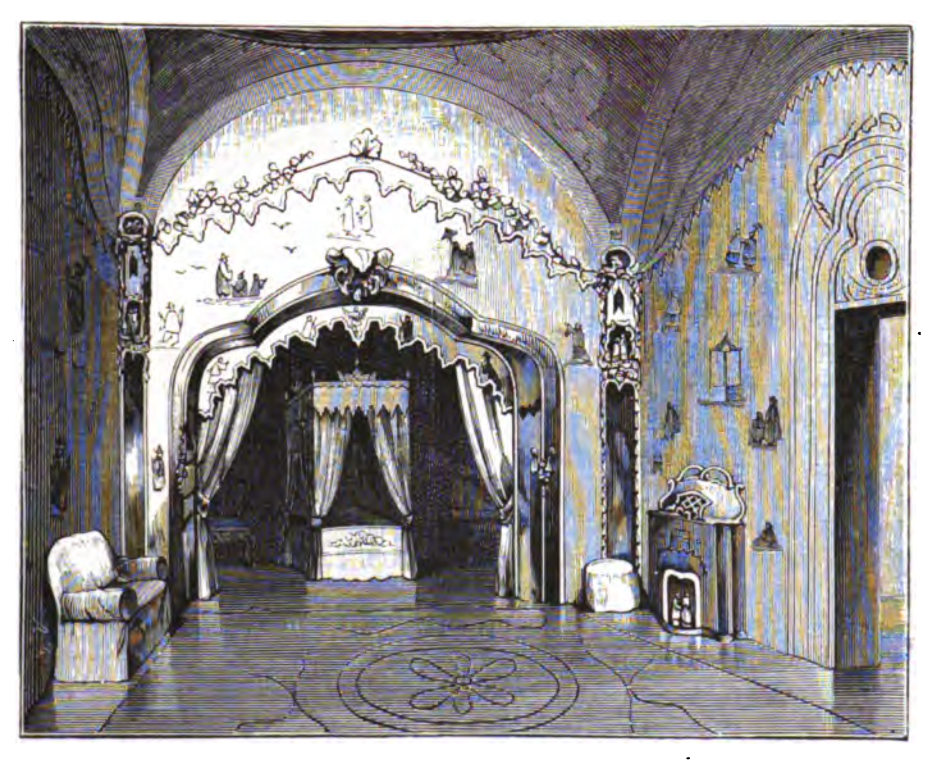
---

[1]) «Чтенія», 1866, IV. Смѣсь, 91—92, 107—109.

[2]) Записки Екатерины, 169—171.

[3]) Зап. Ек., 84 и 145. «Архивъ князя Воронцова», V, 19. «Memoirs of the princess Dashkaw», I, 29. Штелинъ, Кастера и др.

великій князь. Онъ былъ пьянъ до того, что не зналъ, чтó дѣлалъ, и, улегшись, сталъ мнѣ твердить о необыкновенныхъ качествахъ своей красавицы, принцессы Курляндской. Чтобы заставить его замолчать, я притворялась спящею, но онъ, думая разбудить меня, началъ говорить громче. Наконецъ, видя, что я не отвѣчаю, онъ раза два или три довольно сильно толкнулъ меня въ бокъ кулакомъ, и съ ругательствами на крѣпкій сонъ мой повер-

Опальня Екатерины II въ Ораніенбаумскомъ дворцѣ.

Съ гравюры первой половины нынѣшняго столѣтія.

нулся и уснулъ. Послѣ такихъ толчковъ я много плакала въ эту ночь, обдумывая мое положеніе, во всѣхъ отношеніяхъ непріятное и несносное [1]).

При такихъ обстоятельствахъ, Екатерина, чувствуя себя въ полномъ уединеніи, находила утѣшеніе въ книгахъ. Ея обученіе было какъ бы прервано путешествіемъ въ Россію. Вообще, ея воспитаніе было отрывочнымъ, неполнымъ. Теперь ей прихо-

[1]) Записки Екатерины, 95.

дилось пополнять пробѣлы въ своихъ свѣдѣніяхъ, причемъ она руководствовалась совѣтами Гилленборга. Такимъ образомъ, она легче всего могла избавиться отъ вреднаго вліянія той среды, въ которой находилась. Ни одна изъ женщинъ, ее окружавшихъ, не пользовалась ея довѣріемъ и не была его достойна. Дружба съ княгинею Дашковой относится къ нѣсколько позднѣйшему времени, къ послѣднимъ годамъ царствованія императрицы Елизаветы. Связи съ Салтыковымъ, Понятовскимъ и Орловымъ также начались нѣсколько позже. Первыя восемь лѣтъ безотрадной брачной жизни Екатерины были посвящены самообразованію. Въ ея письмѣ къ г-жѣ Бьельке (въ 1766 году) сказано: «Съ 15-ти до 33-хъ лѣтъ у меня не было женщинъ, съ которыми я могла бы разговаривать, и я смѣла имѣть передъ собою только горничныхъ. Когда мнѣ хотѣлось говорить, то надобно было приходить въ другой покой, гдѣ находились только мужчины. Такимъ образомъ, по привычкѣ-ли, по склонности-ли, я могу хорошо разговаривать только съ мужчинами» [1]).

Кромѣ графа Гилленборга, еще прусскій посланникъ, баронъ Мардефельдъ, давалъ великой княгинѣ совѣты относительно выбора книгъ и занятій не только беллетристическими, но и серьезными сочиненіями. Онъ же, какъ разсказано въ одномъ современномъ источникѣ, предвѣщалъ ей великую будущность, самостоятельное царствованіе [2]).

Екатерина разсказываетъ въ своихъ запискахъ, что она сначала занималась чтеніемъ легкихъ книгъ, а затѣмъ привыкла къ чтенію болѣе серьезному. Она пишетъ: «Послѣ свадьбы я безпрестанно читала. Первая книга, прочтенная мною въ замужествѣ, была романъ подъ заглавіемъ Tiran le blanc, и въ теченіе цѣлаго года я читала одни романы. Но они стали мнѣ надоѣдать; случайно мнѣ попались Письма госпожи Севинье, которыя я прочла съ удовольствіемъ и очень скоро. Потомъ мнѣ подвернулись подъ руку сочиненія Вольтера, и послѣ нихъ я стала разборчивѣе въ моемъ чтеніи [3]).

Вскорѣ послѣ восшествія на престолъ Екатерина писала Вольтеру: «Могу васъ увѣрить, что съ 1746 года, когда я стала располагать своимъ временемъ, я чрезвычайно многимъ вамъ обязана. До того я читала одни романы, но случайно мнѣ попались

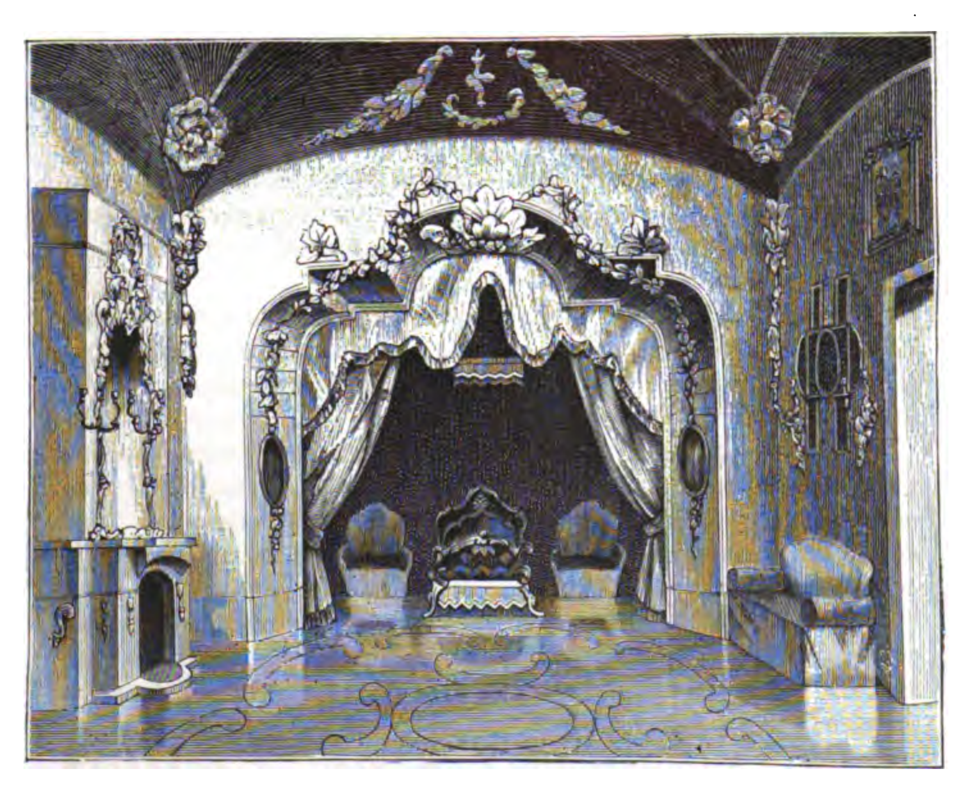
---

[1]) «Сб. Ист. О.», X, 105.

[2]) Изъ книги Сумарокова, «Черты Екатерины Великой», вышедшей въ С.-Петербургѣ въ 1819 году.

[3]) Записки Екатерины, 52.

ваши сочиненія; съ тѣхъ поръ я не переставала ихъ читать и не хотѣла никакихъ книгъ, писанныхъ не такъ хорошо и изъ которыхъ нельзя извлечь столько же пользы... Конечно, если у меня есть какія нибудь свѣдѣнія, то ими я обязана вамъ» [1]). Въ 1778 году, она писала барону Гримму о Вольтерѣ: «Онъ мой учитель; ему, или, вѣрнѣе, его сочиненіямъ, я обязана образованіемъ

Опальня Петра III въ Ораніенбаумскомъ дворцѣ.
Съ гравюры первой половины нынѣшняго столѣтія.

моего ума и головы. Я его ученица» и пр. Екатерина считала себя до того знакомою со стилемъ Вольтера, что бралась по слогу любого сочиненія отвѣтить на вопросъ, написано ли оно Вольтеромъ, или нѣтъ [2]).

Въ своихъ запискахъ Екатерина упоминаетъ о разныхъ прочитанныхъ ею въ то время книгахъ; таковы, напримѣръ, записки Брантома, «Исторія Генриха IV» Перефикса, «Церковная исторія

[1]) См. статью г. Грота въ «Древней и Новой Россіи». 1875, I. 122.
[2]) «Сб. Ист. Общ.», XXIII, 103, 113.

Баронія, «Исторія Германіи» отца Барра, сочиненія Платона, «О духѣ законовъ» Монтескье, словарь Бейля (Pierre Bayle) и пр. Довольно глубокое впечатлѣніе на Екатерину произвели историческія сочиненія Тацита. «Съ картою на столѣ» она изучала пять томовъ разныхъ путешествій. Какъ скоро стали являться выпуски энциклопедіи Дидеро и Даламбера, она усидчиво занималась изученіемъ этого капитальнаго труда.

Что касается Петра, то онъ, какъ видно изъ вышеупомянутой инструкціи, составленной Бестужевымъ для Чоглокова въ 1747 году, читалъ развѣ только романы. Въ запискахъ Екатерины сказано о Петрѣ: «Онъ накупилъ себѣ нѣмецкихъ книгъ, но что̀ это были за книги! Часть ихъ состояла изъ лютеранскихъ молитвенниковъ, другую составляли юридическіе процессы и разсказы о разбойникахъ, грабившихъ по большимъ дорогамъ, повѣшенныхъ или колесованныхъ» и пр.[1]).

Чтеніе знаменитыхъ французскихъ писателей XVIII вѣка во всякомъ случаѣ могло считаться лучшимъ средствомъ приготовленія къ управленію государствомъ, чѣмъ игра въ солдаты, которою занимался Петръ Ѳеодоровичъ.

Нельзя удивляться тому, что такое успѣшное развитіе ума и способностей Екатерины доставило ей большое значеніе при русскомъ дворѣ; она все болѣе обращала на себя вниманіе той «публики», мнѣніемъ которой, какъ мы видѣли, такъ дорожила. Англійскій посланникъ Уильямсъ (Williams) писалъ въ 1755 году: «Какъ только она пріѣхала сюда, то начала стараться всѣми средствами пріобрѣсти любовь русскихъ. Она очень прилежно училась ихъ языку и теперь говоритъ на немъ въ совершенствѣ (какъ говорятъ мнѣ сами русскіе). Она достигла своей цѣли, и пользуется здѣсь большою любовью и уваженіемъ. Ея наружность и обращеніе очень привлекательны. Она обладаетъ большими познаніями о русскомъ государствѣ, которое составляетъ предметъ ея самаго ревностнаго изученія. Канцлеръ говорилъ мнѣ, что ни у кого нѣтъ столько твердости и рѣшительности [2]).

Къ этому можно бы прибавить, что ни у кого не было столько идеализма, такой вѣры въ необходимость прогресса, какъ у Екатерины. Ко времени съ 1759 до 1762 года относятся собственноручныя замѣтки Екатерины, имѣющія характеръ и значеніе политической исповѣди. Изъ этихъ афористическихъ набросковъ

---

[1]) Записки Екатерины, 8?—87.
[2]) Соловьевъ, XXIV, 56.

видно, что Екатерина умѣла заниматься вопросами законодательства и администраціи, что она мечтала о реформахъ, что она старалась вдумываться въ то положеніе, которое ей было суждено занять немного позже. Кое-гдѣ встрѣчаются обобщенія, отвлеченныя правила; мѣстами встрѣчается и доктринерство, которымъ отличалась «литература просвѣщенія» того времени; вездѣ, однако, за-

Катальная гора въ Ораніенбаумскомъ саду, построенная въ XVIII столѣтіи.

Съ гравюры первой половины нынѣшняго столѣтія.

мѣтны серьезное отношеніе къ дѣлу, надежда принести Россіи пользу, чувство отвѣтственности предъ государствомъ и народомъ.

Вотъ нѣкоторые образчики этихъ замѣтокъ:

«Желаю и хочу только блага странѣ, въ которую привелъ меня Господь. Слава ея дѣлаетъ меня славною. Вотъ мое правило, и я буду счастлива, если мои мысли могутъ въ томъ содѣйствовать».

«Я хочу, чтобы страна и подданные были богаты: вотъ начало, отъ котораго я отправляюсь».

«Свобода — душа всего на свѣтѣ, безъ тебя все мертво. Хочу повиновенія законамъ; не хочу рабовъ; хочу общей цѣли — сдѣлать счастливыми, но вовсе не своенравія, не чудачества, не жестокости, которыя несовмѣстны съ нею» (намекъ на необходимость отмѣны крѣпостного состоянія крестьянъ).

«Когда на своей сторонѣ имѣешь истину и разумъ, тогда это слѣдуетъ высказывать передъ народомъ, объявляя ему, что такая-то причина привела меня къ тому-то: разумъ долженъ гововорить за необходимость. Будьте увѣрены, что онъ побѣдитъ въ глазахъ большинства».

Катальная колясочка Екатерининскаго времени въ Ораніенбаумѣ.

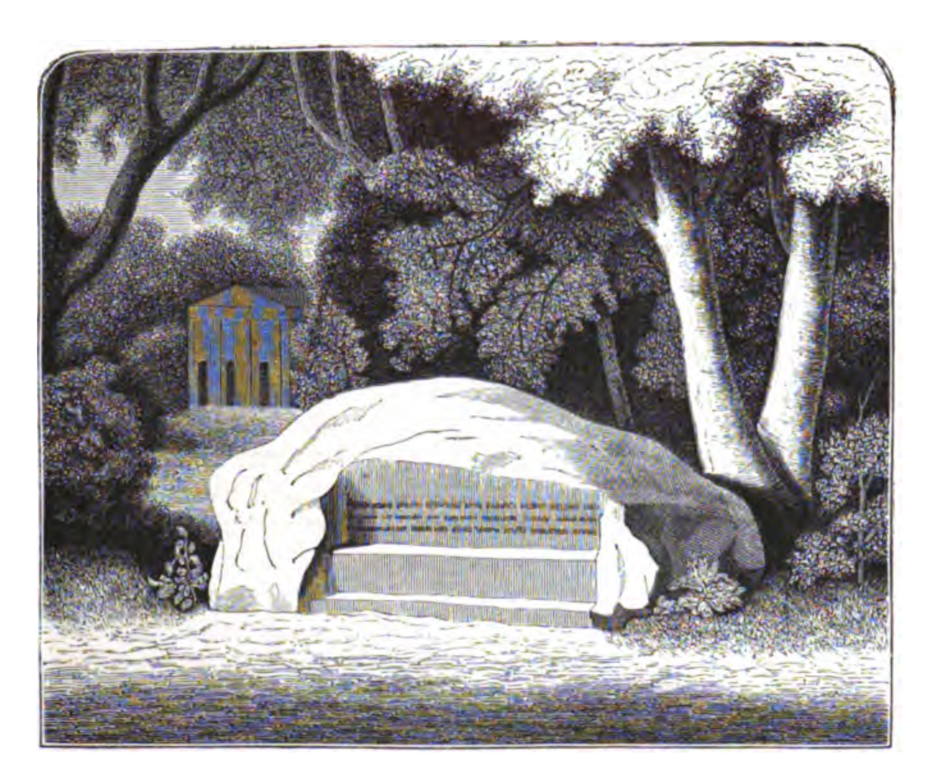
Съ гравюры первой половины нынѣшняго столѣтія.

«Власть безъ довѣрія народа ничего не значитъ. Легко достигнуть любви и славы тому, кто этого желаетъ: примите въ основу вашихъ дѣйствій, вашихъ постановленій, благо народа и справедливость, никогда неразлучныя. У васъ нѣтъ и не должно быть другихъ видовъ. Если душа ваша благородна, вотъ ея цѣль».

Въ другихъ мѣстахъ великая княгиня затрогиваетъ частные вопросы администраціи, говоритъ о началахъ теоріи населенія, хозяйственной полиціи, финансоваго управленія, разсуждаетъ о тѣхъ затрудненіяхъ, съ которыми приходится бороться законодателю, о необходимости дѣйствовать крайне осторожно въ этой области. «Хотите-ли вы уваженія общества?» — замѣчаетъ Екатерина — «пріобрѣтите довѣренность общества, основывая весь образъ вашихъ дѣйствій на правдѣ и общественномъ благѣ». «По моему

мнѣнію, есть два правила при воспитаніи принца: это, сдѣлать его благодѣтельнымъ и заставить его любить истину. Такимъ образомъ, онъ сдѣлается любезнымъ предъ Богомъ и у людей». «Пусть связываютъ мнѣ руки, когда хотятъ помѣшать злу; но оставляйте меня свободною дѣлать добро» и проч., и проч.

Какъ видно изъ этихъ немногихъ примѣровъ выписокъ и замѣтокъ, сдѣланныхъ Екатериною, она умѣла цѣнить пользу чте-

Любимое мѣсто отдохновенія Екатерины II въОраніенбаумскомъ саду.

Съ гравюры первой половины нынѣшняго столѣтія.

нія серьезныхъ книгъ. Сначала она читала отъ скуки, затѣмъ болѣе и болѣе привыкала къ усидчивому труду. Множество вопросовъ затронуто въ этихъ афористическихъ набросках и эксцерптахъ великой княгини. Тутъ говорится и о женскомъ образованіи, и о судопроизводствѣ въ отношеніи къ несостоятельнымъ должникамъ, о значеніи дворянства въ обществѣ, о томъ, какъ можно помочь потерѣ военныхъ способностей во время мира, о

причинахъ чрезвычайной смертности въ Россіи, о вопросахъ технологіи, о неблагоразуміи пытать людей, вина которыхъ не доказана, о дѣлахъ Курляндіи и Голштиніи, о разведеніи устрицъ, о соединеніи Каспійскаго моря съ Чернымъ и проч.[1]).

Такимъ образомъ, Екатерина, считая возможнымъ, что ей рано или поздно будетъ суждено управлять Россію, старалась приготовиться къ такой дѣятельности. Въ связи съ стремленіемъ сдѣлаться способною къ занятіямъ дѣлами, она желала пріобрѣсти популярность, быть любимою и уважаемою всѣми. Еще ко времени до свадьбы относится слѣдующее замѣчаніе въ запискахъ Екатерины: «Больше чѣмъ когда-либо я старалась снискать расположеніе всѣхъ вообще, большихъ и малыхъ. Никто не былъ забытъ мною, и я поставила себѣ правиломъ думать, что я нуждаюсь во всѣхъ, и всячески пріобрѣтать общую любовь, въ чемъ я и успѣла»[2]). Особенно тщательно Екатерина старалась снискать расположеніе императрицы, причемъ руководствовалась совѣтами женщинъ, ее окружавшихъ. Въ позднѣйшее время она любила разсказывать, какимъ образомъ ей удалось расположить къ себѣ бо̀льшее число лицъ при дворѣ и пріобрѣсти вниманіе и довѣренность. Особенно она, по ея подробному разсказу въ бесѣдѣ съ Н. П. Румянцовымъ, старалась угождать всѣмъ старушкамъ въ высшихъ слояхъ русскаго общества, такъ какъ замѣтила, что онѣ имѣли нѣкоторое вліяніе на общественное мнѣніе при оцѣнкѣ лицъ, находившихся нри дворѣ. «И въ торжественныхъ собраніяхъ, — объясняла Екатерина, — и на простыхъ сходбищахъ и вечеринкахъ я подходила къ старушкамъ, садилась подлѣ нихъ, спрашивала объ ихъ здоровьѣ, совѣтовала, какія употреблять имъ средства въ случаѣ болѣзни, терпѣливо слушала безконечные ихъ разсказы объ ихъ юныхъ лѣтахъ, о нынѣшней скукѣ, о вѣтренности молодыхъ людей; сама спрашивала ихъ совѣта въ разныхъ дѣлахъ и потомъ искренно ихъ благодарила. Я узнала, какъ зовутъ ихъ мосекъ, болонокъ, попугаевъ, дуръ; знала, когда которая изъ этихъ барынь именинница. Въ этотъ день являлся къ ней мой камердинеръ, поздравлялъ ее отъ моего имени и подносилъ цвѣты и плоды изъ ораніенбаумскихъ оранжерей. Не прошло двухъ лѣтъ, какъ самая жаркая хвала моему уму и сердцу послышалась со всѣхъ сторонъ и разлилась по всей Россіи. Этимъ простымъ и невиннымъ бразомъ составила я себѣ громкую славу

[1]) «Сб. Ист. Общ.», VII, 82—101.
[2]) Зап. Ек., 31.

и, когдá зашла рѣчь о занятіи русскаго престола, очутилось на моей сторонѣ значительное большинство» [1]).

Этотъ разсказъ въ сущности соотвѣтствуетъ тому, что, хотя гораздо короче и проще, говорится на этотъ счетъ въ запискахъ Екатерины. Въ противоположность Петру, навлекшему на себя общее негодованіе и не пользовавшемуся никакою популярностью,

Голштинская церковь въ Ораніенбаумѣ, построенная Петромъ III.

Съ гравюры первой половины нынѣшняго столѣтія.

Екатерина умѣла цѣнить то значеніе, которое имѣло для нея общее мнѣніе, и довольно искусно, не безъ нѣкоторой мелочности, не безъ нѣкотораго хладнокровнаго разсчета, выбирала средства для составленія себѣ хорошей репутаціи.

При всемъ томъ, впрочемъ, Екатерина, прибывшая въ Россію въ то время, когда ей было лишь пятнадцать лѣтъ, отличалась

[1]) «Русскій Архивъ», 1873, 336—337.

веселостью нрава, склонностью къ разнымъ шуткамъ и играмъ. Она не могла ограничиваться чтеніемъ книгъ, занятіемъ вопросами, относящимися къ ея политическому положенію. У нея были своего рода причудливыя забавы и увеселенія. Вотъ что она пишетъ о своемъ житьѣ-бытьѣ въ Ораніенбаумѣ лѣтомъ 1748 года: «Поутру я вставала въ три часа и безъ прислуги съ ногъ до головы одѣвалась въ мужское платье. Мой старый егерь дожидался меня, чтобъ идти на морской берегъ, къ рыбачьей лодкѣ. Пѣшкомъ, съ ружьемъ на плечѣ, мы пробирались садомъ и, взявъ съ собою лягавую собаку, садились въ лодку, которою правилъ рыбакъ. Я стрѣляла утокъ въ тростникѣ, на берегу моря, по обѣимъ сторонамъ тамошняго канала, который на двѣ версты уходитъ въ море. Часто мы огибали каналъ и иногда сильный вѣтеръ уносилъ нашу лодку въ открытое море» и пр.

Около этого же времени, Екатерина пристрастилась къ верховой ѣздѣ. Она подробно разсказываетъ, какъ, около 1750 года, зная, что императрица не любила, чтобъ она ѣздила по-мужски, заказала себѣ англійское дамское сѣдло, на которомъ ѣздила по-мужски въ дамскомъ платьѣ. «Въ Ораніенбаумѣ», пишетъ Екатерина, «мы каждый Божій день ѣздили на охоту. Случалось иногда до тринадцати разъ въ день садиться на лошадь... Сказать по правдѣ, я была очень равнодушна къ охотѣ, но страстно любила верховую ѣзду, и чѣмъ больше было въ ней опасности, тѣмъ она была милѣе мнѣ: если случалось, что лошадь убѣгала, я бросалась за нею и приводила ее назадъ. Въ это время также у меня въ карманѣ постоянно бывала книга, которую я принималась читать, какъ скоро была одна»[1]). Немного позже, а именно въ 1756 году, Екатерина начала изучать верховую ѣзду систематически. «Я вставала въ 6 часовъ утра», сказано въ ея запискахъ, «одѣвалась по мужски и шла въ свой садъ: тамъ у меня было устроено особое мѣсто на чистомъ воздухѣ, служившее мнѣ манежемъ. Успѣхи мои были такъ быстры, что часто Циммерманъ (учитель верховой ѣзды) подбѣгалъ ко мнѣ и въ невольномъ восторгѣ, со слезами на глазахъ, цѣловалъ у меня сапогъ... По правилу манежа, Циммерманъ, въ награду трудовъ моихъ, подарилъ мнѣ серебряныя шпоры. Въ три недѣли я прошла весь курсъ верховой ѣзды, и къ осени Циммерманъ привелъ лошадь для вольтижированія» и пр.[2])

---

[1]) Записки Екатерины, 104—105.
[2]) Тамъ же, 183.

Въ этихъ упражненіяхъ Екатерины, вмѣстѣ съ нѣкоторою молодецкою удалью, обнаруживаются извѣстнаго рода самостоятельность, крѣпкое здоровье, нѣкоторый избытокъ физической силы, игривость молодости и веселость, иногда доходившая до рѣзвости.

Таково было развитіе Екатерины въ эпоху молодости и во время ея злосчастнаго брака съ Петромъ. Страсть къ занятіямъ,

Форма голштинскихъ войскъ при Петрѣ III.
Съ рисунка, находящагося въ „Описаніи одеждъ и вооруженія русскихъ войскъ".

склонность къ развлеченіямъ, необычайное честолюбіе не давали ей покоя. Не могла она довольствоваться скромными забавами въ кругу фрейлинъ, охотою и верховою ѣздою, чтеніемъ книгъ и изученіемъ теоріи государственнаго управленія, и рано или поздно должна была идти дальше. Ея прошедшее было скромнымъ, безцвѣтнымъ существованіемъ; теперь же ей представилась воз-

можность занять одно изъ первыхъ мѣстъ въ мірѣ; ее ожидали слава и пышность короны; она не могла не думать объ удовлетвореніи своего безграничнаго честолюбія. Судьба связала ее лишь внѣшнимъ образомъ и какъ бы случайно съ человѣкомъ, стоявшимъ и физически, и нравственно и умственно несравненно ниже ея. И прирожденныя способности, и внѣшнія обстоятельства, и личный интересъ, и интересы Россіи заставляли великую княгиню искать для себя вполнѣ самостоятельнаго пути, воспользоваться своимъ положеніемъ для достиженія своихъ цѣлей. При такомъ различіи темпераментовъ, характеровъ, способностей и наклонностей Петра и Екатерины, нельзя удивляться тому, что исторія ихъ брака представляетъ собою цѣлый рядъ недоразумѣній, столкновеній; первоначальная холодность и невниманіе превратились въ ненависть.

Екатерина, въ 1767 году, въ письмѣ къ г-жѣ Бьельке, говоря о датской королевѣ Каролинѣ-Матильдѣ, замѣтила: «Мнѣ жаль бѣдной королевы... нѣтъ ничего хуже имѣть мужемъ ребенка. Я опытна по этой части [1]), и принадлежу къ числу тѣхъ женщинъ, которыя думаютъ, что всегда виноваты мужья, если они нелюбимы, потому что по истинѣ я бы очень любила своего, если бы представлялась къ тому возможность и еслибъ онъ былъ такъ добръ, что желалъ бы этого» [2]).

Это замѣчаніе написано послѣ кончины Петра. Зато слѣдующій отзывъ, какъ кажется, прямо касающійся Петра Θеодоровича, написанъ наканунѣ его вступленія на престолъ и встрѣчается между собственноручными замѣтками великой княгини: «Человѣкъ, несправедливо нападающій на насъ или отказывающій намъ въ томъ, что достоитъ намъ, разрываетъ самъ связи, соединяющія его съ нами, и такимъ образомъ, по собственной винѣ, уничтожаетъ обязательства, которыя налагали на насъ эти связи» [3]).

Мы уже знаемъ, что тотчасъ послѣ свадьбы Екатерина жаловалась на невниманіе къ ней мужа. Достоенъ вниманія слѣдующій намекъ на нѣкоторую холодность отношеній Петра къ Екатеринѣ въ это время. Въ письмѣ къ г-жѣ Бьельке отъ 24 апрѣля 1774 года говорится о ложномъ слухѣ относительно беременности великой княгини Наталіи Алексѣевны; къ этому прибавлено: «На

---

[1]) «Je sais se qui en vaut l'aune».
[2]) «S'il avait eu la bonté de le vouloir». «Сб. Ист. Общ.», X, 164.
[3]) «Сб. Ист. Общ.», VII, 10.

этотъ счетъ я не чувствую нетерпѣнія, да и не имѣю права на то: у меня у самой не было дѣтей въ продолженіе девяти лѣтъ супружества; правда, впрочемъ, что обстоятельства были другія» [1]). Быть можетъ, это послѣднее замѣчаніе состоитъ въ нѣкоторой связи съ разсказомъ Штелина, что врачи, принимая во вниманіе физическую слабость великаго князя, совѣтовали отсрочить свадьбу. Изъ записокъ Екатерины мы узнаемъ, что императрица Елиза-

Форма голштинскихъ войскъ при Петрѣ III.

Съ рисунка, находящагося въ „Описаніи одеждъ и вооруженія русскихъ войскъ".

вета не мало была озабочена тѣмъ, что бракъ Петра съ Екатериною такъ долго оставался безплоднымъ [2]).

20 сентября 1754 года, Екатерина родила сына Павла. Лишь только его спеленали, императрица приказала повивальной бабкѣ взять ребенка и слѣдовать за нею. Екатерина видѣла своего сына чрезвычайно рѣдко. Рожденіе его не содѣйствовало сближенію великой княгини съ супругомъ.

9 декабря 1758 года, Екатерина родила дочь: она просила императрицу, чтобъ та позволила назвать ребенка ея именемъ,

---

[1]) «Сб. Ист. Общ.», XIII, 100.

[2]) Записки Екатерины, 93.

но Елизавета дала ей имя старшей сестры своей, герцогини Голштинской, Анны Петровны.

Тѣмъ временемъ разладъ между супругами не прекращался. Императрица была нѣсколько озабочена этимъ обстоятельствомъ.

Форма голштинскихъ войскъ при Петрѣ III.

Съ рисунка, находящагося въ „Описаніи одеждъ и вооруженія русскихъ войскъ".

Не даромъ въ наказѣ Чоглокову императрица вмѣняла ему въ обязанность наблюдать за тѣмъ, «чтобы между ихъ императорскими высочествами ни малѣйшее несогласіе не происходило, наименьше же допускать, чтобы какое преогорченіе вкоренилось» [1]).

---

[1]) Соловьевъ, XXIV, 52.

Нельзя было избѣгнуть «вкорененія преогорченія». Въ запискахъ Екатерины заключается полная исторія этого брака. Не щадя мужа, Екатерина не скрыла и своихъ поступковъ и похожденій, о которыхъ говоритъ съ поразительной откровенностью.

Положеніе Екатерины заставляло ее подчасъ дѣйствовать непрямо и неоткрыто. Ей запрещали переписываться съ матерью: она, не смотря на это, находила возможность сохранять нѣкоторую связь съ Іоганною-Елизаветою. За нею надзирали; она весьма

Форма голштинскихъ офицеровъ при Петрѣ III.

Съ рисунка, находящагося въ „Описаніи одеждъ и вооруженія русскихъ войскъ".

часто, не смотря на строгій надзоръ, дѣйствовала вполнѣ самостоятельно, по своему усмотрѣнію. Императрица запретила ей ѣздить верхомъ по мужски; она же изобрѣла сѣдло особой конструкціи и придумывала для себя костюмы, съ цѣлью и въ этомъ отношеніи избѣгнуть надзора и имѣть свою волю. Сохраняя внѣшній видъ смиренія и уступчивости, она въ душѣ стояла выше лицъ сильнѣйшихъ. Не имѣя ни друга, ни руководителя, великая княгиня, предоставленная самой себѣ и на каждомъ шагу чувствуя мѣру зависимости отъ внѣшнихъ обстоятельствъ, а притомъ обладая широкимъ и проницательнымъ умомъ, не могла не

привыкнуть къ обдуманнымъ, разсчетливымъ дѣйствіямъ, къ нѣсколько сложной системѣ обращенія съ людьми, ее окружавшими.

Все это, въ соединеніи съ страстною натурою молодой женщины, объясняетъ, почему были возможны отношенія Екатерины къ Салтыкову, Понятовскому, Григорію Орлову. При дворѣ, гдѣ фаворитизмъ игралъ столь важную роль, гдѣ каждый былъ занятъ своими частными интересами, болѣе или менѣе тайными сношеніями съ разными лицами, и Екатерина должна была рано или поздно искать опоры въ подобныхъ сношеніяхъ.

Такого рода событія не могли не содѣйствовать полнѣйшему разладу между Петромъ и Екатериною. Оба они находились въ нѣкоторомъ антагонизмѣ съ императрицею. Это обстоятельство не могло, однако, повести къ сближенію, къ заключенію нѣкотораго союза между ними. Петръ сильно чувствовалъ перевѣсъ своей супруги; во многихъ случаяхъ онъ довѣрялъ ей свои тайны, руководствовался иногда ея совѣтами. Вообще, однако, при различіи нрава и способностей, идти вмѣстѣ, опираться другъ на друга, было не возможно. Еще во время царствованія императрицы Елизаветы между супругами происходили столкновенія, предвѣщавшія дальнѣйшіе кризисы въ будущемъ. Объ одномъ подобномъ эпизодѣ, случившемся въ 1755 году, разсказано въ запискахъ Екатерины слѣдующее: «Однажды, послѣ обѣда, великій князь явился ко мнѣ въ комнату и сталъ говорить, что я начинаю быть невыносимо гордою и что онъ съумѣетъ меня образумить. Я спрашивала, въ чемъ заключается моя гордость. Онъ отвѣчалъ, что я хожу чрезъ чуръ прямо. Я спрашивала, развѣ для того, чтобы быть ему угодною, слѣдуетъ ходить согнувши спину, какъ рабы Великаго Могола. Онъ разсердился и сказалъ, что онъ непремѣнно меня образумитъ. Какъ же? спросила я. Тогда онъ прислонился спиною къ стѣнѣ, обнажилъ до половины шпагу и показалъ ее мнѣ. Я спросила его, что это значитъ; если онъ вздумалъ со мною драться, то мнѣ тоже нужно имѣть шпагу. Тутъ онъ вложилъ полуобнаженную шпагу въ ножны и сказалъ, что я сдѣлалась страшно зла» и проч. [1]).

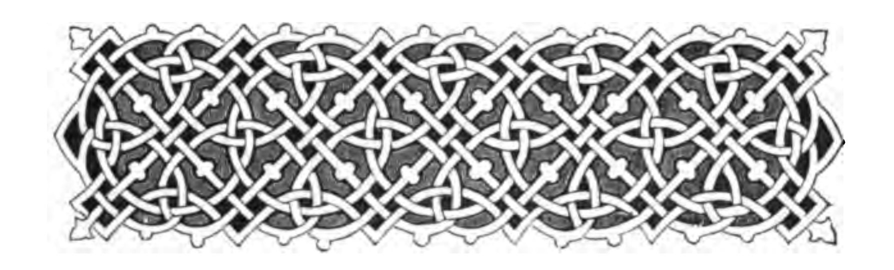
Какъ видно, предстоялъ поединокъ между Петромъ и Екатериною. Борьба была неровна, и въ безусловной побѣдѣ Екатерины нельзя было сомнѣваться.

---

[1]) Записки Екатерины, 167.

Великій князь Павелъ Петровичъ въ 1758 году.
Съ гравированнаго портрета прошлаго столѣтія Грекова.

ГЛАВА III.

Участіе въ политическихъ дѣлахъ до 1761 года.

Между императрицею и «молодымъ дворомъ» существовали подчасъ нѣсколько натянутыя отношенія. Однако, при разладѣ между Петромъ и Екатериною, при различіи ихъ нравовъ и способностей, нельзя удивляться тому, что образъ дѣйствій Петра относительно Елизаветы рѣзко отличался отъ поступковъ великой княгини. Петръ всегда дѣйствовалъ легкомысленно, увлекаясь минутными побужденіями и обнаруживая полнѣйшую неспособность къ занятіямъ политическими вопросами; у него не доставало ни сосредоточенности, ни проницательности, ни мужества, для того, чтобы образовать для себя какую нибудь партію или разыгрывать какую-либо политическую роль. Екатерина, напротивъ, имѣла приверженцевъ, искала себѣ союзниковъ, образовала для себя сильную партію; въ минуты опасности она обнаруживала необычайное хладнокровіе и присутствіе духа. Ни на мгновеніе она не упускала изъ виду той главной цѣли, на которую были устремлены ея взоры съ первой минуты пребыванія въ Россіи. Приближаясь мало по малу къ этой цѣли, она не была разборчива въ средствахъ для составленія себѣ болѣе выгоднаго положенія. При ея громадныхъ способностяхъ, при ея желѣзной волѣ, нельзя было сомнѣваться въ успѣхѣ.

Странно, что многимъ современникамъ бывшій императоръ Іоаннъ Антоновичъ и великій князь Петръ Ѳеодоровичъ казались болѣе опасными претендентами, чѣмъ Екатерина.

Разсказывали, что въ 1749 году, во время опасной болѣзни императрицы, въ кружкахъ царедворцевъ зашла рѣчь о замѣщеніи престола и что многія лица изъявили готовность, въ случаѣ кончины Елизаветы, возвести на престолъ Іоанна Антоновича [1]). Въ болѣе скромныхъ сферахъ русскаго общества, хотя лишь временно, обнаруживалось нѣкоторое сочувствіе къ Петру Ѳеодоровичу. Дѣло дошло даже до заговора въ пользу великаго князя.

Въ 1749 году, лѣтомъ, дворъ находился въ Москвѣ. Въ это же время между заводскими крестьянами около древней столицы происходили волненія и безпорядки, которыми задумалъ воспользоваться подпоручикъ Ширванскаго пѣхотнаго полка, Іоасафъ Батуринъ, для рѣшительныхъ дѣйствій въ пользу великаго князя. Успѣхъ государственнаго переворота въ 1741 году могъ внушить честолюбивому авантюристу мысль о возможности подобной же попытки въ пользу племянника императрицы Елизаветы. Въ 1741 году, оказалось дѣломъ весьма нетруднымъ устранить, при помощи немногихъ офицеровъ и солдатъ, Брауншвейгскую фамилію; теперь же Батуринъ считалъ легко возможнымъ устраненіе императрицы и ея фаворита, Разумовскаго, при помощи шайки заводскихъ крестьянъ. Петръ, узнавъ объ этомъ намѣреніи, съ одной стороны одобрялъ столь безумныя предположенія, съ другой — сильно трусилъ и не рѣшался принять участіе въ этомъ дѣлѣ. Заговоръ былъ открытъ, и Петръ, узнавъ объ арестѣ нѣкоторыхъ сообщниковъ своихъ, находился въ ужасной тревогѣ. Каждую минуту онъ ожидалъ, что и его подвергнутъ слѣдствію. Екатерина въ своихъ запискахъ говоритъ въ насмѣшливомъ тонѣ объ отсутствіи въ великомъ князѣ всякаго мужества при этомъ случаѣ, и какъ онъ, въ страшномъ волненіи, сообщилъ ей нѣкоторыя подробности объ этой важной тайнѣ. Впрочемъ, заговоръ Батурина не имѣлъ послѣдствій для Петра. Батуринъ и его товарищи нѣсколько лѣтъ просидѣли въ заключеніи [2]). Этотъ эпизодъ показалъ, что Петръ не могъ считаться опаснымъ претендентомъ. Екатерина была права, сдѣлавъ при этомъ случаѣ мужу выговоръ за то, что онъ неблагоразумно связался съ егерями и псарями и внимательно выслу-

---

[1]) Herrmann, «Gesch. d. russ. Staats», V, 106.

[2]) Записки Екатерины, 109. Статья г. Барсукова о Батуринѣ, въ «Древней и Новой Россіи» 1875, I — 170 и слѣд. Соловьевъ, XXIII, 208, по ошибкѣ относитъ этотъ случай къ 1753 году.

шивалъ ихъ болтовню о нелѣпыхъ предпріятіяхъ полупомѣшаннаго подпоручика.

Хотя великій князь и не былъ привлеченъ къ суду, но такого рода событія, какъ заговоръ Батурина, не могли содѣйствовать сближенію между Петромъ и императрицею Елизаветою. Опека и надзоръ надъ всѣми дѣйствіями великаго князя и его супруги были усилены и становились невыносимыми. Не безъ основанія въ одной біографіи Петра, составленной вскорѣ послѣ его кончины, было сказано, что его при императрицѣ Елизаветѣ содержали «какъ бы подъ легкимъ арестомъ, будто государственнаго преступника» [1]). Въ первое время брака Петра, ребяческія забавы его и полнѣйшее отсутствіе такта въ немъ до того раздражили императрицу, что она имѣла съ племянникомъ довольно серьёзныя объясненія, причемъ замѣтила ему, что онъ, вѣроятно, забылъ, чѣмъ ей обязанъ, что она считаетъ его неблагодарнымъ, что у ея отца, Петра I, былъ неблагодарный сынъ, котораго онъ наказалъ, лишивъ наслѣдства, и пр. [2]). Кто обнаруживалъ нѣкоторую рипвязанность къ великому князю, того удаляли немедленно. Были найдены краткія записки императрицы Елизаветы, въ которыхъ высказано сильное негодованіе на Петра [3]). Однажды, онъ обратился къ фавориту императрицы, Ивану Ивановичу Шувалову, съ просьбою содѣйствовать укрощенію гнѣва тетки и выхлопотать ему нѣсколько бо̀льшую свободу въ дѣйствіяхъ. Изъ нѣсколькихъ краткихъ записокъ Петра къ Шувалову видно, что онъ проигрывалъ въ карты довольно значительныя суммы, что онъ просилъ денегъ на покрытіе долговъ, желалъ на годъ или на два уѣхать за-границу для поправленія здоровья; эти записки свидѣтельствуютъ о сильномъ душевномъ разстройствѣ великаго князя [4]).

Въ такомъ положеніи Петръ не могъ не желать большей самостоятельности, освобожденія отъ опеки своей тетки. Онъ не могъ не мечтать о своемъ воцареніи. Екатерина замѣчаетъ, что однажды, узнавъ объ опасности болѣзни императрицы, великій князь казался чуть ли не обрадованнымъ. Незавидное положеніе Петра въ этомъ отношеніи походило на положеніе царевича Алексѣя Петровича при Петрѣ Великомъ.

---

[1]) «Wie ein in gelindem Arrest befindlicher Staatsgefangener»; «Die merkwürdige Lebensgeschichte des unglücklichen russischen Kaisers Peters des Dritten». Leipzig, 1773. 161.

[2]) Записки Екатерины, 40.

[3]) «Чтенія», 1867, IV. Смѣсь, 28.

[4]) «Русскій Архивъ», 1866, 580 — 583. О долгахъ см. «Русскую Старину», I, 199, V, 675; XXIII, 197.

Ни Петръ Өеодоровичъ, ни Алексѣй Петровичъ, по слабости характера и умственныхъ способностей, не могли сдѣлаться заговорщиками. Это, однако, не мѣшало ни тому ни другому заниматься тайными интригами, затрогивать вполнѣ независимо разные политическіе вопросы и дѣйствовать наперекоръ видамъ правительства. Во время Семилѣтней войны, Петръ чуть ли не былъ измѣнникомъ, находясь въ тайныхъ сношеніяхъ съ Фридрихомъ II и обнаруживая крайнюю радость при полученіи извѣстій о побѣдахъ прусскихъ войскъ надъ русскими. При всемъ томъ, однако, у него не было точной политической программы. Его образъ мыслей и дѣйствій не столько былъ основанъ на убѣжденіи политическихъ выгодъ сближенія съ Пруссіею, сколько лишь на личномъ расположеніи къ Фридриху II. Не владѣя достаточными средствами для того, чтобы оказать дѣйствительную помощь Пруссіи, онъ въ сущности не могъ сдѣлаться опаснымъ императрицѣ Елизаветѣ и ея политической системѣ.

Совсѣмъ иначе держала себя Екатерина, располагавшая гораздо большими средствами, умѣвшая притворяться, образовавшая себѣ партію и готовая, въ крайнихъ случаяхъ, приступить къ чрезвычайно смѣлымъ дѣйствіямъ.

Довольно часто въ запискахъ Екатерины встрѣчаются болѣе или менѣе рѣзкіе отзывы о личности Елизаветы. Зато ей нравилась необычайная красота императрицы. Замѣчанія о мелочности характера послѣдней подтверждаются разными фактами, между прочимъ и наказомъ, составленнымъ въ 1746 году, по приказанію Елизаветы, для лицъ, окружавшихъ молодую чету [1]). Не даромъ въ новѣйшее время было указано на различіе между этою инструкціею и составленными позже Екатериною правилами, которыми должна была руководствоваться невѣста и супруга цесаревича Павла Петровича [2]). Мелочность опеки надъ Екатериною и Петромъ доходила до крайнихъ предѣловъ. Никто не могъ безъ особаго разрѣшенія Чоглоковыхъ, имѣвшихъ надзоръ надъ великокняжескою четою, явиться въ покояхъ Петра или Екатерины; довольно часто Елизавета отзывалась неблагопріятно о Екатеринѣ; не разъ обнаруживалось нѣкоторое невниманіе къ сохраненію здоровья великой княгини. При столь стѣсненномъ во всѣхъ отношеніяхъ положеніи, Екатерина не могла не желать пріобрѣтенія тайныхъ доброжелателей, союзниковъ; показывая видъ полнѣйшаго

---

[1]) «Архивъ князя Воронцова», II, 98—111.
[2]) Г. Гротъ въ «Древней и новой Россіи» 1875, I, 131—124.

равнодушія къ политическимъ вопросамъ, совершенной покорности, безусловнаго смиренія, великая княгиня занялась приведеніемъ въ исполненіе широкой политической программы.

Мы помнимъ, что отецъ Екатерины, разставаясь съ нею, совѣтовалъ ей уклоняться отъ всякаго участія въ политическихъ дѣлахъ. Также и въ инструкціи, составленной для Чоглоковыхъ, по приказанію императрицы, заключалось предписаніе строго наблюдать за тѣмъ, чтобы великая княгиня никоимъ образомъ не принимала участія въ русскихъ или голштинскихъ государственныхъ дѣлахъ. При характерѣ Екатерины, соблюденіе подобныхъ правилъ было немыслимо.

Петръ сближался преимущественно съ лакеями, егерями и псарями. Екатерина, со времени своего пріѣзда въ Россію, служила предметомъ вниманія наиболѣе выдающихся сановниковъ, которые, въ виду предстоявшей перемѣны на престолѣ, искали расположенія Екатерины. Мы узнаемъ, что иностранные дипломаты чрезвычайно невыгодно отзывались о великомъ князѣ. Совсѣмъ иначе они относились къ Екатеринѣ. Многія лица считали весьма вѣроятнымъ, что рано или поздно она займетъ первое мѣсто въ государствѣ.

Такимъ образомъ, великая княгиня, сначала игравшая чрезвычайно скромную роль, мало по малу пріобрѣтала весьма важное значеніе и даже сдѣлалась средоточіемъ нѣкоторой политической агитаціи.

Въ своихъ запискахъ Екатерина откровенно говоритъ о томъ, что, при всемъ несчастіи брака съ жалкимъ Петромъ, при всей неловкости ея положенія при дворѣ вообще, ее поддерживала мысль о будущемъ. Чѣмъ опаснѣе становилось положеніе ея супруга, навлекшаго на себя общее нерасположеніе, тѣмъ болѣе систематически она мечтала о своемъ величіи. «Я увидѣла», писала она впослѣдствіи, «что мнѣ остаются на выборъ три, равно опасные и трудные пути: 1-е, раздѣлить судьбу великаго князя, какая она ни будетъ; 2-е, находиться въ постоянной зависимости отъ него и ждать, что ему угодно будетъ сдѣлать со мною; 3-е, дѣйствовать такъ, чтобы не быть въ зависимости ни отъ какого событія. Сказать яснѣе, я должна была либо погибнуть съ нимъ или отъ него, либо спасти самое себя, моихъ дѣтей и, можетъ быть, все государство отъ тѣхъ гибельныхъ опасностей, въ которыя несомнѣнно ввергли бы ихъ и меня нравственныя и физическія качества этого государя. Послѣдній путь казался мнѣ наиболѣе надежнымъ; поэтому я рѣшилась по преж-

нему, сколько могла и умѣла, давать ему благіе совѣты, но не упорствовать, когда онъ мнѣ не слѣдовалъ, и не сердить его, какъ прежде; указывать ему его настоящія выгоды всякій разъ, какъ представится къ тому случай, но въ остальное время хранить самое строгое молчаніе, и, съ другой стороны, соблюдать свои интересы по отношенію къ публикѣ, такъ чтобы сія послѣдняя видѣла во мнѣ спасительницу общественнаго блага»[1]).

Очевидно, Екатерина дѣлалась претендентомъ на престолъ; она не столько была совѣтникомъ, сколько соперникомъ мужа; она предвидѣла, что неизбѣжные кризисы въ государственной жизни Россіи предоставятъ ей нѣчто въ родѣ диктатуры. При необычайной рѣшимости нрава и обдуманности своихъ дѣйствій вообще, Екатерина не могла довольствоваться пассивною ролью. Люди опытные, какъ, напримѣръ, Бестужевъ, не считали возможнымъ, чтобы царствованіе Петра было продолжительно; Мардефельдъ, какъ увѣряютъ, сказалъ однажды Екатеринѣ: «Вы будете царстовать или я совсѣмъ глупецъ». Ея духовный отецъ не разъ говорилъ ей, что на нее обращено вниманіе всего русскаго общества. Съ разныхъ сторонъ выражались желанія войти въ сношенія въ великою княгинею, снискать ея расположеніе.

Мало по малу, вопросъ о томъ, что̀ будетъ съ Россіею послѣ кончины императрицы, становился жгучимъ, животрепещущимъ. При слабомъ здоровьѣ Елизаветы, при постоянно возобновлявшихся съ нею, въ пятидесятыхъ годахъ, болѣзненныхъ и опасныхъ припадкахъ, нельзя было не заняться этимъ вопросомъ. Отъ рѣшенія его зависѣло благо всей Россіи внутри и успѣхъ внѣшней политики. Нельзя было, при обсужденіи этихъ вопросовъ, не взвѣшивать мѣру вліянія отдѣльныхъ лицъ, на участіе которыхъ можно было разсчитывать въ минуту перемѣны на престолѣ. Люди враждебные другъ другу мечтали о сближеніи и примиреніи, ради избѣжанія опасныхъ переворотовъ. При столь натянутомъ положеніи, происходили между разными сановниками переговоры, о которыхъ, понятно, сохранились лишь скудныя и отрывочныя свѣдѣнія въ историческихъ источникахъ.

Съ особенно напряженнымъ вниманіемъ англійскій дипломатъ Уильямсъ наблюдалъ, во время начала Семилѣтней войны, за настроеніемъ умовъ при русскомъ дворѣ. Онъ сообщаетъ въ донесеніяхъ своему правительству, что великая княгиня весьма дѣятельна, что ее очень любятъ, но что нѣкоторые люди ея боятся;

---

[1]) Записки Екатерины, 218.

что лица, приближенныя къ императрицѣ, стараются сблизиться съ нею [1]). То были Разумовскіе и Шуваловы. «Императрица никого не видитъ и не слушаетъ, какъ только Шуваловыхъ», пишетъ голландскій резидентъ въ это время [2]). И вотъ, именно Шуваловы предложили Екатеринѣ свои услуги. Предложеніе было

И. И. Шуваловъ.

Съ рѣдчайшаго гравированнаго портрета Чемесова (Изъ собранія П. Я. Дашкова).

сдѣлано сперва черезъ князя Трубецкого, потомъ черезъ племянника его, Ивана Ивановича Бецкаго. Екатерина отвѣчала, что согласна сблизиться съ Шуваловыми, если они будутъ вполнѣ содѣйствовать ея видамъ. Узнавъ объ этихъ переговорахъ, Уиль-

---

[1]) «La cour de la Russie il y a cent ans», 138.
[2]) Raumer, «Beiträge z. neuen Gesch.», II, 453.

ямсъ, опасавшійся Шуваловыхъ за ихъ привязанность къ Франціи, въ письмѣ къ великой княгинѣ представлялъ, что Шуваловы, боясь восшествія на престолъ Петра, который будетъ мстить имъ за дѣйствія противъ Пруссіи, и не любя Екатерины за ея дружбу съ Разумовскими и Бестужевымъ, будутъ хлопотать, съ помощію французскаго и австрійскаго пословъ, чтобы наслѣдникомъ былъ провозглашенъ великій князь Павелъ, а родители его удалены изъ Россіи. Екатерина отвѣчала, что Елизавета при жизни своей не отстранитъ племянника отъ престола; а если захотятъ что-нибудь сдѣлать въ минуту ея смерти, то она, Екатерина, съумѣетъ разрушить замыселъ. «Или умру, или буду царствовать», сказано въ письмѣ Екатерины къ Уильямсу.

Для успокоенія Уильямса, Екатерина сообщила ему свой планъ дѣйствій въ минуту смерти Елизаветы: «Я иду прямо въ комнату моего сына; если встрѣчу Алексѣя Разумовскаго, то оставлю его подлѣ маленькаго Павла; если же нѣтъ, то возьму ребенка въ свою комнату. Въ ту же минуту посылаю довѣреннаго человѣка дать знать пяти офицерамъ гвардіи, изъ которыхъ каждый приведетъ мнѣ 50 солдатъ, и эти солдаты будутъ слушаться только великаго князя или меня. Въ то же время я посылаю за Бестужевымъ, Апраксинымъ и Ливеномъ, а сама иду въ комнату умирающей, гдѣ заставлю присягнуть капитана гвардіи и оставлю его при себѣ. Если замѣчу малѣйшее движеніе, то овладѣю Шуваловыми».

Екатерина имѣла тайное свиданіе съ гетманомъ Кирилломъ Разумовскимъ, который увѣрялъ ее въ успѣхѣ ея дѣла, увѣрялъ, что Измайловскій полкъ, въ которомъ онъ былъ подполковникомъ, послѣдуетъ за нимъ. Екатерина просила гетмана забыть прежнюю вражду его съ Бестужевымъ, потому что всѣ ея друзья должны дѣйствовать заодно. Въ одномъ письмѣ къ Уильямсу Екатерина писала: «Іоаннъ Васильевичъ (царь) хотѣлъ уѣхать въ Англію; но я не намѣрена просить убѣжаща у англійскаго короля, потому что рѣшилась или царствовать, или погибнуть».

Сенаторъ Бутурлинъ обѣщалъ говорить на конференціяхъ по внушеніямъ Екатерины. «Хотя», сказала она, «это человѣкъ слабаго характера и наклоненъ къ плутовству, однако, можно и изъ него извлечь пользу».

Переговоры съ Шуваловыми тоже продолжались. Екатерина прямо написала къ Ив. Ив. Шувалову, предлагая союзъ съ прежнимъ условіемъ: Шуваловы должны дѣлать все для нея въ настоящемъ, она все для нихъ въ будущемъ. Письмо повезъ одинъ

Cyrillus Comes Rasumowsky

S. I. Maj. Parvae Russiae ad utramque Ripam Borysthenis Copiarumque trans Cataractas Dux, Camerarius, Milit. Praetorianor. Ismailowiensium Praefectus, Imp. Acad. Scient. Petropolit. Praeses, Ordinum S.t Andreae S.t Alexandri, Aquilae albae, et S.tae Annae Eques

Графъ Кириллъ Григорьевичъ Разумовскій.

Съ гравюры Шмидта, сдѣланной съ портрета, писаннаго въ 1758 г. Токе.

изъ приближенныхъ къ молодому двору людей, Левъ Нарышкинъ, и, возвратясь, разсказывалъ, что Шуваловъ, прочтя письмо, пришелъ въ восторгъ, бросился на колѣна предъ образомъ и долго оставался въ религіозномъ экстазѣ. Насколько Нарышкинъ, по своему обычаю, позволилъ себѣ преувеличенія, чтобъ посмѣяться надъ фаворитомъ, это остается неизвѣстнымъ [1]).

Шуваловы были важны для Екатерины, вслѣдствіе близкихъ отношеній къ императрицѣ Елизаветѣ. Гораздо бо́льшее значеніе въ области политики имѣлъ Бестужевъ.

Мы видѣли выше, что Бестужевъ сначала былъ крайне недоволенъ пріѣздомъ принцессы Ангальтъ-Цербстской въ Россію, что онъ находился въ натянутыхъ отношеніяхъ съ матерью великой княгини и что имъ была составлена для лицъ, окружавшихъ Екатерину, инструкція, стѣснявшая свободу ея дѣйствій. Тѣмъ важнѣе была коренная перемѣна, происшедшая въ 1753 году въ отношеніяхъ между канцлеромъ и великою княгинею.

Екатерина разсказываетъ о своемъ сближеніи съ Бестужевымъ слѣдующее: «Съ цѣлью уменьшить число враговъ Салтыкова, мы уговорились, чтобы я сказала нѣсколько любезностей графу Бестужеву и тѣмъ увѣрила его, что я не такъ чуждаюсь его, какъ прежде. Посредникомъ въ этомъ дѣлѣ я выбрала нѣкоего Бремзе, служившаго у Пехлина въ голштинской канцеляріи. Онъ съ большою готовностью взялся за мое порученіе и увѣдомилъ меня, что графъ Бестужевъ обрадовался всѣмъ сердцемъ и сказалъ, что готовъ быть мнѣ полезнымъ и что я могу располагать имъ всякій разъ, какъ то будетъ нужно мнѣ» [2]). Затѣмъ Салтыковъ игралъ роль посредника между Екатериною и Бестужевымъ.

Недавно были открыты новыя данныя объ этихъ событіяхъ, въ перепискѣ саксонскаго дипломата Функе съ Брюлемъ и въ перепискѣ между Екатериною и ея матерью. Изъ этихъ писемъ видно, что Бестужевъ уже въ началѣ 1754 года стремился къ тому, чтобы предоставить Екатеринѣ нѣкоторое участіе въ управленіи голштинскими дѣлами и что такое желаніе Бестужева находилось въ связи съ его болѣе обширнымъ планомъ, доставить Екатеринѣ возможность управлять дѣлами вообще во время царствованія Петра. Весною 1754 года, Функе доносилъ, что съ нѣкотораго времени Екатерина во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ руководствуется совѣтами Бестужева, что послѣдній поддерживаетъ

---

[1]) Соловьевъ, XXIV, 61—65.
[2]) Записки Екатерины, 134—135.

тайную переписку великой княгини съ ея матерью и что канцлеръ и Екатерина заняты особенно важными дѣлами [1]).

Участвовать въ управленіи Голштиніею оказалось дѣломъ весьма нетруднымъ для Екатерины. Въ ея запискахъ разсказано подробно о томъ, какимъ образомъ она, благодаря неохотѣ Петра къ труду вообще, стала участвовать въ рѣшеніи голштинскихъ вопросовъ. Мало по малу, она вмѣсто него начала управлять Голштиніею [2]). Все это могло считаться какъ бы приготовленіемъ къ событіямъ 1762 года. Въ началѣ 1755 года, Петръ подписалъ рескриптъ, на основаніи котораго Екатерина уполномочивалась заниматься голштинскими дѣлами. Сообщая объ этомъ фактѣ, саксонскій дипломатъ замѣчаетъ, что все это было устроено канцлеромъ съ тою цѣлью, чтобы «впослѣдствіи было легче мало по малу вручить великой княгинѣ кормило правленія». То же самое сказано въ одной запискѣ канцлера къ Екатеринѣ, въ которой прямо указано на «другой, важнѣйшій, относящійся къ будущности проектъ, составленный для личной славы великой княгини и для благоденствія имперіи» [3]). Къ своей матери Екатерина писала, въ мартѣ 1755 года, что съ нѣкотораго времени великій князь предоставилъ ей управленіе голштинскими дѣлами, и при этомъ случаѣ, какъ и вообще нѣсколько разъ, Екатерина, переписываясь съ матерью, восхваляла Бестужева, называя его лучшимъ другомъ и говоря о вѣчной благодарности за его благосклонное вниманіе [4]).

Около 1756 года, сношенія Екатерины съ англійскимъ посломъ Уильямсомъ сдѣлались довольно важными. Этотъ дипломатъ не сомнѣвался въ томъ, что Екатерина, рано или поздно, будетъ царствовать. При болѣзненномъ состояніи Елизаветы, Уильямсъ считалъ весьма вѣроятною скорую перемѣну на престолѣ. При этомъ случаѣ онъ надѣялся играть такую же роль, какую игралъ французскій дипломатъ Шетарди при воцареніи Елизаветы. Уильямсъ разсчитывалъ на то, что ему удастся, при помощи Екатерины, противодѣйствовать сближенію Россіи съ Франціею.

Въ своихъ донесеніяхъ Уильямсъ сообщаетъ кое какія подробности о бесѣдахъ съ великою княгинею; онъ былъ очень радъ ея расположенію къ Англіи. Мы узнаемъ, что не только Бе-

---

[1]) См. статью Германа «Der russische Hof unter der Kaiserin Elisabeth» въ сборникѣ «Historisches Taschenbuch». Leipzig, 1882. 302—303.

[2]) Записки Екатерины, 195.

[3]) См. вышеупомянутую статью Германа, 304—307.

[4]) Тамъ же, 307—308.

стужевъ и Воронцовъ получали англійскія деньги, но что также и Екатерина, благодаря англійскому правительству, располагала денежными средствами для того, чтобы дѣйствовать въ пользу Англіи. Она объясняла Уильямсу, что ничего нельзя сдѣлать безъ денегъ, что нужно подкупить женщинъ, окружающихъ императрицу, и что для этого необходимо 20,000 червонцевъ. Ей тотчасъ же была выдана эта сумма, причемъ она обѣщала употребить ее не иначе, какъ на пользу Англіи, и возвратить, буде возможно, эти деньги въ позднѣйшее время [1]). И дѣйствительно, въ 1764 г. между графомъ Панинымъ и англійскимъ посломъ Букингамомъ зашла рѣчь объ этой суммѣ. Панинъ говорилъ о твердомъ намѣреніи императрицы возвратить эти деньги; англійское правительство затруднялось принять ихъ [2]).

Сношенія Екатерины съ Уильямсомъ продолжались до 1759 г., когда онъ долженъ былъ оставить Россію. О характерѣ этихъ сношеній можно судить по письму Екатерины, писанному по случаю отъѣзда Уильямса. Здѣсь сказано: «Не имѣя возможности васъ видѣть, я рѣшилась вамъ писать, чтобы съ вами проститься; самое искреннее сожалѣніе относится къ тому, на котораго я смотрю, какъ на одиого изъ лучшихъ моихъ друзей, чье поведеніе привлекло все мое уваженіе и дружбу. Я никогда не забуду, чѣмъ вамъ обязана. Чтобы вознаградить васъ согласно съ благородствомъ вашихъ чувствованій, вотъ что я сдѣлаю: я буду изыскивать всевозможные случаи направлять Россію на то, что̀ я нахожу для нея выгоднымъ, именно быть тѣсно связанной съ Англіею... Я весьма рада, что благо Россіи заставляетъ меня оказать Англіи признательность за личныя мнѣ одолженія со стороны его величества, о которомъ я буду вспоминать съ величайшею благодарностью. Прошу васъ дружески устроить къ лучшему то, что вамъ поручено. Повѣрьте, что я болѣе всего желаю вернуть васъ сюда съ торжествомъ. Я надѣюсь, что когда нибудь король, вашъ государь, не откажетъ мнѣ въ просьбѣ снова васъ увидѣть» и пр. [3]).

Изъ всѣхъ этихъ данныхъ видно, какимъ образомъ Екатерина была занята мыслью о будущемъ своемъ царствованіи. Нѣтъ сомнѣнія, что тогда уже она мечтала о возможности устраненія Петра.

---

[1]) См. росписки Екатерины въ полученіи денегъ въ «Сб. Ист. Общ.», VII, 73.
[2]) «Сб. Ист. Общ.», XII, 162.
[3]) «Чтенія», 1870, III. Смѣсь, 41—42.

Эту же самую цѣль имѣли въ виду обѣ партіи, существовавшія при дворѣ Елизаветы: Шуваловы и Бестужевъ. Однако, предположенія обѣихъ партій отличались одно отъ другаго, хотя мы и не располагаемъ достаточными данными, чтобы составить себѣ точное понятіе о ихъ мысляхъ и проектахъ.

Въ письмѣ одного изъ дипломатовъ, пребывавшихъ въ Россіи, сказано, въ октябрѣ 1757 года: «Одинъ Богъ вѣдаетъ, кто будетъ наслѣдникомъ, въ случаѣ смерти императрицы, что̀ можетъ случиться внезапно, и даже не считается отдаленнымъ, судя по состоянію здоровья ея величества .... никто ничего не ожидаетъ отъ великаго князя. Канцлеръ начинаетъ также сомнѣваться, чтобы онъ могъ успѣть поставить во главѣ правленія этого государства великую княгиню и великаго князя.... каждый вѣритъ, что есть непремѣнно духовное завѣщаніе, сдѣланное въ пользу юнаго великаго князя, за исключеніемъ его отца; думаютъ, что графъ Шуваловъ будетъ назначенъ правителемъ» и пр. Къ этому прибавлено, что Шуваловы, для приведенія въ исполненіе своихъ проектовъ, разсчитывали на содѣйствіе фельдмаршала Апраксина, находившагося въ то время съ войскомъ въ Пруссіи [1]).

Обыкновенно, то обстоятельство, что Апраксинъ, послѣ битвы при Гросъегерндорфѣ (въ августѣ 1757 года), отступилъ вмѣсто того, чтобы воспользоваться результатами своей побѣды, объяснялось полученнымъ имъ извѣстіемъ объ опасной болѣзни Елизаветы и неминуемо предстоявшей перемѣнѣ на престолѣ. На этотъ счетъ ходили разные слухи. Разсказывали, будто Шуваловы, нуждавшіеся въ Апраксинѣ для осуществленія своихъ честолюбивыхъ плановъ, были виновниками отступленія Апраксина [2]). По другимъ извѣстіямъ, Бестужевъ и Екатерина должны считаться руководителями дѣйствій фельдмаршала, и это предположеніе до новѣйшаго времени оставалось господствующимъ въ исторической литературѣ [3]).

При скудости историческаго матеріала, въ настоящее время нѣтъ возможности вполнѣ отчетливо объяснить мотивы, которыми руководствовался Апраксинъ. Быть можетъ, отступленіе русскаго войска было слѣдствіемъ чисто стратегическихъ соображеній [4]). Между тѣмъ французское правительство было проникнуто убѣжденіемъ, что въ этомъ дѣлѣ заключалась интрига Бестужева:

---

[1]) «Чтенія», III, 8—9.
[2]) Тамъ же, III, 16. Донесеніе Прассе въ «Preussische Jahrbücher», XLVII, 586.
[3]) Herrmann, V, 141. Schäfer, I, 391. Bernhardi, II, 2, 179.
[4]) Какъ считаетъ вѣроятнымъ Соловьевъ, XXIV, 181.

французскій посолъ въ Вѣнѣ сдѣлалъ предложеніе, чтобы одновременно и Францiя, и Австрія потребовали удаленія отъ дѣлъ ненавистнаго канцлера. Кауницъ не согласился на исполненіе желанія Франціи, потому что Эстергази далъ знать изъ Петербурга, что нѣтъ ни малѣйшаго повода предполагать какую либо связь между дѣйствіями Апраксина и образомъ мыслей Бестужева и молодого двора [1]). Екатерина сама, гораздо позже, говоря объ этихъ событіяхъ, прямо и рѣшительно отрицала всякое участіе въ нихъ Бестужева: канцлеръ, писала она, напротивъ, желалъ, чтобы Апраксинъ шелъ дальше [2]). Въ запискахъ Екатерины встрѣчается предположеніе, что Апраксинъ, по всей вѣроятности, рѣшился на отступленіе по полученіи какихъ-то писемъ отъ своихъ родственниковъ, извѣщавшихъ его объ опасной болѣзни императрицы [3]).

Такимъ образомъ, мы не имѣемъ основанія думать, чтобы Бестужевъ и Екатерина могли считаться виновниками отступленія Апраксина. Зато нельзя сомнѣваться въ томъ, что паденіе Бестужева находилось въ нѣкоторой связи съ привлеченіемъ къ суду фельдмаршала и что великая княгиня, такъ же какъ и Бестужевъ, состояла въ перепискѣ съ Апраксинымъ. Во всякомъ случаѣ, катастрофа канцлера могла весьма легко сдѣлаться роковою и для Екатерины. Въ запискахъ послѣдней встрѣчается слѣдующій весьма любопытный разсказъ о нѣкоторыхъ довольно важныхъ сношеніяхъ ея съ канцлеромъ въ это время: «Болѣзненное состояніе императрицы и ея частыя конвульсіи заставляли всѣхъ думать о будущемъ. Гр. Бестужевъ, и по мѣсту своему, и по своимъ способностямъ, конечно, не менѣе другихъ долженъ былъ заботиться о томъ, что предстояло. Онъ зналъ, что великому князю съ давнихъ порѣ внушено къ нему отвращеніе. Ему очень хорошо была извѣстна умственная слабость этого государя, рожденнаго наслѣдникомъ стольких престоловъ. Очень естественно было, что этотъ государственный человѣкъ, какъ и всякій другой, желалъ удержаться на своемъ мѣстѣ. Онъ зналъ, что я уже много лѣтъ перестала внимать внушеніямъ, которыя сначала отдѣляли меня отъ него. Кромѣ того, въ личномъ отношеніи, онъ, можетъ быть, считалъ меня единственнымъ существомъ, на которомъ, въ случаѣ смерти императрицы, могла быть основана надежда общества. Вслѣдствіе такихъ и подобныхъ размышленій, онъ составилъ планъ, чтобы, какъ скоро императрица скончается, великій князь по праву

On what evidence?

[1]) Arneth, «Maria Theresia», V, 283, 519.
[2]) «Русскій Архивъ», 1878, II, 286, 288.
[3]) Записки Екатерины, 205—206.

былъ объявленъ императоромъ, но чтобы въ то же время мнѣ было предоставлено публичное участіе въ управленіи; всѣ лица должны были оставаться при своихъ мѣстахъ; Бестужевъ получалъ званіе вице-президента въ трехъ государственныхъ коллегіяхъ: иностранной, военной и адмиралтейской. Такимъ образомъ, желанія его были чрезмѣрны. Онъ прислалъ мнѣ проектъ этого манифеста, писанный рукою Пуговошникова; но я, поговоривъ съ гр. Понятовскимъ, чрезъ котораго манифестъ былъ мнѣ доставленъ, отвѣчала ему словесно, что благодарю его за добрыя намѣренія относительно меня, и считаю, что ихъ очень трудно исполнить. Онъ писалъ и переписывалъ свой проектъ много разъ, перемѣнялъ его, распространялъ, сокращалъ и былъ, повидимому, имъ очень занятъ. Сказать по правдѣ, я смотрѣла на его проектъ почти какъ на бредни и какъ на приманку, посредствомъ которой этотъ старикъ хотѣлъ больше войдти ко мнѣ въ довѣренность; но я не думала поддаваться, потому что считала проектъ этотъ вреднымъ для государства, долженствовавшаго терпѣть отъ малѣйшей ссоры между мною и нелюбившимъ меня мужемъ; но такъ какъ все это были еще одни предположенія, то я не хотѣла противорѣчить упрямому старику, котораго трудно было разубѣдить, когда онъ что нибудь забиралъ себѣ въ голову» [1]).

Такимъ образомъ, Екатерина, которой было запрещено вмѣшиваться въ политическія дѣла, находилась въ тайныхъ сношеніяхъ съ разными вліятельными лицами, знала о весьма важныхъ политическихъ проектахъ, въ которыхъ ей приходилось играть главную роль, и черезъ все это подвергалась страшной опасности. Весною 1758 года, по случаю арестованія канцлера, ей грозила катастрофа.

Мы не знаемъ точно, кто былъ главнымъ виновникомъ паденія Бестужева, — Шуваловы или вице-канцлеръ Воронцовъ, дѣйствовавшій при этомъ подъ давленіемъ французскаго дипломата Л'Опиталя (l'Hôpital). Екатерина главную долю въ несчастіи Бестужева приписывала Воронцову [2]). По другимъ извѣстіямъ, англійскій посланникъ Кейтъ сообщилъ великому князю о какой-то грозившей ему со стороны Бестужева опасности, что̀ заставило Петра донести объ этомъ императрицѣ, которая, въ свою очередь, приказала арестовать канцлера [3]).

---

[1]) Записки Екатерины, 227—228.

[2]) «Чтенія», 1870, III, 34—35. «Р. Архивъ», 1878, II, 286, 288.

[3]) «Die merkwürdige Lebensgeschichte Peters III». Leipzig, 1773. Стр. 169.

Во время допросовъ Апраксина, при разборѣ его бумагъ, были найдены письма, которыя онъ получалъ отъ великой княгини. Содержаніе этихъ писемъ нисколько не могло повредить Екатеринѣ; въ нихъ выражалось желаніе военныхъ успѣховъ и совѣты, чтобы фельдмаршалъ шелъ впередъ. Но самый фактъ, что Екатерина состояла въ перепискѣ съ Апраксинымъ безъ вѣдома императрицы,

Степанъ Өедоровичъ Апраксинъ.
Съ портрета, принадлежащаго Императорскому Эрмитажу.

и такимъ образомъ участвовала въ дѣлахъ, долженъ былъ сильно компрометировать Екатерину въ глазахъ императрицы, которая теперь узнала, что Екатерина находилась въ сношеніяхъ съ канцлеромъ и руководствовалась его совѣтами.

Понятно, что Екатерина, узнавъ изъ краткой записки Понятовскаго объ арестѣ Бестужева, пришла въ сильное волненіе. Она

«Histoire de Pierre III». Londres, 1774. Стр. 90. De la Marche, «Nouveaux mémoires et anecdotes du règne et du detronement de Pierre III». Berlin et Dresde. 1765.

разсказываетъ: «Эти строки ошеломили меня. Перечитавши ихъ, я сообразила, что мнѣ нѣтъ никакой возможности не быть замѣшанной въ это дѣло... Тысячи ощущеній, одно другого непріятнѣе, наполнили мнѣ душу. Словно съ кинжаломъ въ сердцѣ я одѣлась и пошла къ обѣднѣ» и пр. На людяхъ великая княгиня казалась вполнѣ спокойною и никого не спрашивала о случившемся. На другой день къ ней пришелъ голштинскій чиновникъ Штамбке и сообщилъ отъ имени Бестужева, «чтобы она не тревожилась на счетъ того, что̀ она знаетъ, потому что канцлеръ успѣлъ бросить въ огонь». Это сообщеніе относилось къ манифесту, приготовленному на случай кончины Елизаветы и предоставлявшему Екатеринѣ участіе въ дѣлахъ. Тотчасъ же она спѣшила успокоить Пуговошникова, переписавшаго эту бумагу, запиской, въ которой было сказано: «Вамъ нечего бояться: все успѣли сжечь».

Екатерина могла надѣяться и дальше узнавать подробно о ходѣ дѣла Бестужева. Штамбке сказалъ ей, что записку Бестужева доставилъ ему трубачъ-егерь графа, и что они условились на будущее время сноситься между собою, кладя записки въ назначенное мѣсто между кирпичами, недалеко отъ дома Бестужева. Не даромъ Екатерина велѣла Штамбке быть какъ можно осторожнѣе, чтобы эта опасная переписка не открылась. Штамбке и Понятовскій продолжали сноситься съ Бестужевымъ. Сама Екатерина мечтала войти въ сношеніе съ бывшимъ канцлеромъ черезъ сторожившихъ его офицеровъ и солдатъ. Однако, нѣсколько дней спустя, она узнала, что переписка Штамбке и Понятовскаго съ Бестужевымъ была открыта. Она сильно встревожилась. «Тѣмъ не менѣе», замѣчаетъ Екатерина, разсказывая объ этихъ событіяхъ, «я была убѣждена, что относительно правительства я не заслуживала ни малѣйшаго упрека» [1]).

При допросѣ Бестужева, ему между прочимъ былъ предложенъ вопросъ: «Для чего онъ предпочтительно искалъ милости у великой княгини, а не такъ много у великаго князя, и скрылъ отъ ея величества такую корреспонденцію (переписку Екатерины съ Апраксинымъ), о которой по должности и вѣрности донести надлежало?» Бестужевъ отвѣчалъ: «У великой княгини милости не искалъ, паче же старался, съ вѣдѣнія ея императорскаго величества, открывать ея письма» и пр. На основаніи записки, посланной къ великой княгинѣ изъ-подъ ареста, былъ сдѣланъ вопросъ:

---

[1]) Записки Екатерины, 225—230.

Графъ Михаилъ Илларіоновичъ Воронцовъ.

Съ гравюры Шмидта, сдѣланной съ портрета, писаннаго въ 1757 г. Токе.

«Совѣтуешь ты великой княгинѣ поступать смѣло и бодро, съ твердостью, присовокупляя, что подозрѣніями ничего доказать не можно». Бестужевъ отвѣчалъ: «Великой княгинѣ поступать бодро и смѣло, съ твердостью, я совѣтовалъ, но только для того, что письма ея къ фельдмаршалу Апраксину ничего предосудительнаго въ себѣ не содержали». Въ допросахъ сильно настаивалось на частныхъ и необычайныхъ конференціяхъ канцлера съ Штамбке и Понятовскимъ. Бестужевъ клялся, что тайныхъ конференцій не бывало. Довольно важенъ слѣдующій вопросъ: «Не было ли соглашаемо и постановлено какого плана, какъ на нынѣшнее, такъ и на будущее время?» Такъ какъ въ бумагахъ Бестужева не было найдено никакихъ слѣдовъ проекта о престолонаслѣдіи, то хотѣли принудить его проговориться, настаивая на частыхъ свиданіяхъ съ Штамбке и Понятовскимъ. Но Бестужевъ держался твердо, зная, что уликъ нѣтъ, а подозрѣніями нельзя ничего доказать. Онъ отвѣчалъ даже прямѣе, чѣмъ былъ поставленъ вопросъ: «Ни съ Штамбекомъ, ниже съ Понятовскимъ и другими какими конфидентами, коихъ у меня и не было, не думывалъ ни о какомъ планѣ ни на нынѣшнее время, ниже на будущее, да и возможно ли о томъ думать, ибо наслѣдство уже присягами отъ всего государства утверждено?»

Такимъ образомъ, слѣдствіе не приводило ни къ какому результату. Въ особенности оказывалось невозможнымъ доказать существованіе проекта о престолонаслѣдіи, составленнаго Бестужевымъ въ пользу Екатерины. Около года бывшій канцлеръ пробылъ подъ домашнимъ арестомъ. Въ началѣ 1759 года, онъ былъ сосланъ въ одно изъ своихъ имѣній. При перечисленіи его винъ, въ манифестѣ, публикованномъ по этому случаю, встрѣчаются слѣдующія: «клеветалъ ея императорскому величеству на ихъ высочествъ, а въ то же время старался преогорчить и ихъ высочествъ противъ ея императорскаго величества... вплелъ въ непозволенную переписку такой персоны, которой въ дѣлахъ никакого участія имѣть не надлежало, и чрезъ то нечувствительно въ самодержавное государство вводилъ сопротивленіе и самъ соправителемъ сдѣлался» и т. п. [1]). Апраксинъ умеръ 6 августа 1758 года. Штамбке былъ высланъ за границу. Другія причастныя къ дѣлу Бестужева лица были сосланы въ разные города. Между этими лицами былъ Елагинъ, пользовавшійся особеннымъ довѣріемъ великой княгини.

[1]) Соловьевъ, XXIV, 188—195.

Сохранились нѣкоторыя письма Екатерины и Понятовскаго къ Елагину; и великая княгиня, и польскій дипломатъ всячески утѣшаютъ Елагина, посылаютъ ему деньги и обѣщаютъ вѣчную благодарность за оказанныя имъ услуги. О самыхъ событіяхъ этого политическаго кризиса говорится лишь отрывочно и намеками. Упоминается о разныхъ лицахъ, которыя не названы по имени. Понятовскій называетъ въ своихъ письмахъ Екатерину не иначе, какъ «М. М.» Послѣдняя говоритъ о Понятовскомъ, какъ о «нетерпѣливомъ человѣкѣ». Понятовскій пишетъ между прочимъ: «Пусть только милосердый Господь сжалится надъ нами, но мы еще должны были выдержать жестокія испытанія послѣ вашего удаленія. Однако теперь скоро должна окончиться вся сумятица; но мы еще ничего не знаемъ. А какъ приговоръ будетъ исполненъ надъ несчастнымъ старикомъ, то могли бы другія дѣла опять получше пойти, къ чему есть основательная надежда». Въ другомъ письмѣ сказано между прочимъ: «Я не въ состояніи теперь, любезнѣйшій другъ, достать тебѣ отвѣтъ отъ М. М., потому что еще очень далекъ часъ, въ который я могу туда послать, но что отсрочено, то еще не потеряно. Сколько слезъ моихъ и М. М. пролито о твоей участи», и пр. Немного позже Понятовскій пишетъ: «Прочіе несчастные все еще въ одномъ и томъ же положеніи, и судьба ихъ еще неизвѣстна. Богъ знаетъ, какъ еще все кончится. Но могу я только сказать вамъ, что императрица чрезвычайно милостива къ М. М., что мужъ М. М. сдѣлался лучшимъ другомъ моимъ и М. М.». Записки Екатерины къ Понятовскому также свидѣтельствуютъ о нѣкоторомъ волненіи; такъ, напримѣръ, она пишетъ: «Хотя я въ крайней горести нынѣ, но еще надежду имѣю, что несказанныя Божія чудеса и въ семъ случаѣ помогутъ надѣющимся на него»... «Нетерпѣливый человѣкъ уѣхалъ уже мѣсяцъ тому назадъ, и скука и горесть моя велики; надежду имѣю на его возвращеніе»... «Поворотъ вашъ прежде окончанія извѣстнаго дѣла не возможенъ, а сіе зависитъ отъ недвижимой иррезолюціи»... «Покамѣсть жива, вспомню усердіе ваше ко мнѣ», и т. п. [1]).

Паденіе Бестужева не могло не уничтожить, хотя бы временно, многихъ надеждъ Екатерины. Канцлеръ былъ ей сильнымъ союзникомъ и другомъ; черезъ него она принимала участіе въ управленіи голштинскими дѣлами, черезъ него она могла надѣяться достигнуть участія въ управленіи Россіею послѣ кончины

---

[1]) «Сб. Ист. Общ.», VII, 75—80.

Елизаветы. Теперь тотчасъ же многое измѣнилось. Екатерина замѣчаетъ въ своихъ запискахъ: «Штамбке былъ высланъ, и съ его отъѣздомъ окончилось мое завѣдываніе голштинскими дѣлами. Великому князю было сказано, что императрицѣ непріятно мое вмѣшательство въ эти дѣла, да и онъ самъ былъ радъ отставить меня отъ нихъ» [1]).

Екатерина могла ожидать для себя весьма печальныхъ послѣдствій катастрофы Бестужева. Она сожгла всѣ свои бумаги. Въ ея запискахъ сказано: «Что касается до великаго князя, то я видѣла, что его запугали и натолковали ему, будто Штамбке съ моего вѣдома переписывался съ государственнымъ преступникомъ. Я замѣчала, что его и. высочество почти не смѣлъ говорить со мною и избѣгалъ случая приходить ко мнѣ въ комнату, гдѣ я оставалась въ это время одна-одинешенька; не видя души человѣческой. Я сама нарочно никого не приглашала къ себѣ, боясь подвергнуть посѣтителей какой-нибудь непріятности или несчастію. То же самое при дворѣ, чтобы отъ меня не отворачивались, я нарочно не подходила къ тѣмъ, на кого могло пасть подозрѣніе» [2]).

Къ тому же, происходили разныя непріятности. Когда, однажды, Екатерина пожелала ѣхать въ театръ, Петръ не хотѣлъ согласиться на это и запретилъ приготовить карету для великой княгини. Она сказала, что въ такомъ случаѣ пойдетъ пѣшкомъ и станетъ жаловаться императрицѣ на худое обращеніе съ нею, будетъ просить, чтобы ей дозволили возвратиться въ Германію. «Оставленная всѣми», сказала Екатерина, «одна въ своей комнатѣ, ненавидимая великимъ княземъ и вовсе не любимая императрицею, я наконецъ хочу успокоиться, хочу никому не быть въ тягость и не причинять несчастія тѣмъ, кто меня любитъ» [3]).

Рѣшительный тонъ, которымъ говорила Екатерина, поправилъ ея положеніе. Грозя отъѣздомъ въ Германію, она надѣялась остаться въ Россіи. Пока, однако, со всѣхъ сторонъ ее окружали опасности. Приближенный къ Петру голштинецъ Брокдорфъ, говоря о Екатеринѣ, выражался: «Надо раздавить змѣю». Эстергази доносилъ своему двору, что великая княгиня два раза присылала къ нему Штамбке за совѣтомъ и помощію, давая знать, что всѣ бѣды постигли ее за усердіе къ интересамъ Маріи Терезіи. «Но, такъ какъ», писалъ Эстергази, «императрица Елизавета горько жа-

---

[1]) Зап. Ек., 232.
[2]) Тамъ же, 232.
[3]) Тамъ же, 235.

ловалась мнѣ на поведеніе Екатерины, и такъ какъ иностранный министръ не долженъ вмѣшиваться въ домашнія дѣла государей, то я отклонилъ отъ себя это дѣло, велѣвъ сказать ей, что всего лучше, если она обратится къ посредничеству своего супруга, владѣющаго полною милостью и довѣренностью императрицы». Разсказывали, что Ив. Ив. Шуваловъ увѣрилъ великую княгиню, что императрица скоро увидится съ нею, и если со стороны Екатерины будетъ оказана маленькая покорность, то все дѣло кончится очень хорошо [1]).

Екатерина сама желала свиданія и объясненія съ Елизаветою. Она разсказываетъ въ своихъ запискахъ: «Я сѣла писать письмо къ императрицѣ и написала его по-русски, въ самыхъ трогательныхъ выраженіяхъ, какъ умѣла. Я начала съ того, что благодарила ее за всѣ ея милости и благодѣянія, оказанныя мнѣ съ пріѣзда моего въ Россію. По несчастію — продолжала я въ этомъ письмѣ — оказалось, что я не заслуживала этихъ милостей, потому что навлекла на себя ненависть великаго князя и явное неблагорасположеніе ея и. величества; видя мое несчастіе и оставаясь одна въ комнатѣ, гдѣ мнѣ не дозволяютъ самыхъ невинныхъ развлеченій, я настоятельно прошу положить конецъ моимъ несчастіямъ и отослать меня къ моимъ родственникамъ, какимъ найдутъ приличнѣе способомъ... У моихъ родственниковъ я проведу остатокъ моихъ дней, моля Бога за ея величество, великаго князя, дѣтей моихъ и вообще всѣхъ тѣхъ, которые оказывали мнѣ добро или даже зло. Горе до такой степени растревожило мое здоровье, что я должна, наконецъ, позаботиться о немъ и, по крайней мѣрѣ, спасти жизнь свою» и проч.

Послѣ этого письма, которое понесъ къ императрицѣ Александръ Шуваловъ, Екатерина, какъ она сама разсказываетъ, спокойно ожидала, чѣмъ все это кончится. «Я была вполнѣ убѣждена», продолжаетъ она, «что если дѣйствительно хотѣли меня выслать или напугать только, то письмо мое должно было окончательно уничтожить это намѣреніе Шуваловыхъ... Впрочемъ, мое рѣшеніе было составлено: оставаться-ли, ѣхать-ли — я смотрѣла на судьбу свою съ философской точки зрѣнія; каково бы ни было положеніе, въ которое бы Провидѣнію угодно было меня поставить, я все-таки не лишилась бы средствъ ума и таланта, данныхъ каждому человѣку по его естественнымъ способностямъ; я готова была и на возвышеніе, и на уничиженіе, и чувствовала въ себѣ достаточно бодро-

[1]) Соловьевъ, XXIV, 197.

сти, чтобы не измѣниться ни душею, ни сердцемъ, возвыситъ ли меня судьба моя или унизитъ».

Впрочемъ, Екатеринѣ еще долго приходилось ждать свиданія съ императрицею. Она должна была прибѣгнуть къ другимъ средствамъ для того, чтобы достигнуть этой цѣли. Она сказалась больною, не выходила больше и, какъ она выражается въ запискахъ, «сочла нужнымъ говѣть, дабы показать тѣмъ приверженность къ православной греческой вѣрѣ». Затѣмъ она, по совѣту своего ду-

Графиня Елизавета Романовна Воронцова.
Съ миніатюры того времени, писанной акварелью и принадлежащей М. И. Пыляеву.

ховника, однажды ночью позвонила и сказала вошедшей женщинѣ, что чувствуетъ себя чрезвычайно дурно и хочетъ исповѣдоваться. Александръ Шуваловъ послалъ-было за докторами, но Екатерина слабымъ и прерывающимся голосомъ повторила просьбу позвать духовника. Духовникъ пришелъ, полтора часа бесѣдовалъ съ мнимою больною и взялся сказать императрицѣ, что великая княгиня можетъ умереть отъ печали и горести, если не будетъ подана скорая помощь, и проч.

Цѣль была достигнута. Объясненіе съ императрицею послѣдовало уже на другой день, въ присутствіи великаго князя и Але-

ксандра Шувалова. Только при этомъ случаѣ Екатерина увидѣла мужа, съ которымъ не встрѣчалась въ продолженіе нѣсколькихъ недѣль и который, узнавъ о болѣзни жены, обѣщалъ Елизаветѣ Романовнѣ Воронцовой жениться на ней тотчасъ же послѣ ожидаемой кончины Екатерины.

Подробный разсказъ объ этомъ свиданіи помѣщенъ въ запискахъ Екатерины. Она упала къ ногамъ императрицы и со слезами просила отпустить ее домой. Елизавета хотѣла поднять ее и сказала, между прочимъ: «Богъ мнѣ свидѣтель, какъ я объ тебѣ плакала, когда ты была при смерти больна по пріѣздѣ твоемъ въ Россію; если бы я тебя не любила, я тогда же отпустила бы тебя». Затѣмъ, однако, императрица упрекала Екатерину въ чрезвычайной гордости. «Ты воображаешь», сказала Елизавета, «что нѣтъ на свѣтѣ человѣка умнѣе тебя». Великій князь сказалъ: «Она чрезвычайно зла и черезчуръ много о себѣ думаетъ», и проч. Екатерина возражала весьма ловко, въ скромномъ тонѣ, но рѣшительно. Елизавета заговорила о перепискѣ великой княгини съ Апраксинымъ; Екатерина возразила, что никогда не думала посылать фельдмаршалу приказанія, и только просила его исполнять приказанія императрицы.

Елизавета казалась тронутою несчастіемъ великой княгини и, очевидно, въ борьбѣ Петра съ Екатериною брала сторону послѣдней. Тотчасъ же послѣ этого разговора она, черезъ А. Шувалова, дала знать Екатеринѣ, что будетъ имѣть съ нею разговоръ наединѣ. Затѣмъ Екатеринѣ передали выраженіе императрицы, что племянникъ ея дуракъ, но что великая княгиня очень умна.

Между тѣмъ, какъ Петръ сталъ разсчитывать на то, что Екатерина будетъ отправлена въ Германію и что этимъ самымъ ему откроется путь къ браку съ Воронцовой, императрица велѣла просить Екатерину не настаивать на своемъ отъѣздѣ, и даже вовсе выбросить изъ головы это намѣреніе.

Этого-то и желала Екатерина. «Такимъ образомъ», разсказываетъ она не безъ удовольствія въ своихъ запискахъ, «я могла быть увѣрена, что меня не вышлютъ». Однако, для приведенія въ бо̀льшую ясность своего положенія, ей нужно было второе объясненіе съ императрицею, котораго она просила въ письмѣ отъ 28 мая 1758 года[1]). Свиданіе состоялось. При этомъ случаѣ опять была рѣчь объ Апраксинѣ. Екатерина должна была торжественно заявить, что не писала къ фельдмаршалу другихъ писемъ,

[1]) «Сб. Ист. Общ.», VII, 74.

какъ тѣ, которыя сдѣлались извѣстными Елизаветѣ. «Я поклялась ей въ этомъ, потому что въ самомъ дѣлѣ это было такъ», замѣчаетъ Екатерина въ своихъ запискахъ. «Тогда она стала разспрашивать подробности объ образѣ жизни великаго князя» — на этомъ обрывается разсказъ Екатерины [1]), и такимъ образомъ мы лишены возможности составить себѣ болѣе точное понятіе о сношеніяхъ Екатерины съ императрицею за послѣднее время этого царствованія.

Понятовскій, лѣтомъ 1758 года, какъ мы видѣли, писалъ Елагину, что императрица «чрезвычайно милостива къ М. М.». Изъ другихъ источниковъ мы узнаемъ, что отношенія между Елизаветою и великою княгинею оставались натянутыми. Въ этомъ смыслѣ доносилъ своему двору англійскій дипломатъ Стюартъ [2]). Графъ Мерси-Аржанто писалъ, въ концѣ 1761 года, незадолго до кончины Елизаветы, что послѣдняя избѣгаетъ вовсе видѣться съ великимъ княземъ и великою княгинею, и что она «вотъ уже три мѣсяца не говорила съ ними ни слова» [3]).

Можно было считать вѣроятнымъ, что Елизавета рѣшится на перемѣну въ порядкѣ престолонаслѣдія. Въ запискахъ Екатерины сказано: «На счетъ племянника своего, она (Елизавета) была одинаковыхъ со мною мыслей; она очень хорошо знала его и уже съ давнихъ поръ не могла провести съ нимъ нигдѣ четверти часа безъ огорченія, гнѣва или даже отвращенія къ нему. У себя въ комнатѣ, когда заходила о немъ рѣчь, она обыкновенно заливалась слезами и жаловалась, что Богъ далъ ей такого наслѣдника, либо отзывалась объ немъ съ совершеннымъ презрѣніемъ и нерѣдко давала ему прозвища, которыхъ онъ вполнѣ заслуживалъ» и пр. [4]).

Въ разныхъ источникахъ говорится о томъ, что Елизавета въ послѣднее время своего царствованія мечтала о лишеніи Петра права престолонаслѣдія, что она опасалась съ его стороны покушенія на ея жизнь. Ожидали, что Петръ тотчасъ же послѣ воцаренія удалитъ Екатерину и Павла и женится на Воронцовой [5]). Мерси-Аржанто писалъ, что Елизавета въ послѣднее время жизни любила являться вмѣстѣ съ Павломъ Петровичемъ, что она осо-

---

[1]) Зап. Ек., 244—254.
[2]) «Чтенія», 1870, III, 11.
[3]) Статья Шефера въ «Historische Zeitschrift», XXXVI, 421.
[4]) Зап. Ек., 237. «Р. Арх.» 1877, II, 287.
[5]) De la Marche, 3 и 6. «Merkwürd. Lebensgesch. Peters III», 16. Castera, I, 50, 80—84, 88—89. Blum, «Ein russ. Staatsmann», IV 272.

бенно заботилась о воспитаніи маленькаго великаго князя и что все это возбуждаетъ разные толки о порядкѣ престолонаслѣдія [1]).

Къ этому вопросу относится слѣдующая, случайно сохранившаяся, собственноручная записка Екатерины: «Послѣднія мысли покойной императрицы Елизаветы Петровны о наслѣдствѣ сказать не можно, ибо твердыхъ не было. То не сумнительно, что она не любила Петра III, и что она его почитала за неспособнаго къ правленію, что она знала, что онъ русскихъ не любилъ, что она съ трепетомъ смотрѣла на смертный часъ, и на то, чтò послѣ ея происходить можетъ; но какъ она во всемъ имѣла рѣшимость весьма медлительную, особливо въ послѣдніе годы ея жизни, то догадываться можно, что и въ пунктѣ наслѣдства мысли болѣе колебалися, нежели что нибудь опредѣлительное было въ ея мысли. Фаворитъ же, Иванъ Ивановичъ Шуваловъ, ... былъ убѣжденъ воплемъ множества людей, кои не любили и опасались Петра III, за нѣсколько времени до кончины ея и. величества мыслилъ и клалъ на мѣрѣ перемѣнить наслѣдство, въ чемъ адресовался къ Н. И. Панину, спрося, что онъ о томъ думаетъ и какъ бы то дѣлать, говоря, что мысли иныя клонятся, отказавъ и высылая изъ Россіи великаго князя съ супругою, сдѣлать правленіе именемъ царевича, которому былъ тогда седьмой годъ, что другіе хотятъ лишь выслать отца и оставить мать съ сыномъ, и что всѣ въ томъ единодушно думаютъ, что великій князь Петръ Ѳеодоровичъ не способенъ и что кромѣ бѣдства, покоряяся ему, Россія не имѣетъ ожидать. На сіе Н. И. Панинъ отвѣтствовалъ, что всѣ сіи проекты суть способы къ междоусобной погибели, что въ одномъ критическомъ (sic) того перемѣнить безъ мятежа и бѣдственныхъ слѣдствій не можно, чтò двадцать лѣтъ всѣми клятвами утверждено. Н. И. (Панинъ) о семъ мнѣ тотчасъ далъ знать, сказавъ мнѣ при томъ, что больной императрицѣ еслибъ представили, чтобы мать съ сыномъ оставить, а отца выслать, то большая въ томъ вѣроятность, что она на то склониться можетъ. Но къ сему, благодаря Богу, фавориты не приступили, но, оборотя всѣ мысли свои къ собственной ихъ безопасности, стали дворовыми вымыслами и происками стараться входить въ милости Петра III, въ коемъ отчасти и предуспѣли. А онъ о сей грозящейся ему тучѣ и никогда и не свѣдалъ, ибо онъ не молчаливъ былъ и конечно тѣ, кои бы захотѣли его остерегать въ томъ или въ другомъ изъ вѣрности къ нему,

[1]) «Hist. Zeitschrift», XXXVI, 431.

Великая княгиня Екатерина Алексѣевна въ 1761 году.

Съ гравированнаго портрета прошлаго столѣтія Виноградова.

были бы жертвой его нескромности, коя наипаче тогда опасна была, когда онъ изъ за стола вставалъ: по пословицѣ русской: у пьянаго на языкѣ, что у трезваго на умѣ» [1]).

Накануне царствованія Петра, положеніе, въ которомъ находилась Екатерина, считалось весьма опаснымъ. Княгиня Дашкова разсказываетъ въ своихъ запискахъ, какъ она, однажды, ночью (20 декабря 1761 года), тайкомъ пришла къ великой княгинѣ и сказала ей: «При настоящемъ порядкѣ вещей, когда императрица стоитъ на краю гроба, я не могу больше выносить мысли о той неизвѣстности, которая ожидаетъ васъ съ новымъ событіемъ. Неужели нѣтъ никакихъ средствъ противъ грозящей опасности, которая мрачной тучей виситъ надъ вашей головой? Во имя неба, довѣрьтесь мнѣ; я оправдаю вашу довѣренность и докажу вамъ, что я болѣе, чѣмъ достойна ея. Есть ли у васъ какой нибудь планъ, какая нибудь предосторожность для вашего спасенія? Благоволите ли вы дать приказанія и уполномочить меня распоряженіемъ?»

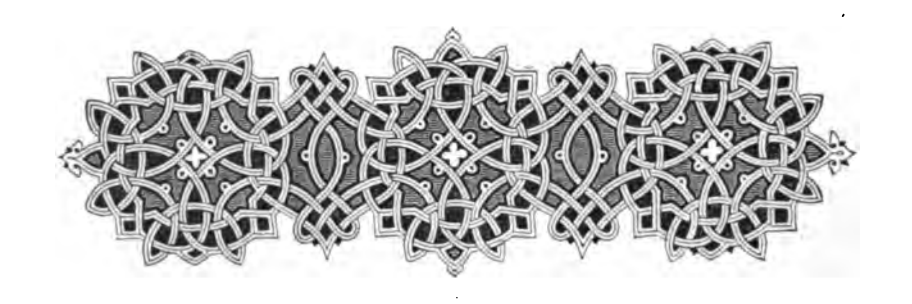
Екатерина отвѣтила, что никакого плана не имѣетъ и готова вынести все, чтò бы ни случилось, причемъ упрекнула княгиню въ неопытности и юношескомъ энтузіазмѣ, прося ее не подвергать себя никакой опасности. Обѣ женщины при этомъ свиданіи были въ сильномъ волненіи. Княгиня Дашкова разсказываетъ дальше: «Князь (мужъ ея) провелъ этотъ вечеръ у моего отца; изъ разговора ихъ, переданнаго мнѣ Дашковымъ, при всей скромности моего отца, ясно было видно общее безпокойство по случаю близкой перемѣны» [2]).

Какъ видно, еще до воцаренія Петра, съ цѣлью устраненія его, стали думать о государственномъ переворотѣ. Пока, однако, не было приступлено къ дѣйствіямъ. Воцареніе Петра (25 декабря 1761 г.) совершилось безъ всякаго препятствія. Нѣсколько мѣсяцевъ спустя, онъ былъ смѣненъ Екатериною, очистивъ ей путь къ престолу полнѣйшею неспособностью и враждебнымъ къ ней отношеніемъ.

---

[1]) «Р. Арх.» 1863, 383—384.

[2]) Зап. княгини Дашковой. Лондонъ, 1859. Стр. 26—27.

ГЛАВА IV.

Царствованіе Петра III.

Существуетъ разсказъ о разговорѣ между Петромъ Θеодоровичемъ и императрицею Елизаветою наканунѣ ея кончины. Австрійскій посолъ Мерси-Аржанто доносилъ, что великій князь долженъ былъ обѣщать умирающей теткѣ, что послѣ ея кончины не будетъ сдѣлано какого либо оскорбленія ни Разумовскимъ, ни Шуваловымъ. О болѣе важныхъ дѣлахъ не было рѣчи, прибавляетъ графъ Мерси-Аржанто [1]). По донесенію французскаго посланника Бретеля, умирающая императрица умоляла Петра жить въ согласіи съ женою и имѣть въ виду интересы наслѣдника, Павла Петровича [2]).

Въ минуту кончины императрицы, при ней находились Петръ и Екатерина. Старшій сенаторъ, князь Трубецкой, выйдя изъ покоя новопреставившейся, объявилъ присутствовавшимъ о вступленіи на престолъ императора Петра III [3]).

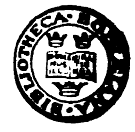
Отъ вниманія современниковъ не ускользнуло то обстоятельство, что Екатерина въ слѣдующіе за кончиною императрицы

[1]) «Сб. Ист. Общ.», XVIII, 27.
[2]) «La cour de la Russie», 178.
[3]) Соловьевъ, XXIV, 418.

Императоръ Петръ III.

Съ гравюры Рокотова, сдѣланной съ портрета, писаннаго Тейхеромъ.

Елизаветы дни съ особеннымъ благоговѣніемъ участвовала въ обрядахъ, сопряженныхъ съ погребеніемъ усопшей. Въ этихъ дѣйствіяхъ молодой императрицы былъ разсчетъ. Она знала очень хорошо, что публика отзывалась неблагопріятно о небрежности или даже насмѣшливости, съ которыми Петръ относился къ церковнымъ обрядамъ [1]). Въ запискахъ одного очевидца съ похвалою говорится о томъ, какъ держала себя Екатерина у гроба Елизаветы [2]).

Въ манифестѣ о воцареніи Петра не упоминалось о Екатеринѣ и Павлѣ. Но новой императрицѣ было оказано вниманіе съ другой стороны. Фридрихъ II просилъ англійскаго посла Кейта увѣрить ее въ своемъ дружескомъ расположеніи и выразить надежду, что Екатерина не преминетъ содѣйствовать скорому окончанію войны [3]). Разсказывали, что прусскій король совѣтовалъ своему другу, Петру, обращаться съ супругою осторожно и благосклонно. Тщетная предусмотрительность!

Къ сожалѣнію, мы не имѣемъ подробныхъ свѣдѣній объ отношеніяхъ между Екатериною и Петромъ въ первое время царствованія послѣдняго. Штелинъ сообщаетъ, что императрица ежедневно являлась въ кабинетъ государя, но что они обыкновенно не обѣдали вмѣстѣ. Достойно вниманія слѣдующее замѣчаніе въ запискахъ Штелина: «На святой недѣлѣ императоръ переѣзжаетъ въ Новый Зимній дворецъ, помѣщаетъ императрицу на отдаленномъ концѣ его, а ближе къ себѣ, на антресоляхъ, свою любимицу, толстую фрейлину Елизавету Романовну Воронцову» [4]).

Иностранные дипломаты въ это время наблюдали за образомъ дѣйствій Екатерины. Бретёль писалъ, въ январѣ 1762 года: «Въ день нашей аудіенціи и нашего поздравленія новая императрица казалась печальною. Очевидно, она не будетъ имѣть никакого вліянія; я думаю, что она вооружается философіею. Впрочемъ, при ея характерѣ, она едва ли ограничится этимъ. Императоръ болѣе чѣмъ когда либо ищетъ общества фрейлины Воронцовой и назначилъ ее гофмейстериною фрейлинъ. Она живетъ при дворѣ и пользуется чрезвычайнымъ почетомъ. Признаться: странный вкусъ!» Въ другомъ донесеніи Бретёль пишетъ: «Императрица находится въ отчаянномъ положеніи: ей оказываютъ полнѣйшее презрѣніе. Она съ великимъ негодованіемъ видитъ, какъ съ нею

---

[1]) Memoirs of the princess Dashkaw, I, 40—41.
[2]) Позье въ «Русской Старинѣ», I, 203.
[3]) Raumer, II, 497.
[4]) «Чтенія», 1866, IV, 97 и 104.

обращается императоръ и каково высокомѣріе фрейлины Воронцовой. Я могу представить себѣ, что императрица, смѣлость и и горячность которой мнѣ извѣстны, рано или поздно приступитъ къ крайнимъ мѣрамъ. У нея есть друзья, которые, если она того пожелаетъ, рѣшатся для нея на все». Въ другомъ мѣстѣ: «Всеобщее расположеніе къ императрицѣ усиливается. Никто столь ревностно, какъ она, не исполняетъ религіозныхъ обязанностей по случаю погребенія покойной императрицы; никто столь добросовѣстно какъ она не соблюдаетъ постовъ и вообще обрядовъ и проч., между тѣмъ какъ императоръ пренебрегаетъ всѣмъ этимъ, хотя въ Россіи такого рода правила имѣютъ большое значеніе. Однимъ словомъ: Екатерина старается нравиться, и употребляетъ всѣ средства для достиженія этой цѣли. Во всемъ этомъ есть значительная доля самолюбія. Къ тому же она едва ли можетъ забыть, что нынѣшній императоръ, когда былъ великимъ княземъ, грозилъ заключить ее въ монастырь, по примѣру Петра Великаго въ отношеніи къ первой его супругѣ. Все это, въ соединеніи съ ежедневно повторяющимися оскорбленіями, должно произвести въ столь умной головѣ, какова голова императрицы, сильное броженіе; при случаѣ взрывъ неминуемъ». Нѣсколько недѣль спустя, Бретёль доносилъ своему двору о чрезвычайномъ разстройствѣ здоровья императрицы и объ усиливающемся постоянно антагонизмѣ между Петромъ и Екатериною. Въ его депешѣ сказано: «Императрица отличается смѣлостью души и ума; она пользуется всеобщимъ уваженіемъ, между тѣмъ какъ всѣ ненавидятъ императора», и дальше: «императрица на личныя оскорбленія со стороны ея супруга отвѣчаетъ лишь смиреніемъ и слезами. Народъ раздѣляетъ ея горе и желаетъ ей всего лучшаго [1]).

Англійскій дипломатъ Кейтъ, который относится вообще гораздо снисходительнѣе другихъ современниковъ къ образу дѣйствій и нраву Петра, доносилъ о печальномъ положеніи, въ которомъ находилась Екатерина, слѣдующее: «Какъ кажется, императрица не имѣетъ никакого значенія». Довольно часто въ донесеніяхъ Кейта встрѣчается замѣчаніе, что императрица не участвовала въ томъ или другомъ придворномъ празднествѣ. 19 марта онъ пишетъ: «Вліяніе императрицы ничтожно. На ея мнѣнія не обращается ни малѣйшаго вниманія, ни при важныхъ, ни при менѣе важныхъ дѣлахъ». Между тѣмъ Фридрихъ II писалъ Кейту: «Ищите случая совѣщаться обо всемъ съ императрицею; она

---

[1]) Raumer, III, 300—305. «La cour de la Russie», 189.

вамъ дастъ лучшіе совѣты, которымъ прошу васъ слѣдовать [1]).

Австрійскій дипломатъ, графъ Мерси-Аржанто, доносилъ 10-го января 1762 года: «Не задолго до кончины императрицы въ великой княгинѣ стало замѣтно, что она сильно озабочена участью, ожидающею ее и ея сына; но не было принято никакихъ предосторожностей или мѣръ... Императрица не имѣетъ никакого значенія». 1-го февреля: «Императрица живетъ почти въ полномъ отчужденіи и, кажется, не имѣетъ ни малѣйшаго вліянія на все то, что происходитъ; между тѣмъ, едва ли возможно, чтобы подъ этою спокойною внѣшностью не скрывалось какое нибудь тайное мѣропріятіе, необходимость котораго государыня должна сознавать болѣе чѣмъ когда либо, какъ для себя, такъ и для своего сына, на котораго императоръ со времени вступленія на престолъ, можно сказать, не обращалъ никакого вниманія и къ которому онъ всегда обнаруживалъ всѣмъ замѣтное презрительное нерасположеніе». 12-го февраля: «Императрица по прежнему не имѣетъ значенія и, кажется, никогда не достигнетъ его, развѣ посредствомъ какого нибудь необыкновеннаго событія». 15-го марта: «Императрица прислала мнѣ секретнымъ путемъ пріятное и обязательное увѣреніе, что, если бы она имѣла хотя малѣйшую власть, то, конечно, употребила бы ее на сохраненіе прежней политической системы». Въ маѣ: «Ея величество продолжаетъ жить въ большомъ уединеніи, и не столько по нездоровью запирается въ своихъ покояхъ, сколько для того, чтобы не быть самой свидѣтельницею безграничнаго безпорядка и неприличнаго образа жизни двора. Въ особенности же мнѣ достовѣрно извѣстно, что государыня провела весь прошедшій понедѣльникъ, т. е. день торжественнаго пира, въ горькихъ слезахъ» [2]).

Ювелиръ Позье разсказываетъ въ своихъ запискахъ о близкихъ сношеніяхъ Петра съ Воронцовой, въ покояхъ которой онъ встрѣтился съ государемъ, а также о ненависти Петра къ Екатеринѣ. Однажды Петръ, увидѣвъ ювелира на лѣстницѣ дворца, спросилъ его, откуда онъ идетъ. Позье долженъ былъ отвѣтить, что былъ у императрицы. Съ злобнымъ выраженіемъ лица Петръ разъ на всегда запретилъ ювелиру бывать у Екатерины. Къ этому разсказу Позье прибавлено, что клевреты Петра, опасаясь дѣйствій честолюбія императрицы, т. е. государствен-

---

[1]) «La cour de la Russie», 186—187.

[2]) «Сб. Ист. Общ.», XVIII. 33, 83, 120, 235, 323, 350.

наго переворота, нарочно сѣяли раздоръ между супругами. Особенно женщины при дворѣ Петра старались вооружить его противъ императрицы [1]). Ненависть доходила до крайней мелочности. Разсказывали, что Петръ запретилъ садовнику въ Петергофѣ отпускать императрицѣ тѣ фрукты, которые она любила [2]).

И въ запискахъ графа Гордта, находившагося въ это время въ Петербургѣ и бывшаго свидѣтелемъ событій при дворѣ, встрѣчаются нѣкоторыя черты, характеризующія неблагоразумный образъ дѣйствій Петра и необычайный тактъ, съ которымъ держала себя императрица, хотя, какъ замѣчаетъ Гордтъ, и не могла скрывать глубокой печали и унынія [3]).

Слѣдующій эпизодъ, случившій въ маѣ 1762 года, надѣлалъ довольно много шуму въ столицѣ. На торжественномъ обѣдѣ по случаю празднованія мира, заключеннаго съ Пруссіею, Петръ предложилъ тостъ «за здоровье императорской фамиліи». Когда императрица выпила бокалъ, Петръ приказалъ своему генералъ-адъютанту Гудовичу подойти къ ней и спросить, почему она не встала, когда пила тостъ. Государыня отвѣчала, что, такъ какъ императорская семья состоитъ изъ ея супруга, сына и ея самой, то она не думаетъ, чтобы это было необходимо. Гудовичъ, передавъ этотъ отвѣтъ, былъ снова посланъ сказать ей, что она «дура», и должна бы знать, что двое дядей, принцы Голштинскіе, также члены вѣнценосной семьи. Опасаясь впрочемъ, чтобъ Гудовичъ не смягчилъ выраженія, Петръ повторилъ его громко, такъ что большая часть общества слышала его. Екатерина залилась слезами. Происшествіе это быстро разнеслось по городу и по мѣрѣ того, какъ Екатерина возбуждала къ себѣ сочувствіе и любовь, Петръ глубже и глубже падалъ въ общественномъ мнѣніи [4]).

За нѣсколько лѣтъ до этихъ событій, Бестужевъ считалъ возможнымъ, что Екатерина и Петръ будутъ царствовать вмѣстѣ, что императрица приметъ участіе въ дѣлахъ. Вышло иначе. Екатерина находилась въ крайнемъ униженіи, въ величайшей опасности. Нельзя было ожидать, чтобы дѣла оставались долго въ такомъ положеніи. Борьба оказалась неминуемою. Со стороны Петра было сдѣлано все возможное для того, чтобы доставить полнѣй-

---

[1]) «Русская Старина», I, 201, 226.

[2]) De la Marche, 121.

[3]) Mémoires d'un gentilhomme suédois. Berlin, 1788, 263—264.

[4]) Зап. кн. Дашковой, 38—39. «Die merkwürdige Lebensgeschichte Peters III». Leipzig, 1773. 235. Едва ли разсказъ С. М. Голицына о томъ, что Петръ въ тотъ же день просилъ у Екатерины прощенія, имѣетъ основаніе; см. «Р. Арх.» 1869, 642.

шую побѣду его противницѣ. Не даромъ она и прежде разсчитывала на то, что царствованіе Петра сдѣлается невыносимымъ.

Говорятъ, что Екатерина, послѣ своего воцаренія, между бумагами Петра нашла въ одномъ изъ писемъ Фридриха II къ императору слѣдующія внушенія: не проводить слишкомъ быстро нововведеній, щадить нравы и обычаи народа, въ сложныхъ дѣ-

Екатерина II въ траурномъ одѣяніи по императрицѣ Елизаветѣ Петровнѣ.

Съ рисунка Чемесова, по фотографіи, приложенной къ „Русскому Архиву" 1866 г.

лахъ руководствоваться скорѣе мнѣніями жены, чѣмъ собственнымъ увлеченіемъ [1]). Петръ во всѣхъ отношеніяхъ дѣйствовалъ противоположно этимъ совѣтамъ.

Извѣстно, что первыя правительственныя распоряженія Петра произвели довольно благопріятное впечатлѣніе. Въ одномъ изъ ма-

[1]) Въ перепискѣ между Фридрихомъ и Петромъ, изданной въ III томѣ «Русской Старины», недостаетъ нѣсколькихъ писемъ короля.

нифестовъ онъ обѣщалъ царствовать въ духѣ Петра Великаго. Возвращеніе множества ссыльныхъ, уничтоженіе тайной канцеляріи, отмѣна пытки, пониженіе цѣны на соль, расширеніе правъ дворянства—все это вліяло въ пользу Петра. Въ средѣ дворянства здѣсь и тамъ встрѣчались выраженія особенной привязанности къ Петру [1]), хотя съ другой стороны дѣйствія Петра были объясняемы подчасъ довольно странными побужденіями [2]). Въ военныхъ кружкахъ обнаруживалось нѣкоторое удовольствіе, что, наконецъ, на престолѣ, послѣ многихъ женщинъ, явился государь [3]). Штелинъ замѣчаетъ, что сначала всѣ радовались неутомимой дѣятельности молодого монарха, но вскорѣ увидѣли, что онъ начинаетъ, по прежнему, обращать вниманіе на пустые мелочи и относится съ пренебреженіемъ къ существеннымъ вопросамъ государственнаго управленія [4]).

Нововведенія въ управленіи духовными имѣніями, грубое обращеніе императора съ высокопоставленными лицами, сановниками и генералами, протекція, оказанная голштинскимъ родственникамъ, ничѣмъ незаслуживавшимъ отличій и наградъ, нерасположеніе Петра къ гвардейскимъ полкамъ, невниманіе къ русскимъ нравамъ и обычаямъ, злосчастное намѣреніе начать войну съ Даніей, ребяческій и безтактный образъ дѣйствій при каждомъ случаѣ,— все это не могло не возбудить общаго негодованія и ропота. Число приверженцевъ Екатерины росло постоянно и быстро.

Въ одинъ голосъ иностранные дипломаты стали порицать поступки и характеръ государя. Бретёля и другихъ пословъ оскорбило требованіе Петра, чтобы они сдѣлали визиты принцу Георгу гольштинскому. По этому случаю происходили разныя непріятности. Англійское правительство было озадачено нескромностью Петра, передавшаго прусскому дипломату Гольцу конфиденціальныя сообщенія, сдѣланныя лордомъ Бьютомъ русскому послу въ Лондонѣ. Съ австрійскимъ посломъ государь обращался до того грубо, что тотъ вообще избѣгалъ являться ко двору.

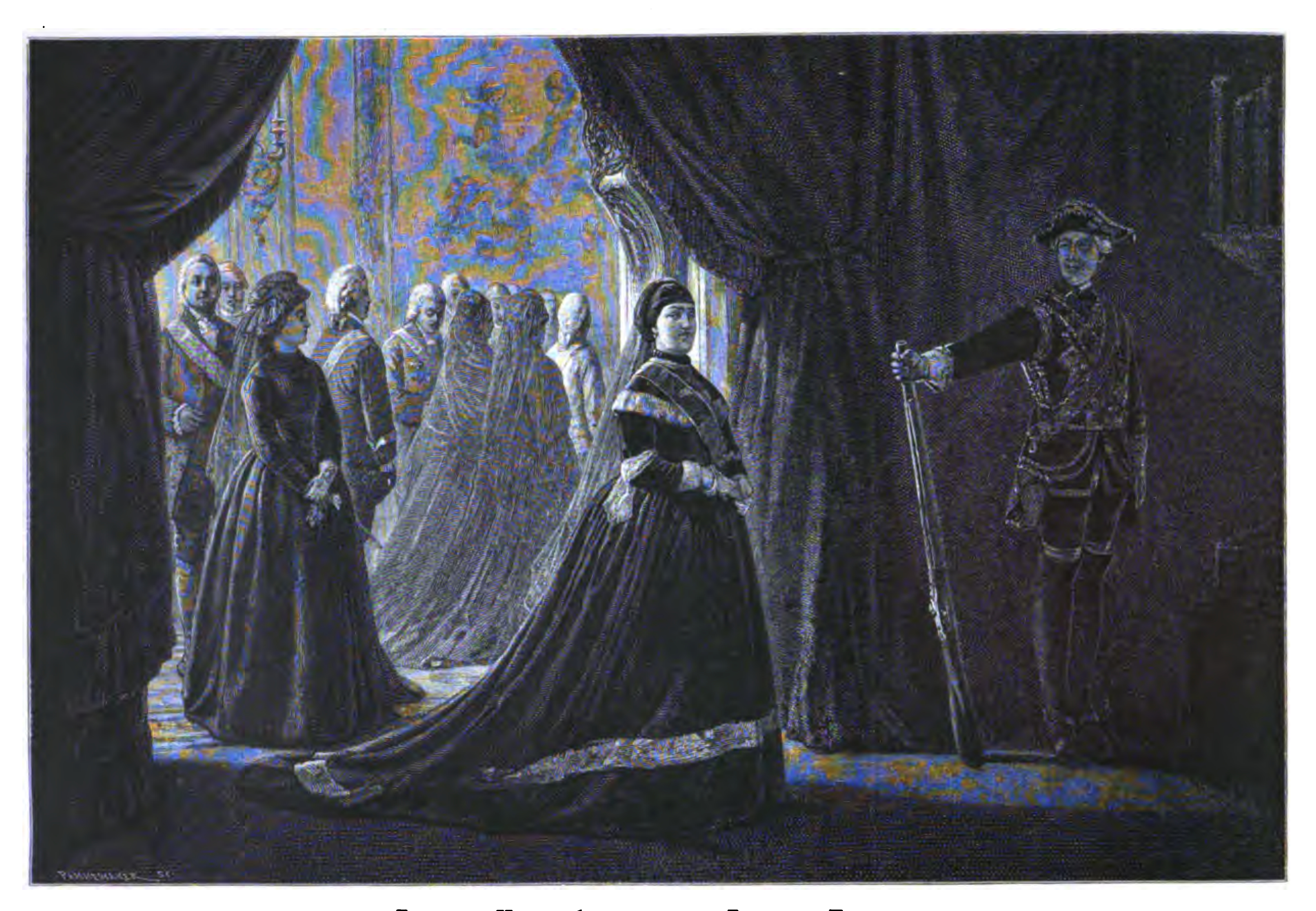
Нельзя, поэтому, удивляться, что во всѣхъ донесеніяхъ иностранныхъ дипломатовъ за это время постоянно говорится о неспособности Петра заниматься дѣлами, объ отсутствіи въ немъ разума, о странныхъ его поступкахъ, шумныхъ обѣдахъ и ужи-

[1]) См. письма гр. Ивана Чернышева къ Ив. Ив. Шувалову въ «Рус. Арх.» 1869, стр. 1822.

[2]) Щербатовъ. О поврежденіи нравовъ «Р. Старина». II. 674.

[3]) De la Marche 2, «Р. Стар.» III, 307.

[4]) «Чтенія», 1867, IV. Смѣсь. 98.

Екатерина II у гроба императрицы Елисаветы Петровны.

Картина профессора Ге. Гравюра Паннемакера въ Парижѣ.

нахъ, въ которыхъ нарушались правила обыкновеннаго приличія, о безпорядкахъ въ государственномъ управленіи и т. п. Мерси замѣчаетъ въ одномъ изъ своихъ донесеній, что нельзя ожидать ничего хорошаго отъ этого царствованія и что Петръ, безъ сомнѣнія, слишкомъ поздно будетъ сожалѣть о своемъ безуміи. Воронцовъ, въ разговорѣ съ графомъ Мерси, со слезами на глазахъ говорилъ о своемъ намѣреніи совсѣмъ покинуть Россію. Другой сановникъ упрекалъ Елизавету за то, что она во время не отправила Петра за границу и тѣмъ не избавила Россіи отъ столь жалкаго государя. Весь народъ, писалъ Мерси, отъ перваго до послѣдняго, раздраженъ въ величайшей степени; волненіе во всемъ государствѣ таково, что едва ли императору будетъ возможно отправиться въ походъ [1]).

Въ этомъ же тонѣ Бретёль доносилъ объ «унизительномъ зрѣлищѣ», какъ Петръ, въ нетрезвомъ видѣ, восхвалялъ Фридриха II, объ общей неурядицѣ въ Россіи, о разстройствѣ финансовъ, о порчѣ нравовъ при дворѣ, объ общемъ неудовольствіи и раздраженіи [2]).

Множество анекдотовъ, характеризующихъ образъ мыслей и дѣйствій Петра, встрѣчается въ депешахъ соксонскаго дипломата Брюля. При всемъ томъ, однако, послѣдній не считалъ вѣроятнымъ, чтобы Петръ сдѣлался жертвою государственнаго переворота; менѣе всего Брюль ожидалъ предпріимчивости со стороны Екатерины; скорѣе, по его мнѣнію, грозила опасность со стороны бывшаго императора Іоанна Антоновича [3]).

Разумѣется, отзывы представителей тѣхъ державъ, которые, при вступленіи на престолъ Петра, лишились сильнаго союзника, оказываются особенно рѣзкими. Понятно, что, напротивъ, англійскій дипломатъ Кейтъ, прусскіе дипломаты Гольцъ и Шверинъ и самъ Фридрихъ II, иначе судили о качествахъ и дѣйствіяхъ Петра III. И въ позднѣйшихъ сочиненіяхъ тѣхъ писателей, которые враждебно относились къ Екатеринѣ, напримѣръ, Кастера, Гельбига, Сальдерна, встрѣчаются отзывы болѣе или менѣе благопріятные Петру, или, по крайней мѣрѣ, нѣсколько болѣе снисходительные къ его порокамъ и промахамъ. Зато въ другихъ, современныхъ сочиненіяхъ разныхъ авторовъ заключается полнѣйшее осужденіе царствованія Петра III. Щербатовъ, противникъ

---

[1]) См. мою статью «Zur Geschichte Peters III und Katharina II» въ журналѣ «Russische Revue» XI. 5 и слѣд.

[2]) Raumer. III. 304 и слѣд. La cour de la Russie, 190 и слѣд.

[3]) Herrmann, Geschichte des russischen Staats. V. 256 и слѣд.

Екатерины, изображаетъ сильный упадокъ Россіи въ это время, княгиня Дашкова и Болотовъ не находятъ словъ, чтобы выставить на видъ ничтожество этого государя; весьма невыгодно писалъ о Петрѣ даже Минихъ, обязанный ему освобожденіемъ изъ ссылки и защищавшій его еще въ послѣднюю минуту его царствованія; довольно рѣзко порицалъ Петра и канцлеръ голландскаго консульства въ Петербургѣ, Буденэръ [1]) и пр. и пр.

Внѣшняя политика Петра III, союзника Пруссіи, друга Фридриха II, возбуждала сильное неудовольствіе. Нѣсколько лѣтъ сряду въ Россіи привыкли смотрѣть на Фридриха, какъ на опаснѣйшаго врага; теперь же Россія очутилась въ какой-то зависимости отъ Пруссіи; императоръ игралъ роль какого-то вассала Фридриха II, говорилъ о немъ, какъ о своемъ начальникѣ. Перемѣна въ области внѣшней политикѣ произошла быстро и казалась непонятною. Канцлеръ Воронцовъ не имѣлъ никакого значенія. Иванъ Ивановичъ Шуваловъ долженъ былъ довольствоваться управленіемъ высшихъ училищъ. Иностранцы какъ, напримѣръ, Гольцъ и Шверинъ, подозрѣвали въ немъ заговорщика противъ Петра, между тѣмъ какъ онъ въ сущности не былъ опаснымъ императору. Даже Мельгуновъ и Волковъ, пользовавшіеся особеннымъ довѣріемъ Петра, въ глазахъ прусскихъ дипломатовъ считались противниками сближенія съ Пруссіею.

Особенно сильное броженіе замѣчалось въ средѣ духовенства. И изъ записокъ русскихъ людей, и изъ донесеній иностранцевъ, видно, какъ велико было негодованіе на Петра по случаю разныхъ нововведеній, оскорблявшихъ религіозное чувство и возстановлявшихъ противъ правительства духовныхъ лицъ, которыя, въ свою очередь, распространяли неудовольствіе въ народѣ.

Еще опаснѣе было раздраженіе въ войскѣ. Офицеры и солдаты были недовольны введеніемъ пріемовъ прусской дисциплины, назначеніемъ главнымъ начальникомъ войска дяди Петра, принца Георга гольштинскаго. Петръ презиралъ и оскорблялъ гвардію, которую называлъ янычарами. Современники сообщаютъ о тяжеломъ впечатлѣніи, производимомъ ежедневно повторявшимися солдатскими упражненіями государя, въ которыхъ должны были принимать участіе высшіе сановники, люди пожилые и даже дряхлые, какъ, напримѣръ, князь Трубецкой, графъ Разумовскій и др.

Болотовъ, адъютантъ начальника полиціи, генерала Корфа, разсказываетъ о Петрѣ: «Рѣдко стали уже мы заставать государя трезвымъ и въ полномъ умѣ и разумѣ, а всего чаще уже до

[1]) Boudenaër, въ «Архивѣ кн. Воронцова» XXV. 264 и слѣд.

обѣда нѣсколько бутылокъ аглійскаго пива, до котораго онъ былъ страстный охотникъ, уже опорожнившимъ, то сіе и бывало причиною, что онъ говаривалъ такой вздоръ и такія нескладицы, что, при слушаніи оныхъ, обливалось даже сердце кровью отъ стыда передъ иностранными министрами, видящими и слышащими то и безсомнѣнно смѣющимися внутренно. Истинно, бывало, вся душа такъ поражается всѣмъ тѣмъ, что бѣжалъ бы неоглядкою отъ зрѣлища таковаго: такъ больно было все это видѣть и слышать», и пр. Одна современница, знатная дама, разсказывала потомъ: «Государь бывало нарочно смѣшилъ меня разными гримасами. Онъ не похожъ былъ на государя». Болотовъ пишетъ, что всѣ ожидали переворота и въ особенности враждебныхъ государю дѣйствій со стороны гвардейцевъ [1]).

Чѣмъ легче можно было ожидать какого-либо кризиса, тѣмъ опаснѣе казалось намѣреніе Петра отправиться за границу для веденія войны. Не даромъ особенно безпокоились тѣ, которые имѣли въ Петрѣ союзника и друга. Гольцъ и Шверинъ были увѣрены и увѣряли короля Фридриха II, что недовольные воспользуются отъѣздомъ Петра къ арміи и произведутъ возстаніе. Поэтому они старались уговорить императора отмѣнить поѣздку, утверждая, что его присутствіе въ Россіи необходимо для блага имперіи. Шверинъ писалъ къ королю 8-го апрѣля: «Никто въ мірѣ, кромѣ вашего величества, не можетъ отвратить императора отъ этого опаснаго путешествія». То же самое писалъ Гольцъ, выставляя на видъ необходимость для Петра прежде похода короноваться.

Фридрихъ писалъ Петру: «Признаюсь, мнѣ бы очень хотѣлось, чтобъ ваше величество уже короновались, потому что эта церемонія произведетъ сильное впечатлѣніе на народъ, привыкшій видѣть коронованіе своихъ государей. Я вамъ скажу откровенно, что не довѣряю русскимъ. Всякій другой народъ благословлялъ бы небо, имѣя государя съ такими выдающимися и удивительными качествами, какія у вашего величества, но эти русскіе, — чувствуютъ ли они свое счастіе, и проклятая продажность какого нибудь одного ничтожнаго человѣка развѣ не можетъ побудить его къ составленію заговора или къ поднятію возстанія въ пользу этихъ принцевъ брауншвейгскихъ? Припомните, ваше императорское величество, что случилось въ первое отсутствіе императора Петра I, какъ его родная сестра составила противъ него заговоръ! Предположите, что какой нибудь негодяй съ безпокойною головой

---

[1]) Прилож. къ «Русск. Ст.» 1870, II, 197. Соловьевъ, XXV, 83.

начнетъ въ ваше отсутствіе интриговать для возведенія на престолъ этого Ивана, составитъ заговоръ съ помощію иностранныхъ денегъ, чтобы вывести Ивана изъ темницы, подговоритъ войско и другихъ негодяевъ, которые и присоединятся къ нему: — не должны ли вы будете тогда покинуть войну противъ датчанъ, хотя бы все шло съ отличнымъ успѣхомъ, и поспѣшно возвратиться, чтобъ тушить пожаръ собственнаго дома. Эта мысль привела меня въ трепетъ, когда пришла мнѣ въ голову, и совѣсть мучила бы меня всю жизнь, еслибъ я не сообщилъ эту мысль вашему императорскому величеству; я здѣсь въ глубинѣ Германіи; я вовсе не знаю вашего двора: ни тѣхъ, къ которымъ ваше величество можетъ имѣть полное довѣріе, ни тѣхъ, кого можете подозрѣвать, поэтому вашему высокому разуму принадлежитъ различить, кто преданъ и кто нѣтъ; я думаю одно, что если вашему величеству угодно принять начальство надъ арміею, то безопасность требуетъ, чтобы вы прежде короновались и потомъ, чтобъ вы вывезли въ своей свитѣ за границу всѣхъ подозрительныхъ людей. Такимъ образомъ вы будете обезпечены» и пр.

Какъ видно, Фридрихъ не безъ основанія ожидалъ быстрой перемѣны. Его совѣты, однако, оставались тщетными. Не даромъ Екатерина насмѣхалась надъ болтливостью Петра. Тотчасъ же по полученіи письма отъ прусскаго короля, онъ сообщилъ Шувалову, именно тому лицу, которое считалось заговорщикомъ, объ опасеніяхъ Фридриха и о его совѣтѣ взять съ собою въ армію всѣхъ подозрительныхъ людей. Мало того, вскорѣ послѣ Петръ чрезъ Мельгунова велѣлъ сказать Шувалову, чтобъ онъ слѣдовалъ за нимъ въ армію въ качествѣ волонтера [1]).

Фридриху Петръ отвѣчалъ: «Что касается Ивана, то я держу его подъ крѣпкою стражею, и еслибъ русскіе хотѣли сдѣлать зло, то могли бы уже давно его сдѣлать, видя, что я не принимаю никакихъ предосторожностей. Могу васъ увѣрить, что, когда умѣешь обходиться съ ними, то можно быть покойнымъ на ихъ счетъ», и проч. [2]).

Фридрихъ былъ правъ, ожидая кризиса. Онъ только ошибался относительно источника, откуда могла грозить опасность Петру. Несчастный шлюссельбургскій узникъ не могъ считаться опаснымъ претендентомъ. Петръ, какъ говорятъ, даже думалъ о возможности освободить Іоанна и отправить его къ родственникамъ за границу. По другимъ извѣстіямъ, возникла мысль объявить

[1]) Соловьевъ, XXV, 78.
[2]) «Русская Старина», III, 306—307.

Іоанна наслѣдникомъ престола и заключить Екатерину и Павла въ Шлюссельбургскую крѣпость. Достовѣрно только то, что Петръ посѣтилъ бывшаго императора въ Шлюссельбургѣ и что онъ намѣревался построить для него болѣе удобное помѣщеніе въ той же мѣстности и вообще облегчить нѣсколько горькую участь арестанта.

Опасность грозила Петру съ другой стороны. На нее было указано, какъ мы видѣли, въ донесеніяхъ Мерси и Бретёля.

Екатерина справедливо замѣтила впослѣдствіи: «У Петра III первымъ врагомъ былъ онъ самъ: до такой степени всѣ дѣйствія его отличались неразуміемъ» [1]). Не чая бѣды, онъ находился на краю бездны. По свидѣтельству одного современника, всѣ русскіе, за исключеніемъ развѣ какого-нибудь десятка царедворцевъ, желали перемѣны на престолѣ [2]).

Нѣтъ сомнѣнія, что и императрица Екатерина находилась въ крайней опасности и что ея предпріятіе противъ Петра можетъ считаться нѣкоторымъ образомъ оборонительною мѣрою, средствомъ самосохраненія.

Многіе современники были убѣждены въ томъ, что Петръ хотѣлъ развестись съ Екатериною, лишить всѣхъ правъ Павла и жениться на Воронцовой [3]). Лица, окружавшія Екатерину, узнали о грозившей ей опасности и старались предупредить враждебныя дѣйствія Петра.

Сама Екатерина разсказываетъ объ этихъ событіяхъ слѣдующее: «Онъ (Петръ) хотѣлъ жениться на Воронцовой, и въ тотъ самый вечеръ, когда возложена была на графиню Екатерининская лента, приказалъ адъютанту своему, князю Барятинскому, арестовать императрицу въ ея покояхъ. Испуганный Барятинскій медлилъ исполненіемъ и не зналъ, какъ ему быть, когда въ прихожей повстрѣчался ему дядя императора, принцъ Георгій гольштинскій. Барятинскій передалъ ему, въ чемъ дѣло. Принцъ побѣжалъ къ императору, бросился предъ нимъ на колѣни и насилу уговорилъ отмѣнить приказаніе» [4]).

Этотъ разсказъ императрицы, написанный почти три десятилѣтія спустя, нисколько не противорѣчитъ даннымъ въ другихъ источникахъ.

---

[1]) «Р. Арх.» 1878, II, 288.

[2]) «Le pour et le contre de Pierre III empereur de Russie», 7.

[3]) Castera, I, 83. «Merkwürdige Lebensgeschichte Peters III». Frankfurt und Leipzig. 1763. 39.

[4]) «Р. Ахр.» 1878, 288.

Украшеніе графини Воронцовой Екатерининскою лентою происходило въ послѣднихъ числахъ іюля. Ювелиръ Позье разсказываетъ слѣдующее:

«Императоръ уѣхалъ въ Ораніенбаумъ. Онъ собирался тамъ повеселиться, а императрицѣ приказалъ поселиться въ Петергофѣ. При ней было всего шесть камеръ-фрайлинъ, да два камеръ-юнкера; съ ней поѣхалъ и маленькій великій князь. Императоръ же взялъ съ собою всѣхъ своихъ фаворитовъ и самыхъ красивыхъ придворныхъ дамъ, цвѣтъ аристократіи, хотя всѣ сильно роптали на то, что не дозволялось имъ оставаться съ императрицей, которую всѣ очень любили; да и ей не легко было отправиться одной чуть не въ ссылку».

«Петру вздумалось устроить домашній спектакль... онъ послалъ за мною курьера, съ приказаніемъ мнѣ отправиться въ Ораніенбаумъ... Я поѣхалъ... Императоръ сказалъ мнѣ: «Я хочу, чтобы вы посмотрѣли мою комедію. Вотъ вамъ билетъ. Я всѣ билеты роздаю самъ».— Я присутствовалъ при ученіи гольштинскихъ войскъ передъ обѣдомъ и при сраженіи двухъ маленькихъ галеръ на большомъ пруду, что̀ мнѣ показалось совершеннымъ представленіемъ маріонетокъ; но императоръ находилъ самое большое удовольствіе въ этихъ маневрахъ, на которые роптало дворянство, въ особенности гвардейскіе полки, которыхъ ставили ни во что въ сравненіи съ горстью гольштинцевъ. Сидя за столомъ рядомъ съ женою великаго канцлера Воронцова, я осмѣлился тихо сказать ей по-французски: «Что вы объ этомъ думаете? я, по крайней мѣрѣ, очень боюсь, какъ бы не случилось чего-нибудь ужаснаго, и долженъ вамъ признаться, что, видя все, что вижу теперь, я несовсѣмъ спокоенъ».— «Вы правы», отвѣчала она мнѣ, «я имѣю поводъ быть еще менѣе спокойна, чѣмъ вы». При этомъ графиня не могла удержаться отъ слезъ. Послѣ обѣда пришлось идти смотрѣть комедію, чего мнѣ вовсе не хотѣлось, но я не смѣлъ отказаться... Императрица казалась очень грустною и скучно смотрѣла на эту комедійку. Она прислала ко мнѣ своего пажа сказать, чтобы я, по выходѣ изъ театра, зашелъ къ ней, въ ея покои, такъ какъ она хочетъ кое-что мнѣ заказать. Я отправился, но не безъ нѣкотораго безпокойства, какъ бы фавориты императора или камердинеры его не увидали, какъ я вхожу къ Екатеринѣ, и не пересказали ему, что̀ бы могло меня погубить... Императрица сказала мнѣ, что сломала свой Екатерининскій орденъ и просила меня его поправить... Это былъ тотъ самый день, въ который графиня Елизавета Воронцова должна была явиться съ ор-

деномъ, подареннымъ ей императоромъ. Я сказалъ это императрицѣ, чтобы она подумала, не обидится ли императоръ за то, что она въ пику нарочно является къ столу безъ ордена. «Хорошо», сказала императрица, «пріѣзжайте за нимъ завтра въ Петергофъ» [1]).

Когда Позье поѣхалъ за орденомъ въ Петергофъ, то на дорогѣ узналъ о совершившемся тѣмъ временемъ государственномъ переворотѣ.

Изъ другихъ источниковъ о событіяхъ въ послѣдніе дни до перемѣны мы узнаемъ слѣдующее: 26 іюня, Екатерина посѣтила Петра въ Ораніенбаумѣ: въ японской залѣ былъ большой обѣдъ, а вечеромъ маскарадъ въ театрѣ. 27 іюня, Петръ и Екатерина отправились въ Гостилицы, гдѣ графъ Алексѣй Григорьевичъ Разумовскій давалъ въ ихъ честь великолѣпный праздникъ. Въ Гостилицахъ Петра III и Екатерина увидѣлись въ послѣдній разъ. Изъ Гостилицъ Петръ отправился въ Ораніенбаумъ, Екатерина поѣхала въ Петергофъ. Нѣсколько часовъ спустя, Петръ былъ лишенъ короны [2]).

По разсказамъ нѣкоторыхъ современниковъ, въ эту минуту Екатеринѣ грозила крайняя опасность. Саблуковъ разсказываетъ: «Петръ III намѣревался для того, чтобы вступить въ бракъ съ графинею Воронцовою, развестись съ императрицею Екатериною и вслѣдствіе того заключить и мать, и сына въ Шлюссельбургъ на всю жизнь. Съ этою цѣлью былъ уже составленъ манифестъ, и лишь наканунѣ его обнародованія и ареста Екатерины и ея сына начался переворотъ... До сихъ поръ можно видѣть въ Шлюссельбургѣ помѣщеніе, для нихъ приготовленное» [3]). По другимъ извѣстіямъ, въ ту самую ночь, когда начался переворотъ, было предположено увести Екатерину въ какой-то монастырь и отпраздновать свадьбу Петра III съ Воронцовою [4]). По разсказу одного малороссіянина, вѣроятно находившагося при гетманѣ Разумовскомъ, императоръ вызвалъ Екатерину съ Павломъ въ Ораніенбаумъ и «за то крѣпко досадовалъ, что императрица, оставивъ сына въ Петербургѣ, пріѣхала одна». Затѣмъ Петръ приказалъ императрицѣ возвратиться въ Петергофъ, гдѣ въ тотъ же день «были разведены крѣпкіе пикеты» и гдѣ, по разсказу современника, «изволила ея величество жить тамъ до 26 числа іюня въ

---

[1]) «Р. Стар.», I, 212—216.

[2]) «Осьмнадцатый вѣкъ», II, 454.

[3]) «Р. Арх.» 1869, стр. 1890 и 1891.

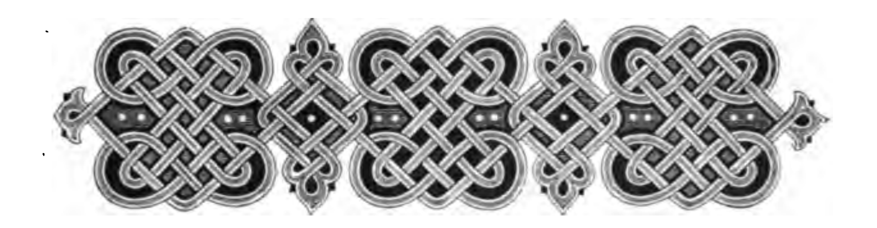
[4]) Донесеніе испанскаго дипломата въ журналѣ «Academy». Апрѣль 1875, стр. 349.

немалой опасности». Наконецъ, императоръ приказалъ дядѣ своему, Жоржу, «чтобъ онъ всемѣрно постарался ея величество привезть въ Аренбовъ», но было слишкомъ поздно: Екатерина уже находилась въ Петербургѣ и катастрофа Петра сдѣлалась неминуемою [1]).

При отрывочности и разнообразіи источниковъ, въ которыхъ встрѣчаются данныя по этому предмету, трудно опредѣлить мѣру опасности, грозившей Екатеринѣ со стороны Петра. Во всякомъ случаѣ, Екатерина была уже въ состояніи предотвратить грозившую ей бѣду. Все было приготовлено ею для наступательныхъ дѣйствій.

[1]) «Осьмнадцатый вѣкъ», I, 66.

ГЛАВА V.

Государственный переворотъ.

ПЕТРЪ III писалъ Фридриху II: «Кто умѣетъ обращаться съ русскими, тотъ можетъ безусловно на нихъ надѣяться».

Онъ не умѣлъ обращаться съ русскими, и потому катастрофа его была неизбѣжна. Зато Екатерина, умѣвшая обращаться съ русскими, вполнѣ могла на нихъ разсчитывать. Восемнадцать лѣтъ сряду она имѣла въ виду ту цѣль, которой, наконецъ, должна была достигнуть путемъ сверженія Петра. Настала пора диктатуры. Екатерина во все время до этого не сомнѣвалась, что рано или поздно публика начнетъ смотрѣть на нее, какъ на «спасительницу общаго блага», во все время она дѣйствовала систематически и послѣдовательно, обнаруживая притомъ необычайный политическій тактъ и удивительное знаніе людей. Теперь ей оставалось сдѣлать послѣдній шагъ, отважиться на крайнюю мѣру. Образъ дѣйствій ея противника устранялъ многія затрудненія и препятствія. Она далеко превосходила его и рѣшимостью, и проницательностью.

Не даромъ Екатерина въ своихъ запискахъ замѣтила, что самымъ опаснымъ врагомъ Петра былъ онъ самъ. Онъ одинъ сдѣлался жертвою государственнаго переворота. Не было партіи, которая могла бы исчезнуть вмѣстѣ съ нимъ. Лицамъ, окружавшимъ его,

фаворитамъ, какъ, напримѣръ, Волкову, Мельгунову, Глѣбову, даже Елизаветѣ Романовнѣ Воронцовой,—было оказано новымъ правительствомъ покровительство и снисхожденіе. Цѣль государственнаго переворота заключалась лишь въ устраненіи личности Петра, не бывшаго представителемъ какихъ либо идей, сторонникомъ какой либо политической программы, не поддерживаемаго какими либо единомышленниками-сотрудниками. Самый ходъ событій указывалъ на необходимость пополнить пробѣлъ въ правительствѣ, замѣнить ничтожную личность способною. Исторія паденія Петра представляетъ собою лучшее доказательство его полнѣйшей несостоятельности. Правительство, устраненіе котораго совершилось столь легко и безмятежно, едва ли заслуживало и названія правительства. Не даромъ Фридрихъ II замѣтилъ, что Петръ оставилъ престолъ совершенно такъ же, какъ уходитъ послушный ребенокъ, когда его посылаютъ спать.

Вообще, ходъ событій государственнаго переворота хорошо извѣстенъ. Могутъ лишь существовать различныя мнѣнія относительно доли участія въ этомъ кризисѣ того или другого лица, пользовавшагося довѣріемъ Екатерины. Также, пожалуй, не совсѣмъ легко опредѣлить время начала заговора. Въ этомъ отношеніи встрѣчаются противорѣчивыя данныя.

Такъ, напримѣръ, въ письмѣ Екатерины къ Понятовскому, въ которомъ изложены нѣкоторыя подробности этихъ событій, встрѣчаются указанія, несогласующіяся съ другими замѣчаніями Екатерины объ этомъ же предметѣ. Понятовскому она писала: «Въ день празднованія мира съ прусскимъ королемъ, онъ (Петръ) оскорбилъ меня публично за обѣдомъ, а вечеромъ приказалъ меня арестовать. Мой дядя, принцъ Георгъ, заставилъ его отмѣнить этотъ приказъ. Только съ этого дня я обратила вниманіе на предложенія, съ которыми ко мнѣ приступали со смерти императрицы Елизаветы» [1]). Въ другомъ мѣстѣ, какъ мы видѣли, Екатерина замѣтила, что Барятинскому было приказано арестовать ее въ тотъ самый день, когда Елизавета Романовна Воронцова была украшена Екатерининскимъ орденомъ [2]). Послѣднее событіе случилось за нѣсколько дней до переворота, между тѣмъ какъ празднованіе мира происходило 1 (12) мая.

Въ томъ самомъ письмѣ къ Понятовскому, въ которомъ Екатерина выставляла на видъ, что княгиня Дашкова не играла

[1]) Приложеніе къ зап. Екат., изд. въ Лондонѣ, стр. 268.
[2]) «Р. Архивъ», 1878, II, 288.

столь важной роли, какую она приписывала сама себѣ, сказано: «Она утверждала, что все шло ко мнѣ черезъ ея руки. Однако, я уже шесть мѣсяцевъ переписывалась со всѣми начальниками, прежде чѣмъ она узнала первое имя одного изъ нихъ [1]).

То обстоятельство, что Екатерина тотчасъ же послѣ государственнаго переворота осыпала Дашкову наградами, противорѣчитъ показанію императрицы о мнимой ничтожности той роли, которую играла княгиня при этомъ случаѣ. Нѣтъ сомнѣнія, что

Отъѣздъ Екатерины II изъ Петергофа въ Петербургъ 28 іюня 1762 г.

Съ оригинальнаго рисунка Кестнера, сдѣланнаго по заказу Екатерины и находящагося въ Эрмитажѣ.

Дашкова отличалась отвагою и была готова жертвовать собою для Екатерины. Достовѣрно, однако, и то, что она въ минуту переворота не знала о близкихъ сношеніяхъ императрицы съ Григоріемъ Орловымъ, а поэтому не могла знать и о той роли, которую играли Орловы въ приготовленіяхъ къ перевороту. Вскорѣ послѣ этого, отношенія Дашковой къ Орловымъ сдѣлались натя-

---

[1]) «La cour de la Russie», 214—215.

нутыми. Понятно, что Екатерина, раздраженная тѣмъ, что Дашкова не одобряла ея связи съ Орловымъ, вообще нѣсколько охладѣла къ бывшей своей подругѣ, и при оцѣнкѣ заслугъ княгини была не совсѣмъ справедливою. До настоящаго времени разсказъ Дашковой былъ важнѣйшимъ источникомъ исторіи этихъ событій. Если бы сохранился разсказъ изъ кружка Орловыхъ, то было бы легче опредѣлить точнѣе ту мѣру участія, которое принимали въ переворотѣ разныя лица. Во всякомъ случаѣ, нельзя согласиться съ мнѣніемъ Фридриха II, замѣтившаго въ бесѣдѣ съ графомъ Сегюромъ объ этомъ событіи, что Дашкова была лишь «la mouche du coche». При всемъ томъ, однако, можно считать весьма вѣроятнымъ, что Екатерина питала въ это время гораздо большее довѣріе къ Орловымъ, чѣмъ къ Дашковой. По разсказу послѣдней, Екатерина во всемъ дѣлѣ играла пассивную роль, что нисколько не согласуется ни съ обстоятельствами, ни съ характеромъ императрицы. Поэтому, мы не можемъ не вѣрить замѣчанію послѣдней въ письмѣ къ Понятовскому: «Все дѣлалось, признаюсь, подъ моимъ особеннымъ руководствомъ».

Зародышъ заговора заключался, какъ можно считать вѣроятнымъ, въ близкихъ отношеніяхъ Екатерины къ Орлову. Григорій Орловъ (родился въ 1734 году) былъ обязанъ покровительству Екатерины полученіемъ довольно важнаго мѣста въ артиллерійскомъ вѣдомствѣ и употреблялъ свое вліяніе въ кружкахъ гвардейскихъ офицеровъ для заговора въ пользу императрицы и подготовленія переворота. Нѣкоторые офицеры, Пассекъ, Рославлевъ, Ласунскій, Бредихинъ и др., вполнѣ сочувствовали плану возвести на престолъ Екатерину. Григорій Орловъ держалъ въ своихъ рукахъ нити заговора. Не даромъ лица, окружавшія Петра, считали его опаснымъ человѣкомъ. Разсказываютъ, будто нѣкто Перфильевъ имѣлъ порученіе наблюдать за дѣйствіями Орлова, но что, по неопытности и небрежности, онъ въ ту самую ночь, когда начались дѣйствія заговорщиковъ, участвовалъ въ оргіи, устроенной у Орлова [1]).

Впрочемъ, нѣтъ сомнѣнія, что и люди болѣе важные, вліятельные сановники, были посвящены въ тайну заговора. И Григорій Орловъ, и княгиня Дашкова находились въ близкихъ сношеніяхъ съ графомъ Кирилломъ Разумовскимъ, который, какъ кажется, независимо отъ иниціативы гвардейцевъ, также мечталъ о переворотѣ въ пользу Екатерины.

---

[1]) «Русскій Архивъ», 1873, стр. 26; 1870, 966.

Графъ Григорій Григорьевичъ Орловъ.

Съ гравюры Чемесова, сдѣланной съ портрета, писаннаго Девелли.

Особенное значеніе могло имѣть содѣйствіе Панина, котораго Дашкова посвятила въ тайну предпріятія. Онъ былъ воспитателемъ великаго князя Павла Петровича и ожидалъ, что императрица удовольствуется лишь ролью регентши на время малолѣтства ея сына, котораго можно будетъ провозгласить императоромъ.

Впослѣдствіи, Панинъ сообщилъ датскому посланнику Ассебургу нѣкоторыя подробности о государственномъ переворотѣ 1762 года. Изъ этого разсказа видно, что Панинъ приписывалъ себѣ главную роль въ этомъ событіи. Отъ него, будто бы, зависѣло назначить время начала дѣйствій; по его, будто бы, усмотрѣнію, были посвящены въ тайну заговора князь Волконскій и графъ Разумовскій; онъ, будто бы, отправилъ въ Петергофъ карету за Екатериною, когда наступило время дѣйствій, обо всемъ сговаривался съ княгинею Дашковою и проч. [1]). Повторяется и здѣсь то же самое, что мы видимъ въ запискахъ княгини Дашковой и въ письмѣ Екатерины къ Понятовскому: каждый разсказчикъ считаетъ себя главнымъ виновникомъ успѣха переворота.

Кромѣ того, въ тайну заговора были посвящены архіепископъ новгородскій, Дмитрій Сѣченовъ, князь Н. В. Репнинъ, Тепловъ и друг.

При воцареніи Елизаветы Петровны довольно важную роль играли дипломаты Нолькенъ и Шетарди, которымъ цесаревна была обязана нѣкоторыми денежными средствами, необходимыми для принятія мѣръ къ сверженію императора Іоанна Антоновича.

Разсказываютъ, что Екатерина, за нѣсколько недѣль до государственнаго переворота, обратилась къ французскому посланнику Бретёлю съ просьбою ссудить ей нѣкоторую сумму денегъ, но что Бретёль отказалъ ей въ этомъ и такимъ образомъ не воспользовался весьма благопріятнымъ случаемъ для устройства выгодныхъ сношеній Франціи съ Россіею. Прибавляютъ къ этому разсказу, что Екатерина, оскорбленная отказомъ Бретёля, обратилась чрезъ одного агента, Одара, къ какому-то англійскому купцу, который тотчасъ же досталъ денегъ 100,000 рублей и этимъ содѣйствовалъ устройству благопріятныхъ отношеній Англіи къ Россіи въ послѣдующее за государственнымъ переворотомъ время [2]).

Екатерина писала Понятовскому о ходѣ дѣла слѣдующее: «Планъ состоялъ въ томъ, чтобъ захватить Петра III въ его комнатѣ и арестовать, какъ нѣкогда была арестована принцесса

---

[1]) «Русскій Архивъ», 1879, I, 362 и слѣд.

[2]) Jauffret, «Cathérine II et son règne». Paris, 1860. I, 102.

Анна и дѣти. Онъ уѣхалъ въ Ораніенбаумъ. Тайна была въ рукахъ трехъ братьевъ Орловыхъ; Остель помнитъ, какъ старшій изъ нихъ слѣдовалъ за мной всюду и дѣлалъ тысячу нелѣпостей; его страсть была всѣмъ извѣстна; онъ дѣйствовалъ, побуждаемый ею. Орловы люди рѣшительные и, служа въ гвардіи, очень любимы солдатами. Я имъ многимъ обязана, что подтвердитъ весь Петербургъ. Умы гвардейцевъ были приготовлены, и уже въ заговорѣ было отъ тридцати до сорока офицеровъ и около десяти тысячъ рядовыхъ. Въ этомъ числѣ не нашлось ни одного измѣнника въ продолженіе трехъ недѣль; были четыре отдѣльныя партіи; ихъ начальники были приглашены для осуществленія плана, а настоящая тайна была въ рукахъ трехъ братьевъ. Панинъ хотѣлъ, чтобы провозгласили моего сына, но они ни за что на это не соглашались», и проч.

Можно бы считать преувеличеннымъ разсказъ Екатерины о весьма значительномъ числѣ лицъ, посвященныхъ въ тайну заговора. Однако, изъ списковъ лицъ, которыя получили разныя награды за участіе въ государственномъ переворотѣ, видно, что заговорщиковъ было очень много и что, кромѣ Орловыхъ, многіе другіе оказались достойными благодарности Екатерины. Панинъ былъ возведенъ въ графское достоинство, и кромѣ того, ему была назначена ежегодная пенсія въ 5,000 рублей; столько же было дано Волконскому и Разумовскому; Дашкова получила 20,000 рублей, Потемкинъ — 400 душъ крестьянъ и, кромѣ того, 10,000 рублей, и т. д. [1]).

27 іюня, въ столицѣ распространился слухъ о мнимомъ арестѣ Екатерины. Одинъ изъ гвардейскихъ солдатъ явился къ посвященному въ тайну заговора поручику Пассеку и настаивалъ на необходимости принятія мѣръ для спасенія императрицы. Другой офицеръ, узнавъ объ этомъ, приказалъ арестовать Пассека и далъ знать императору. Между гвардейскими полками распространилось волненіе. Насталъ часъ рѣшительнаго удара. Какъ только Панинъ и Дашкова, черезъ Орловыхъ, узнали объ арестѣ Пассека, то поспѣшили сообщить обо всемъ Екатеринѣ и приняли всѣ мѣры для немедленнаго пріѣзда ея въ столицу. Алексѣй Орловъ ночью отправился въ Петергофъ. Утромъ Екатерина прибыла въ Петер-

---

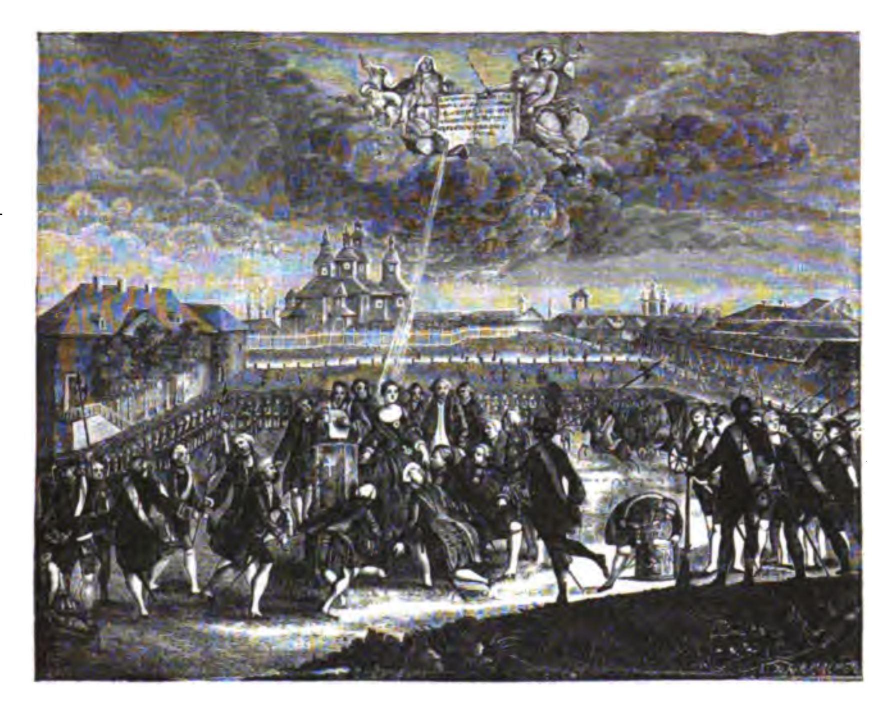
[1]) Разные списки наградъ: въ «Русскомъ Архивѣ», 1864, стр. 199—201, и въ «Сб. Ист. Общ.», VII, 106 и слѣд. Въ «Русскомъ Архивѣ», 1867, стр. 481, 1870, стр. 965, 1880, II, 148, встрѣчаются біографическія данныя о лицахъ, участвовавшихъ въ заговорѣ. О Дашковой и ея вознагражденіи см. ея Записки, I, 100; см. также Jauffret, «Catherine II», I, 127.

Екатерина II верхомъ, во главѣ войскъ, 29 іюня 1762 года.

Съ картины, находящейся въ Эрмитажѣ.

бургъ, гдѣ тотчасъ же въ казармахъ присягнули ей гвардейскіе полки [1]). Около 9 часовъ, она уже явилась у Казанскаго собора, куда былъ привезенъ и великій князь Павелъ Петровичъ; здѣсь совершилось торжественное провозглашеніе Екатерины самодержицею, а Павла — наслѣдникомъ, въ присутствіи, между прочимъ, архіепископа новгородскаго, графа Разумовскаго, Брюса, Стро-

Присяга Измайловскаго полка Екатеринѣ II.

С̑ъ оригинальнаго рисунка Кестнера, сдѣланнаго по заказу Екатерины и находящагося въ Эрмитажѣ.

ганова, князя Волконскаго, Панина и другихъ сановниковъ. Около 10,000 солдатъ окружали соборъ.

Царствованіе Петра прекратилось.

Случаевъ противодѣйствія перевороту было весьма немного. Нѣкоторые офицеры, не рѣшавшіеся присягнуть Екатеринѣ, были арестованы. Когда генералъ Вильбоа началъ было заявлять о

[1]) По нѣкоторымъ извѣстіямъ, Екатерина должна была спасаться въ Петергофѣ въ окно обитаемаго ею дворца Монплезиръ; см. «Academy» и записки ювелира Позье. По нѣкоторымъ извѣстіямъ, графъ Кириллъ Разумовскій помогъ императрицѣ бѣжать изъ Петергофа; см. «Осьмнадцатый вѣкъ», I, 66.

затрудненіяхъ, которыя можетъ встрѣтить предпріятіе Екатерины, она строго замѣтила ему, что не нуждается въ его совѣтахъ, предоставляя ему, впрочемъ, полную свободу дѣйствій. Онъ тотчасъ же повиновался волѣ императрицы. Маіоръ Воейковъ, напомнившій солдатамъ, что они присягнули Петру, едва не сдѣлался жертвою ихъ ярости, и долженъ былъ бѣжать. Семенъ Романовичъ Воронцовъ хотѣлъ было отправиться въ Ораніенбаумъ, для того, чтобы извѣстить Петра о событіяхъ, происходившихъ въ столицѣ, но былъ арестованъ [1]). Екатерина писала Понятовскому: «Преображенскій полкъ пришелъ тоже съ крикомъ ура! говоря: «виноваты, что послѣдніе пришли: офицеры насъ не пускали; за то четырехъ мы арестовали и привели въ доказательство нашего усердія, потому что мы того же хотимъ, чего наши братья». Конная гвардія пришла послѣ; она была въ такомъ восторгѣ, какого я еще не видывала, и кричала со слезами, что отечество освобождено» [2]).

Въ Новомъ Зимнемъ дворцѣ, куда поѣхала Екатерина, она нашла въ собраніи Сенатъ и Синодъ. Тепловъ наскоро составилъ манифестъ и форму присяги. Въ манифестѣ было указано на опасность, грозившую государству и церкви со стороны Петра. О мирѣ, заключенномъ съ Пруссіею, говорилось: «Слава Россійская, возведенная на высокую степень своимъ побѣдоноснымъ оружіемъ, чрезъ многое свое кровопролитіе, заключеніемъ новаго мира съ самымъ ея злодѣемъ отдана уже дѣйствительно въ совершенное порабощеніе», и пр. [3])

Затѣмъ были приняты мѣры для приведенія къ присягѣ всѣхъ войскъ, находившихся въ окрестностяхъ столицы. Особенно важнымъ успѣхомъ было провозглашеніе Екатерины самодержицею въ Кронштадтѣ, который иначе легко могъ бы сдѣлаться точкою опоры для дѣйствій Петра противъ новаго правительства [4]).

Изъ нѣкоторыхъ замѣчаній современниковъ видно, что успѣху дѣла Екатерины значительно содѣйствовало случайное или умышленное распространеніе въ столицѣ слуха о кончинѣ Петра. Говорили, что императоръ упалъ съ лошади и ушибся до смерти [5]). Нѣкоторые офицеры, не рѣшавшіеся было присягнуть Екатеринѣ, были убѣждаемы этимъ аргументомъ признать новый порядокъ

---

[1]) «Архивъ кн. Воронцова», VIII, 4 и слѣд. Гротъ, «Державинъ», VI, 429 и слѣд.
[2]) «La cour de la Russie», 206.
[3]) Соловьевъ, XXV, 114. П. С. З. № 11582.
[4]) «Осьмнадцатый вѣкъ», I, 69—72.
[5]) Позье, въ «Р. Старинѣ», I, 219.

Княгиня Екатерина Романовна Дашкова.

Съ гравированнаго портрета Скородумова.

вещей законнымъ. Понятно, что такое извѣстіе, хотя оно вскорѣ должно было оказаться ложнымъ, могло въ самую минуту переворота сильно споспѣшествовать дѣлу императрицы. Впрочемъ, тотчасъ же можно было убѣдиться въ томъ, что императоръ былъ живъ, что перемѣна на престолѣ не соотвѣтствовала какому либо законному праву новой императрицы, но была результатомъ насилія и революціонныхъ дѣйствій. По улицамъ Петербурга стояли

Провозглашеніе Екатерины II самодержавной императрицей, въ Казанскомъ соборѣ.

Съ оригинальнаго рисунка Кестнера, сдѣланнаго по заказу Екатерины и находящагося въ Эрмитажѣ.

всюду пикеты солдатъ; все было приготовлено къ военнымъ дѣйствіямъ; можно было считать вѣроятнымъ междоусобную войну за престолъ. Въ Ораніенбаумѣ Петръ имѣлъ въ своемъ распоряженіи голштинскія и другія войска. Онъ могъ думать о сопротивленіи. Нужно было принять мѣры для арестованія павшаго государя, и Екатерина рѣшилась самолично участвовать въ этомъ.

Ночью на 30 іюня (11 іюля), она, въ сопровожденіи довольно сильнаго отряда войскъ, отправилась въ Петергофъ. Въ ея рескриптѣ къ сенаторамъ сказано: «Я теперь выхожу съ войскомъ,

чтобы утвердить и обнадежить престолъ, оставляя вамъ, яко верховному моему правительству, съ полною довѣренностью, подъ стражу: отечество, народъ и сына моего» [1]).

Подвигъ Екатерины не могъ не произвести глубокаго впечатлѣнія на современниковъ. Была ясная лѣтняя ночь. Екатерина, верхомъ, въ мужскомъ платьѣ, въ мундирѣ Преображенскаго полка, въ шляпѣ, украшенной дубовыми вѣтвями, изъ подъ которой распущены были длинные красивые волосы, выступила съ войскомъ изъ Петербурга; подлѣ императрицы ѣхала княгиня Дашкова, также верхомъ и въ мундирѣ: зрѣлище странное, привлекательное, плѣнительное. Эта сцена напоминала забавы Екатерины во время юношества, ея страсть къ верховой ѣздѣ, и въ то же время здѣсь происходило чрезвычайно важное политическое дѣйствіе: появленіе Екатерины въ мужскомъ костюмѣ, среди такой обстановки, было рѣшающимъ судьбу Россіи торжествомъ надъ жалкимъ противникомъ, личность котораго не имѣла значенія, санъ котораго, однако, оставался опаснымъ до совершеннаго устраненія его. Настала пора необходимости той диктатуры, которую Екатерина предвидѣла съ давнихъ поръ: она достигла цѣли, къ которой стремилась въ продолженіе многихъ лѣтъ [2]).

Утромъ 29-го іюня, Петръ, по своему обыкновенію, какъ это ежедневно случалось, былъ занятъ военными упражненіями. Во время прогулки, предпринятой около полудня, экипажи императора и его свиты были остановлены однимъ крестьяниномъ, который въ краткихъ словахъ сообщилъ адъютанту Петра, Гудовичу, о событіяхъ въ столицѣ. Испуганный и растерявшійся Петръ поѣхалъ въ Петергофъ, гдѣ были получены болѣе подробныя извѣстія о переворотѣ. Бывшій камердинеръ Петра, Брессанъ, находившійся въ столицѣ, успѣлъ написать краткую записку и отправить ее къ государю съ однимъ лакеемъ, переодѣтымъ въ крестьянское платье. Не безъ труда и опасности ему удалось пробраться сквозь стражу, разставленную всюду въ Петербургѣ. Его появленіе въ Петергофѣ разсѣяло послѣднія сомнѣнія въ томъ, что Петру приходилось или погибнуть, или немедленно принять мѣры для спасенія. Со стороны лицъ, окружавшихъ Петра, были сдѣланы кое-какія предложенія. Онъ самъ совершенно растерялся и все еще надѣялся найти гдѣ нибудь въ Петергофѣ Екатерину [3]).

---

[1]) «Сб. Ист. Общ.», VII, 101.

[2]) Зап. Ек., 218.

[3]) Даже завзятый сторонникъ Петра, Гельбигъ, при этомъ случаѣ насмѣхается надъ нимъ: «Biographie Peters III». Tübingen, 1807. II, 124 и слѣд.

Послѣдовалъ арестъ графа Алексѣя Разумовскаго и его супруги, а также дочерей гетмана Кирилла Григорьевича, находившихся въ это время въ Ораніенбаумѣ [1]). Возникла мысль отправить Петра въ Кронштадтъ и при помощи находившагося тамъ флота и войска дѣйствовать противъ столицы. Воронцовъ, Трубецкой, Шуваловъ поспѣшили въ Петербургъ для того, чтобы разузнать подробнѣе о положеніи дѣлъ. Сначала Петръ хотѣлъ было оставаться въ Петергофѣ и ожидать тамъ нападенія войскъ, которыми распо-

Екатерина II на балконѣ Зимняго дворца, привѣтствуемая войсками.

Съ оригинальнаго рисунка Кестнера, сдѣланнаго по заказу Екатерины и находящагося въ Эрмитажѣ.

лагала императрица; даже было послано за войсками, находившимися въ Ораніенбаумѣ. Однако, Минихъ указалъ на неравенство борьбы и убѣдилъ Петра искать спасенія въ Кронштадтѣ.

Петръ со свитою, не исключая придворныхъ дамъ, отправился на галерѣ изъ Ораніенбаума къ Кронштадту. Подробности этого эпизода сохранились въ разсказѣ Натальи Кирилловны Загряжской. Въ Кронштадтѣ уже начальствовалъ именемъ императрицы

[1]) «Осьмнадцатый вѣкъ», I, 66.

Екатерины II адмиралъ Талызинъ. Когда суда, на которыхъ находился Петръ со свитою, приблизились къ Кронштадтскому рейду, имъ было велѣно удалиться, съ угрозою, что иначе противъ нихъ откроется пушечный огонь. Испуганный Петръ скрылся въ каюту. Суда поплыли назадъ. Напрасно Минихъ предлагалъ съ помощію гребцовъ доплыть до Ревеля, тамъ сѣсть на военный корабль и отправиться въ Померанію, гдѣ находились русскія войска. Планъ этотъ оказался неудобоисполнимымъ. Оставалось вести переговоры съ приближавшеюся къ Петергофу императрицею [1]).

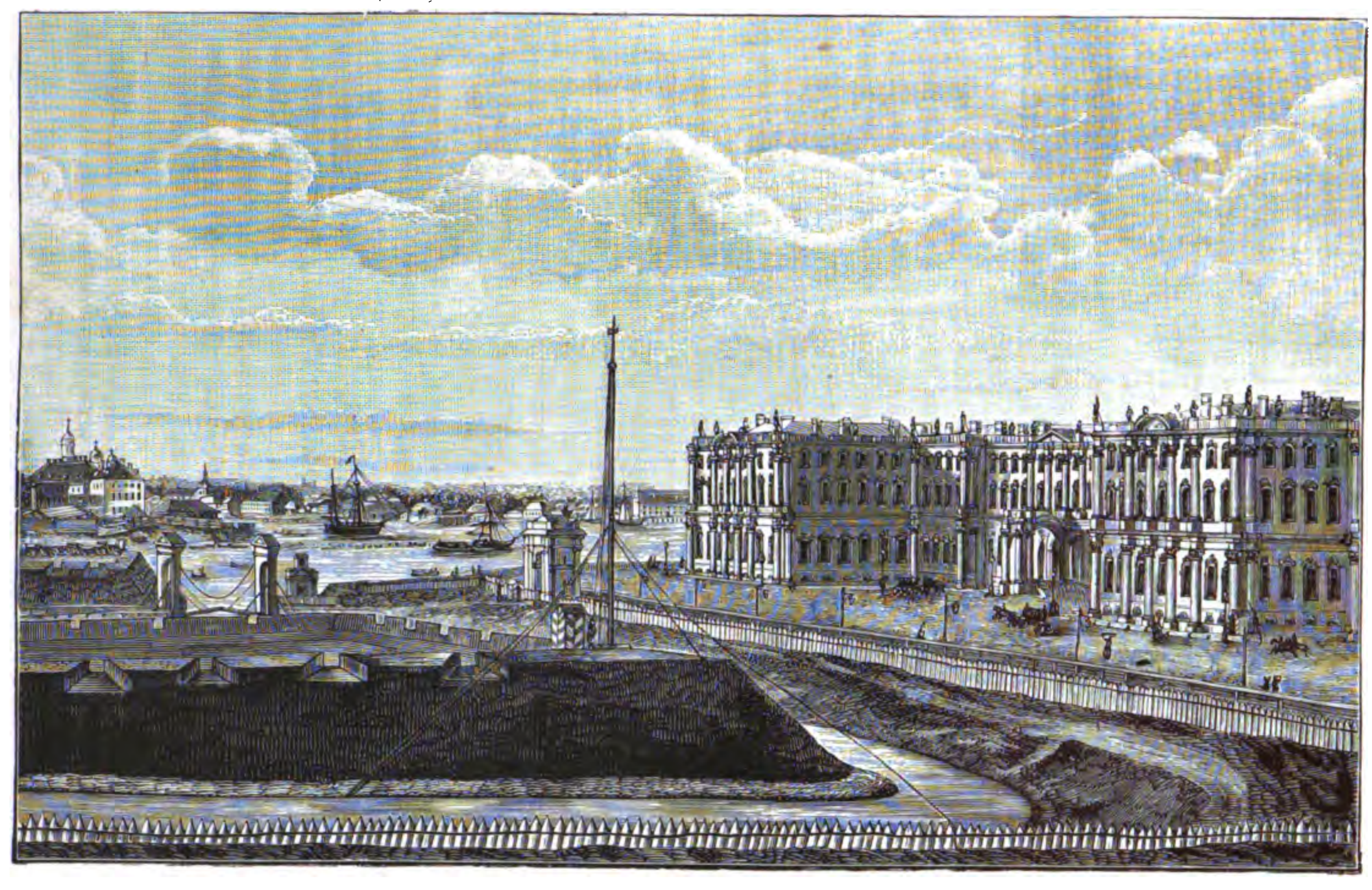
На пути туда, Екатерина на нѣсколько часовъ остановилась въ Красномъ Кабачкѣ. Княгиня Дашкова разсказываетъ, какъ она вмѣстѣ съ императрицею отдыхала въ тѣсной и дурной комнатѣ, на одной постели. Утромъ, въ 5 часовъ, Екатерина опять была на конѣ. Въ Сергіевской пустыни ее встрѣтилъ князь А. М. Голицынъ, съ письмомъ отъ Петра: императоръ предлагалъ ей раздѣлить съ нимъ власть [2]). Затѣмъ пріѣхалъ генералъ-маіоръ Измайловъ и объявилъ, что императоръ намѣренъ отречься отъ престола. Императрица отпустила его съ порученіемъ устроить это дѣло какъ можно скорѣе.

Въ эту минуту Екатерина еще не знала объ успѣхѣ Талызина въ Кронштадтѣ и опасалась, что Петръ успѣетъ занять эту крѣпость и что въ его распоряженіи будетъ находиться флотъ. Скоро все было рѣшено въ пользу Екатерины. Петръ подписалъ отреченіе, составленное Тепловымъ. Въ немъ онъ долженъ былъ заявить, что «въ краткое время своего правительства узналъ тягость и бремя, его силамъ несогласное», и что потому онъ отказывается отъ власти безусловно. Затѣмъ его и фрейлину Воронцову перевезли въ Петергофъ. Здѣсь съ нимъ видѣлся Панинъ и сообщилъ впослѣдствіи Ассебургу нѣкоторыя подробности объ этомъ свиданіи. «Я считаю», говорилъ Панинъ, «несчастіемъ всей моей жизни, что принужденъ былъ видѣть его тогда; я нашелъ его утопающимъ въ слезахъ». Ассебургъ продолжаетъ: «И пока Петръ старался поймать руку Панина, чтобы поцѣловать ее, любимица его бросилась на колѣни, испрашивая позволенія остаться при немъ. Петръ также только о томъ просилъ» и пр. Просьба не была исполнена. Воронцову отправили въ Москву. Петра по-

---

[1]) Уже Кастера читалъ записки Загряжской. Въ новѣйшее время ими воспользовался г. Васильчиковъ при составленіи труда о Разумовскихъ. Разсказъ этотъ вполнѣ согласуется съ частностями разсказа Панина Ассебургу.

[2]) По разсказу Панина, Екатерина требовала безусловнаго отреченія отъ престола.

Новый Зимній дворецъ, отстроенный въ концѣ царствованія Елизаветы Петровны.

Съ акварели прошлаго столѣтія Бенуа (Изъ собранія П. Я. Дашкова).

везли въ Ропшу, имѣя въ виду заключить его въ Шлиссельбургскую крѣпость [1]).

Государственный переворотъ отчасти имѣлъ характеръ военнаго бунта. При той важной роли, которую играли въ немъ гвардейцы, нельзя было ожидать, чтобы дѣло обошлось безъ насилія. Оказалось, что новое правительство не безъ труда сдерживало въ солдатахъ порывы страсти, ненависти къ иностранцамъ.

Позье разсказываетъ, что онъ, утромъ 29 іюня, видѣлъ въ Петербургѣ двухъ англичанъ, которыхъ преслѣдовали солдаты съ обнаженными саблями, и что онъ спасъ ихъ тѣмъ, что спряталъ въ своемъ домѣ. «Я самъ слышалъ», пишетъ Позье, «какъ солдаты говорили между собою, что всѣхъ иноземцевъ надо перерѣзать» [2]). Не даромъ Екатерина, какъ только началось дѣйствіе, просила своего дядю, принца Георга, оставаться дома, опасаясь за него. Къ нему явились нѣсколько человѣкъ солдатъ, которые оскорбили его и разграбили его домъ. Разсказывая объ этомъ, Позье замѣчаетъ: «Ни одинъ иностранецъ не смѣлъ показаться на улицѣ, и, если бы я не былъ знакомъ съ бо̀льшею частью офицеровъ, я бы не рискнулъ выйти на улицу» [3]).

Державинъ разсказываетъ: «День (30 іюня) былъ самый красный, жаркій; кабаки, погреба и трактиры для солдатъ растворены: пошелъ пиръ на весь міръ; солдаты и солдатки, въ неистовомъ восторгѣ и радости, носили ушатами вино, водку, пиво, медъ, шампанское и всякія другія дорогія вина, и лили все вмѣстѣ, безъ всякаго разбору, въ кадки и боченки, что у кого случилось. Въ полночь на другой день съ пьянства Измайловскій полкъ, обуявъ отъ гордости и мечтательнаго своего превозношенія, что императрица въ него пріѣхала и прежде другихъ имъ препровождаема была въ Зимній дворецъ, собравшись безъ свѣдѣнія командующихъ, приступивъ къ дворцу, требовалъ, чтобъ императрица къ нему вышла и увѣрила его персонально, что она здорова; ибо солдаты говорили, что дошелъ до нихъ слухъ, что она увезена хитростями прусскимъ королемъ, котораго имя всему россійскому народу было ненавистно. Ихъ увѣряли дежурные придворные, Ив. Ив. Шуваловъ и подполковникъ ихъ, графъ Разумовскій, также и господа Орловы, что государыня почиваетъ и, слава Богу, въ

---

[1]) См. письмо Екатерины къ Понятовскому объ отправленіи въ Ропшу, «tandis qu'on préparait des chambres honnêtes et convenables à Schlysselbourg».

[2]) «Р. Старина», I, 216.

[3]) «La cour de la Russie», 206. «Р. Стар.», I, 224 и слѣд. Нѣкоторыя подробности въ запискахъ Болотова. De la Marche, 167, 190, 201.

вожделѣнномъ здравіи; но они не вѣрили и непремѣнно желали, чтобъ она имъ показалась. Государыня принуждена встать, одѣться въ гвардейскій мундиръ и проводить ихъ до ихъ полка. Поутру (на другой день) изданъ былъ манифестъ, въ которомъ хотя, съ одной стороны, похвалено было ихъ усердіе, но съ другой напоминалась воинская дисциплина, и чтобы не вѣрили они разсѣ-

Екатерина II въ мундирѣ Преображенскаго полка.

Съ гравюры прошлаго столѣтія Фосойэ, сдѣланной съ портрета, писаннаго Эриксеномъ.

ваемымъ злонамѣренныхъ людей мятежничьимъ слухамъ, которыми хотятъ возмутить ихъ и общее спокойствіе; въ противномъ случаѣ впредь за непослушаніе они своимъ начальникамъ и всякую подобную дерзость наказаны будутъ по законамъ. За всѣмъ тѣмъ, съ того самаго дня пріумножены пикеты, которые въ многомъ числѣ, съ заряженными пушками и съ зажженными фитилями, по всѣмъ мѣстамъ, площадямъ и перекресткамъ разставлены были. Въ таковомъ военномъ положеніи находился Петербургъ и осо-

бливо вокругъ дворца, въ которомъ государыня пребываніе свое имѣла дней съ восемь» [1]).

Такимъ образомъ, Екатерина сама находилась въ нѣкоторой опасности. Трудно было справиться съ своеволіемъ тѣхъ самыхъ солдатъ и офицеровъ, которые содѣйствовали успѣху переворота. Общее волненіе могло легко повести къ смутамъ.

Киріяново, дача княгини Дашковой на Петергофской дорогѣ.

Съ рѣдкой гравюры прошлаго столѣтія Майера (Изъ собранія П. Я. Дашкова).

Къ такимъ непредвидѣннымъ событіямъ принадлежала и внезапная кончина Петра, въ Ропшѣ, 5 (17) іюля.

Графъ Мерси писалъ о Петрѣ: «Во всемірной исторіи не найдется примѣра, чтобы государь, лишаясь короны и скипетра, высказалъ такъ мало мужества и бодрости духа, какъ онъ, царь, который всегда старался говорить такъ высокомѣрно; при своемъ же

[1]) Державинъ, «Записки», 433. О счетахъ, представленныхъ купцами за растащенныя вина изъ погребовъ, см. Соловьева, XXV, 124. Сумма была весьма значительна — 24,331 рубль.

Графъ Никита Ивановичъ Панинъ.

С гравюры Радига, сдѣланной съ портрета, писаннаго Росленомъ.

низложеніи съ престола поступилъ до того мягко и малодушно, что невозможно даже описать» [1]).

Предположеніе Екатерины перевести Петра изъ Россіи въ Шлюссельбургъ оказалось лишнимъ. 6-го іюля она получила извѣстіе о смерти бывшаго императора. «Я нашла императрицу»

Григорій Николаевичъ Тепловъ.

Съ портрета Левицкаго 1769 г., принадлежащаго Академіи Художествъ.

говоритъ Дашкова, «въ совершенномъ отчаяніи; видно было, подъ вліяніемъ какихъ тяжкихъ думъ она находилась. Вотъ чтò она мнѣ сказала: «Эта смерть наводитъ на меня ужасъ; этотъ ударъ меня сокрушаетъ».

[1]) «Сб. Ист. Общ.», XVIII, 475.

7-го іюля, былъ изданъ манифестъ о кончинѣ бывшаго императора Петра III. Сенатъ просилъ Екатерину оставить свое намѣреніе «шествовать къ погребенію императора Петра III въ Невскій монастырь». Она исполнила эту просьбу [1]).

Впослѣдствіи Екатерина довольно часто и весьма охотно бесѣдовала съ разными лицами объ этихъ событіяхъ. Когда, напримѣръ, въ 1770 году, прибылъ въ Россію прусскій принцъ Генрихъ, пріѣхавшій съ нимъ вмѣстѣ шведскій дворянинъ, графъ Гордтъ, имѣлъ разговоръ съ императрицею о государственномъ переворотѣ 1762 года. Онъ былъ въ восхищеніи отъ разсказа Екатерины [2]).

И съ Іосифомъ II, прибывшимъ въ Россію въ 1780 году, Екатерина разговаривала о частностяхъ своего воцаренія [3]).

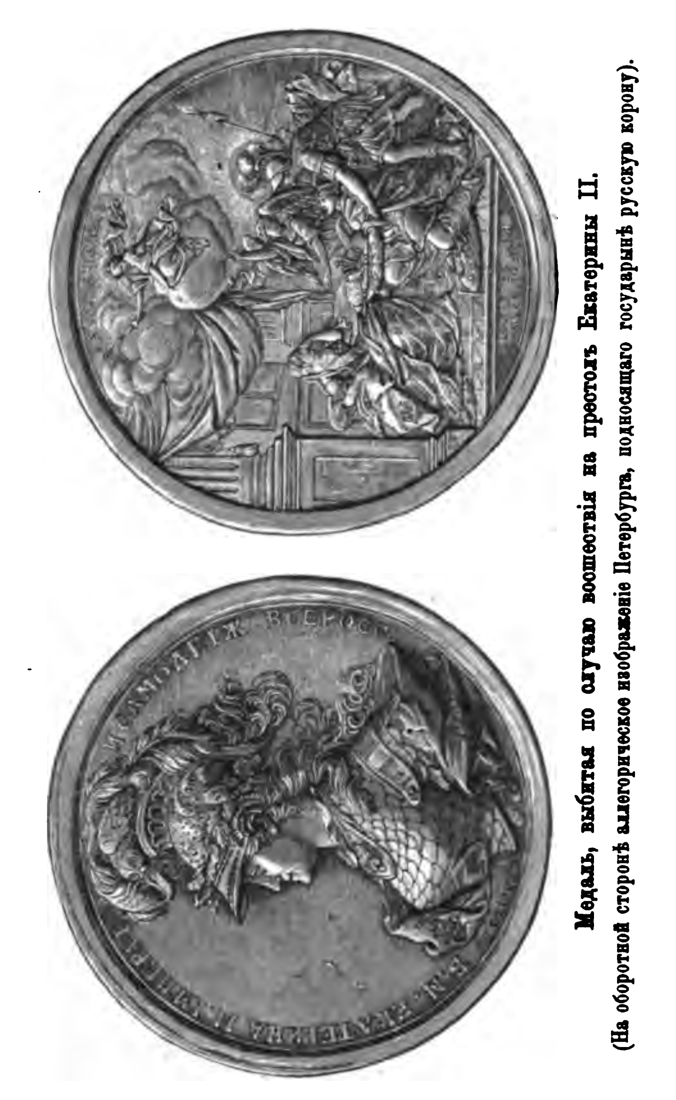
Храповицкій въ своемъ дневникѣ разсказываетъ подробно, какъ Екатерина бесѣдовала съ нимъ о переворотѣ 1762 года. Такъ, напримѣръ, она замѣтила: «(Мое) восшествіе (на престолъ) не можетъ быть сравнено съ восшествіемъ Елизаветы Петровны. Тутъ не было неустройства, но (было) единодушіе». «Меня знали 18 лѣтъ прежде». Однажды, въ 1788 г., ей случилось услыхать имя Стволова; она спросила: «Не сынъ ли Стволова, бывшаго при моемъ восшествіи на престолъ?» Тутъ она вспомнила нѣкоторыя подробности этого событія, какъ Стволовъ, гренадеръ преображенскій, стоялъ въ саду, какъ онъ у нея поцѣловалъ руку, какъ «у него полились въ три ручья слезы» и проч. «Согласныхъ было въ каждомъ полку по 99», разсказывала она Храповицкому. Всѣ частности воцаренія оставались у нея въ свѣжей памяти. Храповицкій замѣчаетъ, въ 1789 году: «За туалетомъ дивились, что 27 разъ празднуютъ коронованіе; все еще на памяти и, кажется, было недавно [4]).

Зато Екатерина была недовольна появленіемъ въ печати разныхъ книгъ, въ которыхъ говорилось о ея воцареніи. Такъ, напримѣръ, въ 1763 году явилась книга «Mémoires pour servir à l'histoire de Pierre III», привозъ которой въ Россію былъ строго запрещенъ» [5]).

---

[1]) Соловьевъ, XXV, 139 — 140.
[2]) «Mémoires d'un gentilhomme suédois». Berlin, 1788, 315.
[3]) Arneth, «Maria Theresia und Joseph II», III, 272.
[4]) Дневникъ Храповицкаго, изд. Барсукова, 82, 222, 309.
[5]) «Архивъ князя Воронцова», VII, 605.

Въ 1768 г., Дидро писалъ изъ Парижа къ Фальконету, находившемуся въ Петербургѣ, что нѣкто Рюльеръ (Rulhière), бывшій въ 1762 году секретаремъ французскаго посольства въ Петер-

Медаль, выбитая по случаю восшествія на престолъ Екатерины II.
(На оборотной сторонѣ аллегорическое изображеніе Петербурга, подносящаго государынѣ русскую корону).

бургѣ, написалъ исторію государственнаго переворота. Къ этому Дидро прибавилъ, что появленіе этого сочиненія въ печати можетъ казаться неудобнымъ, такъ какъ нѣкоторыя выраженія объ императрицѣ въ книгѣ ей могутъ не понравиться [1]).

---

[1]) «Сб. Ист. Общ.» XVII, 44, 52, 57, 58, 259—260, 288.

Фальконетъ тотчасъ же сообщилъ императрицѣ эту новость. Были приняты мѣры черезъ русское посольство въ Парижѣ, чтобы покупкой рукописи у автора предотвратить публикованіе книги. Цѣль была достигнута. Сочиненіе Рюльера «Histoire ou anecdotes sur la révolution de Russie de 1762» явилась въ печати не раньше 1797 года. Княгинѣ Дашковой и императрицѣ было хорошо извѣстно содержаніе этой книги. Дашкова составила цѣлый рядъ замѣчаній и поправокъ къ сочиненію Рюльера [1]). На замѣчаніе Гримма, что въ сущности сочиненіе Рюльера не столько вредно, сколько полезно, Екатерина отвѣтила слѣдующею общею характеристикою государственнаго переворота 1762 года: «Все дѣло заключалось въ томъ, чтобы или погибнуть вмѣстѣ съ сумасшедшимъ, или спастись вмѣстѣ съ народомъ, который хотѣлъ избавиться отъ него. Если бы онъ велъ себя благоразумнѣе, съ нимъ бы ничего не случилось» [2]).

---

[1]) «Арх. кн. Воронц.», VII, 653, и «Русск. Арх.» 1877, II, 359 и 360.

[2]) «Il s'agissait de périr avec un fou ou de se sauver avec la multitude qui prétendait s'en délivrer. Or à cela, il n'y avait de manigance que celle de la mauvaise conduite du personnage, car sans cette conduite, assurément, jamais il n'aurait rien pu lui arriver».

ГЛАВА VI.

Начало царствованія.

Событія первыхъ дней царствованія Екатерины представляютъ нѣсколько данныхъ для рѣшенія вопроса о томъ, насколько иниціатива въ государственномъ переворотѣ принадлежала самой императрицѣ. Если бы княгиня Дашкова или Орловы имѣли въ этомъ событіи большее значеніе, нежели императрица, то едва ли бы можно было думать, въ самое первое время царствованія Екатерины, о какомъ либо единствѣ политической мысли. Только путемъ безусловнаго перевѣса императрицы надъ Орловыми и Дашковой было возможно избѣгнуть борьбы придворныхъ партій, которыя легко могли лишить императрицу результатовъ ея смѣлаго подвига.

Во все время государственнаго переворота Екатерина держала себя спокойно, величаво. Нѣкоторыя черты въ разсказахъ современниковъ, напримѣръ, въ запискахъ Позье, свидѣтельствуютъ о ея необычайной осмотрительности, о хладнокровіи и присутствіи духа въ самыя критическія минуты этихъ событій. Понятно, что такой образъ дѣйствій долженъ былъ содѣйствовать упроченію ея престола и независимости поступковъ императрицы въ первые дни царствованія. Долго она стремилась къ той цѣли, которая, наконецъ, была достигнута. Теперь ей приходилось выказать способность занимать первое мѣсто въ государствѣ.

Екатерина не хотѣла довольствоваться регентствомъ на время малолѣтства Павла; она сдѣлалась самодержицею.

Не такъ смотрѣли на дѣло другія лица, участвовавшія въ переворотѣ. Особенно княгиня Дашкова и Панинъ мечтали лишь о регентствѣ Екатерины [1]). То обстоятельство, что императрица не обращала никакого вниманія на это желаніе своей подруги и воспитателя великаго князя, свидѣтельствуетъ о самостоятельности ея дѣйствій въ отношеніи къ государственному перевороту. Все происходило по ея повелѣнію. Во всемъ она имѣла иниціативу.

Разсказывали, что Панинъ составилъ записку о томъ, чтобы императрицѣ быть правительницею, и что она на это согласилась, но будто гвардейскіе офицеры воспротивились такому намѣренію и поздравили Екатерину самодержавною императрицею [2]). По другому разсказу, Екатерина будто бы даже согласилась дать подписку о регентствѣ, но Орловы позаботились о томъ, чтобы добыть обратно эту бумагу, хранившуюся въ Сенатѣ [3]). И о Разумовскомъ говорили, что, по его мнѣнію, Екатерина должна была царствовать не какъ самодержица, а какъ мать Павла, до достиженія послѣднимъ совершеннолѣтія.

Какъ бы то ни было, ни въ одномъ изъ манифестовъ Екатерины въ первое время ея царствованія мы не встрѣчаемъ хотя бы малѣйшаго намека на какое либо ограниченіе власти ея или на временное значеніе ея царствованія. Къ тому же не было никого, кто бы могъ сдѣлаться защитникомъ правъ Павла. Развѣ только въ кружкахъ недовольныхъ, въ первое время царствованія Екатерины, заходила рѣчь о томъ, что по праву престолъ принадлежитъ не Екатеринѣ, а ея сыну. Въ сущности, самодержавіе ея не могло сдѣлаться вопросомъ.

Въ какой степени самолично и независимо Екатерина, тотчасъ же послѣ вступленія на престолъ, занялась дѣлами, видно изъ множества собственноручныхъ записокъ, составленныхъ ею въ первые дни ея царствованія. Таковъ, напримѣръ, собственноручный указъ сенаторамъ отъ 28 іюня, въ которомъ Екатерина, отправляясь въ Петергофъ, принимаетъ мѣры для безопасности государства; таковы собственноручное приказаніе адмиралу Талызину въ Кронштадтѣ дѣйствовать въ пользу новаго правительства, значительное число собственноручныхъ писемъ: къ Салтыкову, Чер-

---

[1]) Зап. кн. Дашковой, 43—44.
[2]) Соловьевъ, XXV, 258.
[3]) «Русская Старина», IV, 380.

Аллегорія, изображающая царствованіе Екатерины II.

Съ гравюры прошлаго столѣтія Шоффара.

нышеву, Глѣбову, Суворову, собственноручное росписаніе о наградахъ за участіе въ государственномъ переворотѣ. Этотъ списокъ составленъ весьма тщательно самою императрицею; въ немъ сначала упомянуты Григорій, Алексѣй и Ѳедоръ Орловы, затѣмъ Пассекъ, Бредихинъ, Барятинскій и др. По своему усмотрѣнію Екатерина раздавала ордена, чины, деньги и крестьянъ, назначала разныхъ лицъ на извѣстныя должности. Около одного милліона рублей было истрачено на эти награды въ первое время новаго царствованія[1]).

Нужно было рѣшить судьбу нѣкоторыхъ приверженцевъ павшаго императора. Въ первый разъ въ Россіи, при крутой пере-

Медаль, выбитая въ честь канцлера гр. А. П. Бестужева-Рюмина.

мѣнѣ, торжествующая партія относилась кротко и снисходительно къ побѣжденнымъ противникамъ. Прежде всего приходилось позаботиться объ участи голштинскихъ родственниковъ Петра. Уже на третій день послѣ переворота, принцъ Георгъ съ семействомъ могъ безпрепятственно отправиться въ Германію. Въ письмѣ къ принцу и принцессѣ Екатерина изъявила сожалѣніе о томъ, что они, во время событій 28 іюня, пострадали отъ неистовства солдатъ. Она назначила принца администраторомъ въ Голштиніи и приложила къ своему письму сумму въ 150,000 рублей, присовокупляя, что, если эта сумма окажется недостаточною, она ее пополнитъ [2]). Голштинскія войска были отправлены на родину, причемъ нѣко-

[1]) «Сб. Ист. Общ.», VII, 101 и слѣд.
[2]) «Русская Старина», I, 228.

торая часть ихъ потерпѣла кораблекрушеніе [1]). Что касается бывшей фрейлины Воронцовой, то Екатериною было выражено желаніе, чтобы она не являлась ко двору. Въ запискѣ къ Елагину сказано: «Перфильевичъ, сказывалъ ли ты кому изъ Лизаветиныхъ родственниковъ, чтобъ она во дворецъ не размахнулась, а то боюсь, къ общему соблазну, завтра прилетитъ» [2]).

Достоенъ вниманія образъ дѣйствій въ отношеніи тѣхъ лицъ, которыя во время переворота старались отстаивать права Петра. Канцлеръ Михаилъ Илларіоновичъ Воронцовъ былъ арестованъ, по приказанію императрицы, послѣ того, какъ онъ, по желанію Петра, пріѣхалъ въ Петербургъ въ первый день переворота, чтобы узнать, что̀ происходитъ въ столицѣ. Какъ только Воронцовъ подошелъ къ императрицѣ, она спросила его, за тѣмъ ли онъ пришелъ, чтобы присягнуть ей. Воронцовъ отвѣтилъ, что въ настоящую минуту не можетъ. «Въ такомъ случаѣ», сказала Екатерина, «не прогнѣвайтесь, если я васъ посажу подъ домашній арестъ; я съ этою цѣлью назначу двухъ гвардейскихъ офицеровъ, которые отправятся съ вами. Впрочемъ, можете быть спокойны за себя» [3]). Воронцовъ недолго оставался подъ арестомъ. Узнавъ о кончинѣ Петра, онъ присягнулъ Екатеринѣ, и даже нѣсколько мѣсяцевъ оставался канцлеромъ; вскорѣ, однако, недоразумѣнія, возникшія между нимъ, Панинымъ и Григоріемъ Орловымъ, заставили его просить отставку и удалиться за границу [4]).

Старый фельдмаршалъ Минихъ во время кризиса давалъ совѣты Петру и старался ободрить его. Послѣ катастрофы онъ присягнулъ Екатеринѣ; для нея онъ составилъ кое-какіе проекты реформъ въ области государственнаго права, надѣясь занять одно изъ первыхъ мѣстъ въ придуманныхъ имъ учрежденіяхъ, однако, долженъ былъ довольствоваться должностью главнаго начальника остзейскихъ гаваней. Съ тактомъ и снисходительно Екатерина относилась къ честолюбивому сановнику, надоѣдавшему ей разными проектами о нововведеніяхъ [5]).

Еще до вступленія на престолъ Петра, Волковъ пользовался его особеннымъ довѣріемъ. Во время царствованія Петра, онъ имѣлъ сильное вліяніе. Теперь же, послѣ государственнаго пере-

---

[1]) Напрасно Кастера, I, 168, обвиняетъ въ этомъ императрицу.

[2]) «Сб. Ист. Общ.», VII, 149.

[3]) «Русская Старина» I, 222.

[4]) «Арх. кн. Воронцова», VII, 609 и слѣд.

[5]) Минихъ, «Ebauche pour donner une idée de la forme du gouvernement en Russie», стр. 184. Соловьевъ, XXV, 23 и 135. Его переписка съ императрицею въ сборникѣ Бюшинга, XVI, 411—478.

Лѣтній (нынѣ не существующій) дворецъ въ Петербургѣ въ XVIII столѣтіи.

Съ гравюры прошлаго вѣка Махаева.

ворота, онъ въ нѣсколькихъ письмахъ къ Орлову старался оправдать свой образъ дѣйствій и этимъ снискать расположеніе императрицы, причемъ нисколько не щадилъ своего прежняго покровителя. Ему дали постъ губернатора. Гудовичъ, игравшій роль фаворита при Петрѣ III, удалился въ свою деревню. Весьма немногіе приверженцы Петра, какъ, напримѣръ, Мельгуновъ, нѣсколько дней оставались подъ арестомъ. И Шуваловы, столь часто относившіеся враждебно къ Екатеринѣ въ прежнее время, были удостоены благосклоннаго вниманія императрицы, однако они не имѣли вліянія и вскорѣ послѣ перемѣны удалились отъ дѣлъ по собственной волѣ [1]).

Одною изъ первыхъ мѣръ Екатерины послѣ воцаренія было приглашеніе ко двору бывшаго канцлера, А. П. Бестужева, который, съ 1758 года, жилъ въ ссылкѣ въ одномъ изъ своихъ имѣній. Понятно, что Екатерина, находившаяся въ дружбѣ съ Бестужевымъ съ 1754 до 1758 года и многимъ ему обязанная, вспомнила теперь объ опытномъ государственномъ дѣятелѣ. Онъ былъ вызванъ въ Петербургъ [2]). Нѣсколько лѣтъ тому назадъ надъ нимъ былъ произнесенъ приговоръ, какъ надъ государственнымъ преступникомъ; теперь же Екатерина обнародовала манифестъ о возвращеніи Бестужеву прежнихъ достоинствъ и о непорицаніи его за состояніе подъ судомъ и наказаніемъ. Бестужевъ не сдѣлался вновь канцлеромъ, но пользовался особеннымъ довѣріемъ Екатерины, которая назначила ему пенсію въ 20,000 рублей и имѣла въ виду назначить его «первымъ императорскимъ совѣтникомъ и первымъ членомъ новаго императорскаго совѣта», учрежденіе котораго, впрочемъ, не состоялось. И другія лица возвратились изъ ссылки, напримѣръ, Елагинъ, сдѣлавшійся кабинетъ-секретаремъ, Ададуровъ, получившій мѣсто предсѣдателя мануфактуръ-коллегіи, и пр.

Были приняты мѣры для поправленія крутыхъ и несправедливыхъ дѣйствій прежнихъ правительствъ. Возвращены изъ ссылки нѣкоторыя лица, наказанныя строго за участіе въ такъ называемомъ заговорѣ Ботты. Вдовѣ Апраксина дано было значительное денежное вспомоществованіе. Лестоку возвратили часть конфискованнаго при Елизаветѣ имущества.

Разныя лица получили щедрыя награды, напримѣръ, Биронъ 20,000 рублей на покупку серебрянаго сервиза, Разумовскій

---

[1]) «Осьмнадцатый вѣкъ» III, 343—354.
[2]) Зап. кн. Шаховского, II, 139.

Phototypie Gaillard, Berlin.

Фельдмаршалъ графъ Минихъ.

Съ гравированнаго портрета Чемесова 1764 г.

КОРОНОВАНІЕ ЕКАТЕРИНЫ II.

Объявленіе герольдами народу о торжествѣ коронованія.

Съ гравюры Калашникова, сдѣланной съ картины придворнаго живописца Де-Велли, находящейся въ Эрмитажѣ.

безпроцентную ссуду въ 60,000 рублей; ювелиру Позье была выплачена сумма въ 50,000 рублей, которую ему былъ долженъ Петръ III, и пр.

Въ такихъ значительныхъ подаркахъ и наградахъ замѣтна нѣкоторая склонность Екатерины къ расточительности. Но въ то же самое время въ подобныхъ мѣрахъ обнаруживается доброта души, желаніе поправить прежнюю несправедливость, выразить благодарность за услуги. Императрица съ первыхъ дней своего царствованія выказала необычайную кротость и любезность въ обращеніи съ людьми всѣхъ состояній, не умаляя нисколько своего достоинства. И важныя, и менѣе важныя мѣропріятія ея царствованія, уже въ первое время послѣ переворота, свидѣтельствуютъ о личной иниціативѣ государыни. Съ давнихъ поръ она была готова руководствоваться совѣтами благоразумныхъ и знающихъ людей. Тотчасъ же послѣ воцаренія, она вступила въ переписку со многими лицами, которыя могли быть полезными ей и государству. Она умѣла бесѣдовать и съ тщеславнымъ Бецкимъ, который приписывалъ себѣ главную долю успѣха государственнаго переворота и которому она поручила завѣдываніе приготовленіями къ коронаціи, и съ опытнымъ въ дѣлахъ сановникомъ, княземъ Шаховскимъ, котораго она вызвала въ столицу и который долженъ былъ посвящать ее во всѣ тайны административнаго организма; въ ея обращеніи съ образованнымъ и знающимъ Я. Е. Сиверсомъ, которому было суждено принимать весьма дѣятельное участіе въ администраціи, въ ея перепискѣ съ Румянцевымъ и другими сановниками, въ частной и остроумной бесѣдѣ съ разными царедворцами — вездѣ встрѣчаются доказательства необычайныхъ способностей къ занятіямъ дѣлами, громадная рабочая сила, умственный перевѣсъ надъ всѣми людьми, ее окружавшими, и добросовѣстное отношеніе къ обязанностямъ государя. И кротость, и личное участіе въ дѣлахъ, и ясность сужденій, и запасъ свѣдѣній — все это представляло собою явную противуположность той несамостоятельности и случайности, которыми отличалось правленіе Елизаветы Петровны, и грубости нрава и ограниченности Петра III. Личность Екатерины производила на всѣхъ и каждаго глубокое впечатлѣніе. Монархическое начало имѣло въ ней самаго достойнаго представителя.

Впрочемъ, и въ первое время царствованія Екатерины, какъ и впослѣдствіи, здѣсь и тамъ, встрѣчаются и неблагопріятные отзывы о ея личности. Графъ Мерси, недовольный императрицею за то, что она не возвращалась безусловно къ прежней полити-

КОРОНОВАНІЕ ЕКАТЕРИНЫ II.

Шествіе съ Краснаго Крыльца въ Архангельскій соборъ.

Съ гравюры Путинцева, сдѣланной съ картины придворнаго живописца Де-Велли, находящейся въ Эрмитажѣ.

ческой системѣ Елизаветы въ отношеніи Австріи и Пруссіи, горько жаловался на «высокомѣріе» императрицы и на ея склонность «принимать во всѣхъ дѣлахъ диктаторскій тонъ» [1]). Австрійскаго дипломата раздражала склонность Россіи къ миру: Панинъ объявилъ ему, что истощеніе государства не допускаетъ возобновленія усиленныхъ дѣйствій противъ Пруссіи, и проч. Полнѣйшая самостоятельность политики Россіи не понравилась графу Мерси. Особенною независимостью отличалась сама императрица. Бестужевъ не хотѣлъ и слышать о сближеніи съ Франціею или съ Пруссіею; Панинъ составилъ весьма сложный планъ союза Россіи съ Англіею, Пруссіею, Скандинавіею и Польшею. Екатерина именно въ области внѣшней политики съ первыхъ дней своего царствованія руководствовалась исключительно своими собственными соображеніями. Не было никого, кто бы могъ заставить ее слѣдовать какой-либо сложной системѣ или политической доктринѣ. Она въ каждомъ данномъ случаѣ дѣйствовала по своему собственному усмотрѣнію. Эстергази игралъ довольно важную роль при Елизаветѣ, Гольцъ и Шверинъ были совѣтниками Петра; теперь же Екатерина и относительно Пруссіи, и относительно Австріи была вполнѣ независима, и этимъ самымъ Россія пріобрѣла гораздо болѣе важное значеніе въ обще-европейской политикѣ: нельзя было располагать Россіею въ пользу той или другой державы; всѣ онѣ должны были принимать въ соображеніе вполнѣ самостоятельныя дѣйствія Россіи въ международныхъ сношеніяхъ. Такимъ образомъ усиливалось вліяніе послѣдней на Европу.

Екатерина не безъ основанія указывала на довольно затруднительныя обстоятельства, при которыхъ она начала царствовать. «Финансы были истощены. Армія не получала жалованья за три мѣсяца. Торговля находилась въ упадкѣ, ибо многія отрасли ея были отданы въ монополію. Не было правильной системы въ государственномъ хозяйствѣ. Военное вѣдомство было погружено въ долги; морское едва держалось, находясь въ крайнемъ пренебреженіи. Духовенство было недовольно отнятіемъ у него земель. Правосудіе продавалось съ торгу, и законами руководились только въ тѣхъ случаяхъ, когда они благопріятствовали лицу сильному», и проч. Екатерина указываетъ затѣмъ на цѣлый рядъ мѣръ, ею принятыхъ для того, чтобы помочь этимъ недостаткамъ. Она любила при такихъ случаяхъ придавать своимъ реформамъ чрезмѣрное значеніе [2]).

---

[1]) «Сб. Ист. Общ.», XVIII, 460.

[2]) «Русскій Архивъ», 1866, 58 и слѣд.

Нельзя отрицать, что тотчасъ же послѣ воцаренія императрицы была замѣтна кипучая дѣятельность въ государственномъ организмѣ и что во всѣхъ отношеніяхъ выказывалось личное участіе Екатерины въ рѣшеніи всевозможныхъ вопросовъ.

На пятый или шестой день по своемъ восшествіи на престолъ, императрица присутствовала въ Сенатѣ, которому приказала собираться въ Лѣтнемъ дворцѣ, чтобы ускорить теченіе дѣлъ. Сенатъ началъ съ представленія о крайнемъ недостаткѣ въ деньгахъ. Екатерина отвѣчала, что употребитъ на государственныя нужды собственныя комнатныя деньги, что, «принадлежа сама государству, она считаетъ и все принадлежащее ей собственностью государства, и на будущее время не будетъ никакого различія между интересомъ государственнымъ и ея собственнымъ». Сенаторы жаловались на дороговизну хлѣба. Для пониженія цѣнъ на хлѣбъ въ Петербургѣ, Екатерина запретила временно вывозъ хлѣба заграницу, что̀ въ два мѣсяца произвело дешевизну всѣхъ припасовъ. Нѣкоторыя распоряженія прежнихъ правительствъ, оказавшіяся нецѣлесообразными, поспѣшными или несправедливыми, были отмѣнены. Въ другихъ вопросахъ, требовавшихъ всесторонняго обсужденія, Екатерина сама предлагала отсрочку рѣшеній. Въ продолженіе немногихъ недѣль, т. е. до 1 сентября, когда императрица отправилась въ Москву для коронаціи, она участвовала въ пятнадцати засѣданіяхъ Сената. Воспослѣдовали нѣкоторыя мѣры, клонившіяся къ обезпеченію матеріальнаго благосостоянія народа: пониженіе цѣны на соль, отмѣна нѣкоторыхъ монополій и привилегій, освобожденіе торговли отъ разныхъ, стѣснявшихъ ее преградъ, и пр. Рѣшеніе вопроса о секуляризаціи духовныхъ имуществъ было отложено. Чрезвычайно трудною задачею оказалось укрощеніе крестьянскихъ мятежей, свирѣпствовавшихъ въ разныхъ частяхъ государства. Вопросъ объ учрежденіи государственнаго совѣта занималъ Екатерину въ первое время ея царствованія [1]). Она разсматривала множество бумагъ, на поляхъ которыхъ иногда остро и мѣтко излагала свое мнѣніе, иногда выражаясь общими мѣстами; напримѣръ: «Гдѣ общество выигрываетъ, тутъ на партикулярный ущербъ не смотрятъ» и т. п. [2]). Въ такихъ замѣчаніяхъ чувствуется желаніе принести пользу, дѣйствовать справедливо. Всюду замѣтно стремленіе къ ознаком-

---

[1]) См. статью Соловьева «О Сенатѣ въ первое время царствованія Екатерины», въ «Др. и Нов. Россіи» 1875, I, 22—28.

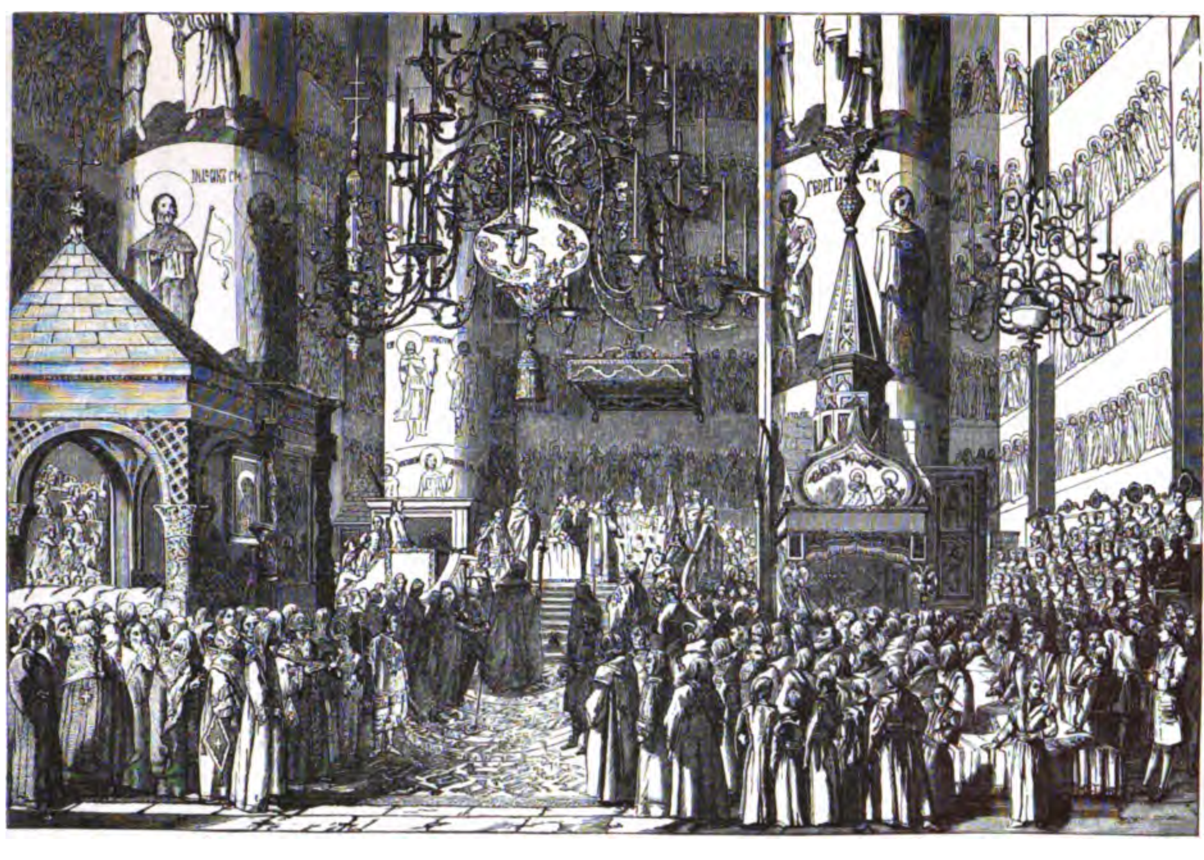
[2]) Соловьевъ, XXV, 358.

КОРОНОВАНІЕ ЕКАТЕРИНЫ II.

Принятіе Св. Таинъ въ алтарѣ Успенскаго собора.

Съ гравюры Харитонова, сдѣланной съ картины придворнаго живописца Де-Велли, находящейся въ Эрмитажѣ.

КОРОНОВАНІЕ ЕКАТЕРИНЫ II.

Присяга Екатерины надъ Евангеліемъ.

Съ гравюры Колпашникова, сдѣланной съ картины придворнаго живописца Де-Велли, находящейся въ Эрмитажѣ.

ленію съ техникою вопросовъ законодательства и администраціи. Нѣсколько рѣзкій тонъ, въ которомъ дѣлаются внушенія сенаторамъ, слегка напоминаетъ намъ способъ обращенія Петра съ высшими сановниками въ государствѣ.

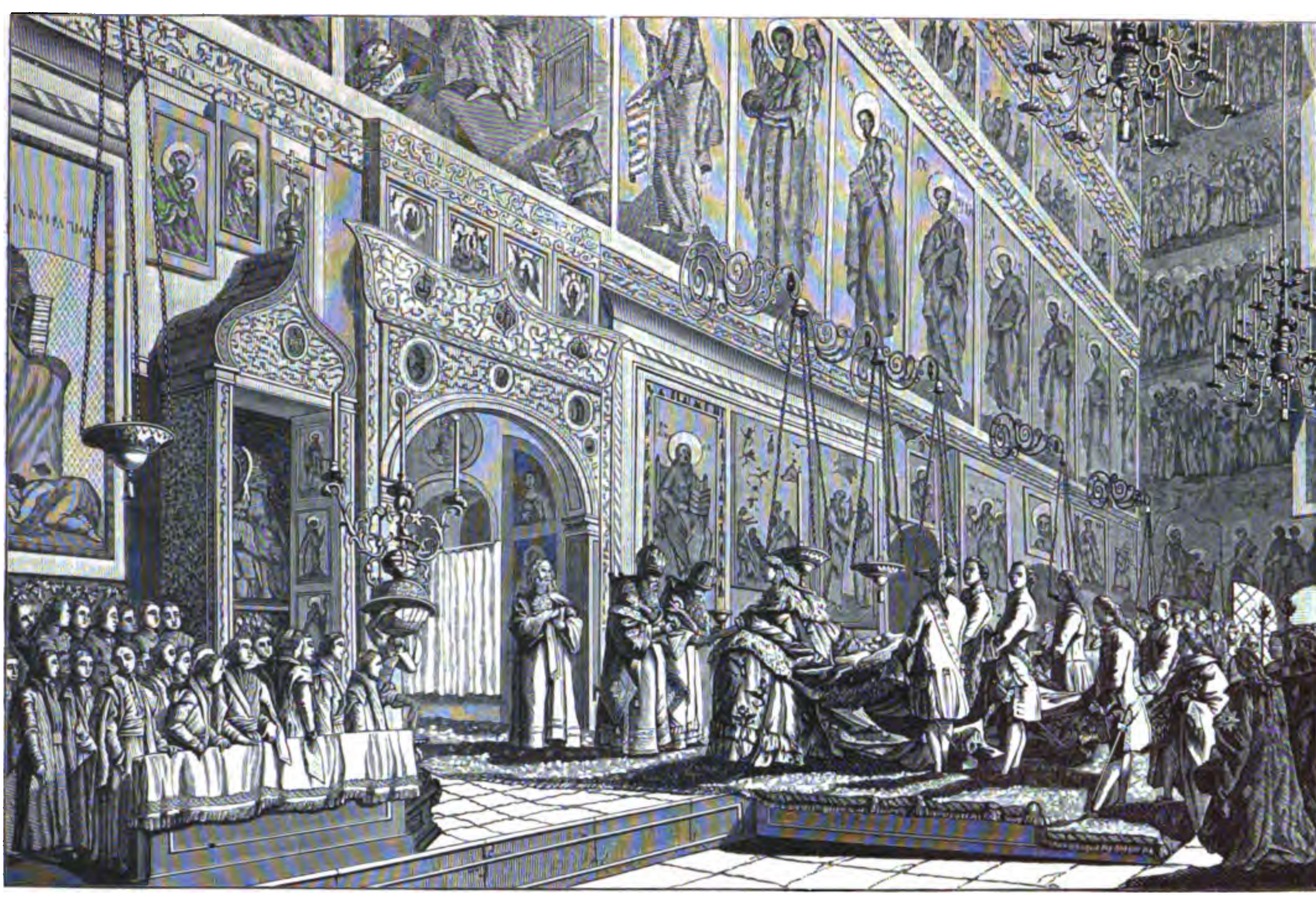
Понятно, что Екатерина впослѣдствіи охотно говорила и писала объ успѣшномъ устраненіи многихъ затрудненій въ началѣ своего царствованія. Такова, напримѣръ, записка, составленная ею въ 1779 году. Здѣсь, напримѣръ, сказано: «Сенатъ опредѣлялъ воеводъ, но числа городовъ въ имперіи не зналъ. Когда я требовала реестра городамъ, то призналась въ невѣдѣніи оныхъ; даже карты всей имперіи Сенатъ отъ основанія своего не имѣлъ. Я, бывъ въ Сенатѣ, послала пять рублей въ Академію Наукъ чрезъ рѣку отъ Сената, и купленный тамъ Кирилловскій печатный атласъ въ тотъ же часъ подарила Правительствующему Сенату». Въ другомъ мѣстѣ: «По восшествіи моемъ на престолъ, Сенатъ подалъ мнѣ реестръ доходамъ имперіи, по которому явствовало, что оныхъ считали шестнадцать милліоновъ. По прошествіи двухъ лѣтъ, я посадила князя Вяземскаго и дѣйствительнаго тайнаго совѣтника Мельгунова, тогдашняго президента камеръ-коллегіи, считать доходы. Они нѣсколько лѣтъ считали, переписываясь разъ по семи съ каждымъ воеводою. Наконецъ, сочли двадцать восемь милліоновъ: двѣнадцать милліоновъ больше, нежели Сенатъ вѣдалъ». Далѣе она разсказываетъ, какъ сначала сама принимала прошенія, но какъ затѣмъ нужно было отмѣнить этотъ способъ, потому что въ одинъ праздникъ, «во время шествія со всѣмъ штатомъ къ обѣднѣ, просители пресѣкли мнѣ путь, ставъ полукружіемъ на колѣна съ письмами», и проч. Довольно рѣзко императрица осуждала нѣкоторыя мѣры своихъ предшественниковъ, также сильно порицала военное управленіе Апраксина при Елизаветѣ Петровнѣ. Иногда она излагаетъ, какимъ образомъ ей приходилось обмѣниваться мыслями и спорить съ сенаторами при рѣшеніи разныхъ вопросовъ администраціи и законодательства[1]).

Современники уже въ самое первое время царствованія Екатерины удивлялись ея рабочей силѣ. Разсказывали, что она вставала въ 5 часовъ утра и тотчасъ же начинала заниматься дѣлами. Минихъ замѣчаетъ, что императрица работала иногда по пятнадцати часовъ въ день [2]). Теперь ей пригодилось то энциклопедическое образованіе, которое она успѣла пріобрѣсти въ послѣд-

---

[1]) «Сб. И. Общ.», XXVII, 170.

[2]) «Ebauche», 189.

КОРОНОВАНІЕ ЕКАТЕРИНЫ II.

Миропомазаніе.

Съ гравюры Калпашникова, сдѣланной съ картины придворнаго живописца Де-Велли, находящейся въ Эрмитажѣ.

КОРОНОВАНІЕ ЕКАТЕРИНЫ II.

Императрица на тронѣ, въ царскомъ одѣяніи.

Съ гравюры Калпашникова, сдѣланной съ картины придворнаго живописца Де-Велли, находящейся въ Эрмитажѣ.

ніе 18 лѣтъ до воцаренія. Всячески она старалась вникнуть въ сущность предметовъ законодательства и администраціи, составить себѣ точное понятіе о разныхъ вопросахъ, удачно выбирать лицъ при замѣщеніи разныхъ должностей, встрѣчать грозившія съ разныхъ сторонъ опасности, помочь недостаткамъ въ государственномъ и общественномъ строѣ, сдѣлаться воспитателемъ подданныхъ. Рѣдко въ такой степени, какъ у Екатерины, усидчивость труда при исполненіи монархическихъ обязанностей была связана съ чувствомъ отвѣтственности предъ народомъ и государствомъ; но въ то же время рѣдко въ такой мѣрѣ, какъ у Екатерины, встрѣчались оптимизмъ, увѣренность въ успѣхѣ, вѣра въ собственный талантъ и нѣкоторую непогрѣшимость. Нельзя отрицать, что такого рода самоувѣренность проистекала изъ нѣсколько дилеттантскаго отношенія къ сложнымъ вопросамъ политики, но вмѣстѣ съ тѣмъ нельзя не допустить, что значительная доля успѣховъ ея царствованія объусловливалась этою надеждою на собственную силу, упованіемъ на удачу и счастіе. Понятно, что была громадная разница между предположеніемъ и исполненіемъ, между благими намѣреніями и осуществленіемъ широкихъ плановъ; результаты не соотвѣтствовали началу дѣйствій; фактическій успѣхъ далеко уступалъ вдохновенію счастливаго темперамента императрицы; вообще же характеръ первыхъ дѣйствій Екатерины послѣ ея воцаренія, идеальное отношеніе ея къ своему призванію, производятъ освѣжающее впечатлѣніе и даютъ намъ высокое понятіе о политической прозорливости императрицы. Правда, она наслаждалась блескомъ и славою своего положенія; сильная доля тщеславія и самолюбія бросается въ глаза при многихъ дѣйствіяхъ ея царствованія, но все это находилось въ самой тѣсной связи съ истиннымъ человѣколюбіемъ и просвѣщеніемъ, съ необычайнымъ сознаніемъ долга, съ горячимъ желаніемъ принести пользу Россіи. Не даромъ она такъ долго стремилась къ занятію престола: она умѣла царствовать.

При своемъ восшествіи на престолъ, Екатерина пользовалась всеобщимъ расположеніемъ. Иностранные дипломаты доносили, что императрица любима русскимъ народомъ [1]). Изъ записокъ современниковъ видно, что извѣстіе о ея воцареніи было всюду встрѣчено съ радостью, даже съ восторгомъ [2]). Когда Бестужевъ,

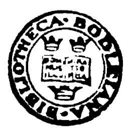
---

[1]) Соловьевъ, XXV, 208.

[2]) Зап. кн. Шаховского, II, 141.

ТОМЪ КЪ ПОЛУДНЮ.

указывая на общее удовлетвореніе при воцареніи Екатерины, представилъ Сенату записку, въ которой предлагалъ дать ей прозвище «матери отечества», она рѣшительно отказалась принять эту честь, замѣчая при этомъ: «Видится мнѣ, что сей проектъ еще рано предложить, потому что растолкуютъ въ свѣтѣ за тщеславіе» [1]). Еще прежде возникла мысль сооруженія памятника Екатеринѣ [2]). Все это не имѣло особеннаго значенія: и Петру III хотѣли воздвигнуть статую.

Спрашивалось, насколько популярность, которою пользовалась Екатерина въ первое время своего царствованія, могла считаться прочною?

Она стояла высоко надъ придворными партіями. Пока ей удавалось сдерживать порывы ненависти между разными лицами, ее окружавшими. Нуждаясь въ содѣйствіи всѣхъ, она соблюдала нейтралитетъ между Панинымъ и Бестужевымъ, между Орловымъ и княгинею Дашковой.

При всемъ томъ, обстоятельства легко могли породить нѣкоторое неудовольствіе. Панинъ былъ недоволенъ устраненіемъ его предположенія сдѣлать Павла императоромъ и ограничить монархическую власть; между Дашковой и Екатериною, вскорѣ послѣ государственнаго переворота, произошли кое-какія недоразумѣнія; Тепловъ жаловался, что Елагинъ пользовался у императрицы бо̀льшимъ довѣріемъ, чѣмъ онъ; нѣкоторые гвардейскіе офицеры считали себя недостаточно вознагражденными за участіе въ государственномъ переворотѣ. Было невозможно исполнить всѣ желанія, удовольствовать всѣхъ сообщниковъ, удовлетворить всѣмъ требованіямъ, вызваннымъ честолюбіемъ, алчностью и тщеславіемъ. Неудовольствіе могло повести къ непріязненнымъ дѣйствіямъ. То, что удалось недавно въ пользу Екатерины, могло удасться и въ пользу другихъ лицъ.

Существовали претенденты.

Графъ Мерси писалъ: «Кажется еще сомнительнымъ, не сдѣлала ли новая императрица большой ошибки въ томъ, что возложила корону на себя, а не провозгласила своего сына, великаго князя, самодержцемъ, а себя регентшею имперіи во время его несовершеннолѣтія» [3]).

Не даромъ прежнія правительства считали брауншвейгцевъ опасными претендентами на престолъ. Бывшій императоръ, Иванъ

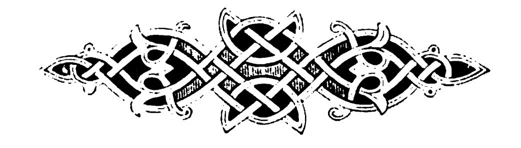
---

[1]) «Сб. Ист. Общ.», VII, 158.
[2]) Тамъ же, XVII, 303—351.
[3]) Тамъ же, XVIII, 464.

Антоновичъ, внукъ царя Ивана Алексѣевича, могъ сдѣлаться соперникомъ бывшей принцессы Ангальтъ-Цербстской, превратившейся во всероссійскую императрицу.

Петра III, супруга Екатерины, не стало. Онъ погибъ внезапною смертью. Однако, его тѣнь могла грозить страшною опасностью смѣнившему его правительству.

Завладѣвъ короною, Екатерина должна была отстаивать ее. Не безъ насильственныхъ кризисовъ и печальныхъ эпизодовъ ей удалось удержать власть.

ИСТОРІЯ
ЕКАТЕРИНЫ ВТОРОЙ

ИСТОРІЯ

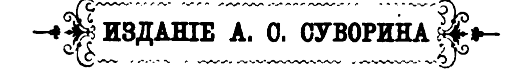
ЕКАТЕРИНЫ ВТОРОЙ

СОЧИНЕНІЕ

А. БРИКНЕРА

профессора русской исторіи въ дерптскомъ университетѣ

съ 300 гравюрами и украшеніями на деревѣ, исполненными лучшими иностранными и русскими граверами

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

ТИПОГРАФІЯ А. С. СУВОРИНА. ЭРТЕЛЕВЪ ПЕР., Д. 11—2

1885

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Внутреннія смуты

СОДЕРЖАНІЕ ЧАСТИ ВТОРОЙ.

ВНУТРЕННІЯ СМУТЫ.

Профильный портретъ Екатерины II въ 1762 году.

Съ гравюры прошлаго столѣтія Чемесова, сдѣланной съ портрета, писаннаго Ротари.

ГЛАВА I.

Признаки неудовольствія.

Ъ ВОСЕМНАДЦАТОМЪ вѣкѣ въ Россіи было нѣсколько непродолжительныхъ царствованій. Послѣ переворота, жертвами котораго сдѣлались императоръ Іоаннъ Антоновичъ и его родственники, послѣ быстрой перемѣны на престолѣ, совершившейся лѣтомъ 1762 года, можно было считать вѣроятнымъ, что и Екатерина не долго удержится на тронѣ.

Особенно легко могло явиться опасеніе, что при ней будетъ имѣть просторъ фаворитизмъ въ ущербъ интересамъ государства и общества. Ожидали, что Григорій Орловъ займетъ то мѣсто, которое занималъ Меншиковъ при Екатеринѣ I или Биронъ при Аннѣ Іоанновнѣ. И тотъ и другой сдѣлались жертвами придворныхъ интригъ. Противъ фаворита императрицы Елизаветы, Разумовскаго, былъ направленъ заговоръ Батурина, въ 1749 году. Такая же опасность могла грозить и Григорію Орлову. Паденіе фаворита могло сдѣлаться роковымъ и для самой императрицы. Обстоятельства заставляли ее быть осмотрительною для избѣжанія опасности.

Екатерина писала Понятовскому въ первое время своего царствованія, что ей необходима величайшая осторожность, что за нею наблюдаютъ. «Меня принудятъ», писала она, «сдѣлать еще

тысячу странностей: если я уступлю, меня будутъ обожать; если нѣтъ, то не знаю, что̀ случится». Въ другомъ письмѣ ея сказано: «Мое положеніе таково, что я должна принимать во вниманіе многія обстоятельства; послѣдній солдатъ гвардіи считаетъ себя виновникомъ моего воцаренія, и при всемъ томъ замѣтно общее броженіе» и пр.[1]).

Порою происходили безпорядки, 9 (20) августа, слѣдовательно черезъ нѣсколько недѣль послѣ переворота, англійскій дипломатъ Кейтъ доносилъ своему правительству: «Со времени переворота, между гвардейцами поселился скрытый духъ вражды и недовольства. Настроеніе это, усиленное постепеннымъ броженіемъ, достигло такихъ размѣровъ, что ночью на прошлой недѣлѣ оно разразилось почти открытымъ мятежомъ. Солдаты Измайловскаго полка въ полночь взялись за оружіе и съ большимъ трудомъ сдались на увѣщанія офицеровъ. Волненія обнаруживались, хотя въ меньшемъ размѣрѣ, двѣ ночи подъ рядъ, что̀ сильно озаботило правительство; однако, съ помощью отчасти явныхъ, отчасти тайныхъ арестовъ, многихъ офицеровъ и солдатъ выслали изъ столицы, черезъ что̀ порядокъ возстановленъ, и въ настоящую минуту опасности не предвидится»[2]).

Разсказывали, что особенно въ Москвѣ, куда Екатерина отправилась для коронаціи, господствовало неудовольствіе [3]). Между тѣмъ она изъ Москвы писала къ графу Кейзерлингу: «Невозможно вамъ описать радость, какую здѣсь безчисленный народъ оказываетъ при видѣ моемъ: сто̀итъ мнѣ выйти или только показаться въ окнѣ, и клики возобновляются»[4]).

Слѣдующій эпизодъ, не имѣвшій особенно важнаго значенія, могъ считаться признакомъ неудовольствія въ военныхъ кружкахъ.

Орловъ чрезъ нѣкоторыхъ офицеровъ узналъ о существованіи партіи, которая хотѣла возвести на престолъ бывшаго императора, Іоанна Антоновича. Одинъ офицеръ показалъ, что уже было отправлено нѣкоторое число заговорщиковъ для освобожденія претендента изъ заключенія въ Шлиссельбургѣ; по другому извѣстію, не менѣе 1000 человѣкъ было посвящено въ тайну заговора и что поэтому нельзя было сомнѣваться въ успѣхѣ; говорили о князѣ Голицынѣ и о графѣ Н. И. Панинѣ, какъ о вожакахъ этого пред-

---

[1]) Соловьевъ, XXV, 149. Adolph Beer, «Die erste Theilung Polens». Wien, 1873. II, 323.

[2]) «Сб. Ист. Общ.» XII, 38.

[3]) Castéra, I, 163.

[4]) Соловьевъ, XXV, 160.

пріятія; ходили слухи о существованіи двухъ революціонныхъ партій, изъ которыхъ одна хотѣла возвести на престолъ Іоанна Антоновича, между тѣмъ какъ другая была недовольна тѣмъ, что Павелъ не сдѣлался императоромъ; въ этой партіи, желавшей возвести на престолъ Павла, обсуждался вопросъ, кого назначить регентомъ, Панина или Шувалова.

Дѣйствій не было. Все оказалось нелѣпою болтовнею въ средѣ немногихъ офицеровъ, которые и были арестованы. Объ участіи высшихъ сановниковъ въ какомъ либо заговорѣ не могло быть и рѣчи. Екатерина поручила изслѣдовать дѣло безъ пытокъ. Поручикъ Гурьевъ и Петръ Хрущевъ были приговорены къ смертной казни, другіе офицеры къ каторжной работѣ. Екатерина смягчила наказанія. Въ манифестѣ объ этомъ дѣлѣ сказано: «Мы можемъ, не похвалившись, предъ Богомъ цѣлому свѣту сказать, что отъ руки Божіей пріяли всероссійскій престолъ не на свое собственное удовольствіе, но на расширеніе славы Его и на учрежденіе добраго порядка и утвержденіе правосудія въ любезномъ нашемъ отечествѣ». Далѣе въ общихъ выраженіяхъ говорилось о заговорѣ слѣдующее: «Нашлися такіе неспокойные люди, которые покусилися дѣлать умыселъ къ ниспровержeнію Божія у насъ промысла и къ оскорбленію нашего величества, и тѣмъ безумно вознамѣрились похитить Богомъ врученнаго намъ народа общее блаженство, о которомъ мы безпрестанно трудимся съ матернимъ попеченіемъ». Въ циркулярѣ къ русскимъ дипломатамъ за границею, которымъ было сообщено объ этомъ эпизодѣ, заговорщики названы «извергами всего человѣческаго общества», говорится о ихъ «богомерзкомъ умыслѣ», о ихъ «вѣтренномъ сумасбродствѣ» и пр. [1]).

Нѣсколько бо̀льшее значеніе имѣлъ заговоръ, направленный противъ Григорія Орлова и открытый немного позднѣе дѣла Гурьева и Хрущова; виновниками были нѣкоторые гвардейскіе офицеры, участвовавшіе въ государственномъ переворотѣ и недовольные наградами, полученными при этомъ случаѣ. То были Рославлевъ, Лосунскій и Хитрово. Что они просили денегъ и получили отказъ, видно изъ слѣдующей записки Екатерины къ Елагину: «Ты имѣешь сказать камергерамъ Лосунскому и Рославлевымъ, что, понеже они мнѣ помогли взойтить на престолъ, для поправленія непорядковъ въ отечествѣ своемъ, (то) я надѣюся, что они безъ

[1]) Соловьевъ, XXV, 161—164. «Сб. Ист. Общ.», VII, 170—171. «Осьмнадцатый вѣкъ», I, 75—77. П. С. З. № 11, 693.

прискорбія примутъ мой совѣтъ, а что дѣйствительная невозможность нынѣ раздавать деньги, тому ты самъ свидѣтель очевидный» [1]).

Неудовольствіе офицеровъ повело къ слѣдующимъ разговорамъ. Весною 1763 года, когда императрица въ сопровожденіи графа Орлова отправилась изъ Москвы въ Воскресенскій монастырь, камеръ-юнкеръ Хитрово началъ распространять слухъ о намѣреніи Екатерины обвѣнчаться съ Орловымъ; виновникомъ этого, по мнѣнію камеръ-юнкера, былъ «старый чертъ», Бестужевъ; офицеры рѣшили, что нельзя допустить этого брака. «Если императрица», говорилъ Хитрово, «намѣрена выйти замужъ, то у Иванушки»—такъ звали бывшаго императора, Іоанна Антоновича—«есть два брата; а если не согласится за нихъ, то, схватя Орловыхъ, всѣхъ отлучить; въ то время уже можно отвлечь ее отъ этого дѣла; она сама намъ будетъ благодарна, что мы нарушителя порядка отъ нея оторвемъ». Опять между офицерами ходили слухи о готовности знатныхъ лицъ, какъ, напримѣръ, Панина, Глѣбова, княгини Дашковой, участвовать въ заговорѣ. Достойно вниманія показаніе Хитрово на допросѣ: «Алексѣй Орловъ сказывалъ мнѣ, что Панинъ сдѣлалъ было подписку съ тѣмъ, чтобъ быть государынѣ правительницею, и она на это согласилась; а когда пришли въ Измайловскій полкъ и объявили про ту подписку капитанамъ Рославлеву и Лосунскому, то они ей объявили, что на то несогласны, а поздравляютъ ее самодержавною императрицею, и велѣли солдатамъ кричать ура». Въ допросахъ обнаруживались также кое-какія подробности объ агитаціи Бестужева въ пользу брака Екатерины съ Орловымъ и объ оппозиціи, которую встрѣтила эта мысль между нѣкоторыми высокопоставленными лицами [2]).

Княгиня Дашкова въ своихъ запискахъ разсказываетъ, что Бестужевъ дѣйствительно хлопоталъ о бракѣ Екатерины съ Орловымъ и что Панинъ противодѣйствовалъ осуществленію этого плана. Панинъ по этому поводу имѣлъ объясненіе съ императрицею, которая объявила, что Бестужевъ дѣйствовалъ безъ ея вѣдома [3]).

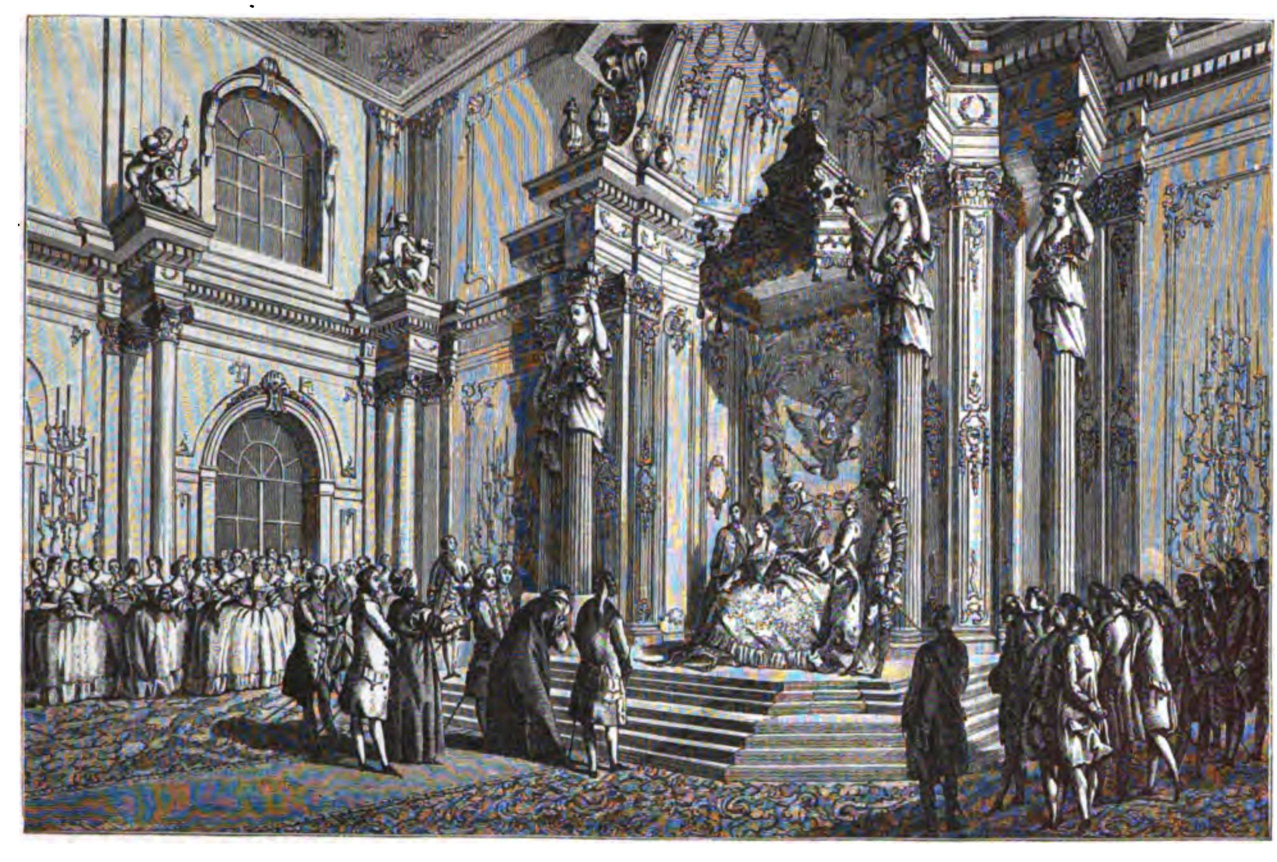
Трудно сказать, какъ думала сама Екатерина объ этомъ планѣ Бестужева, желала ли она вступить въ бракъ съ Орло-

---

[1]) «Сб. Ист. Общ.», VII, 234.

[2]) Соловьевъ, XXV, 257 и слѣд.

[3]) Записки княгини Дашковой, 85.

КОРОНОВАНІЕ ЕКАТЕРИНЫ II.

Торжественная аудіенція турецкому посольству.

Съ гравюры Калпашникова, сдѣланной съ картины придворнаго живописца Де-Велли, находящейся въ Эрмитажѣ.

вымъ или нѣтъ [1]). Какъ бы то ни было, Орловъ не сдѣлался ея супругомъ.

Между тѣмъ, агитація офицеровъ противъ Орлова требовала наказанія. При допросахъ обнаружился цѣлый рядъ неосторожныхъ разговоровъ и выраженій Хитрово и его товарищей. Изъ нѣкоторыхъ записокъ Екатерины, относящихся къ этому дѣлу, видно, что она принимала участіе въ слѣдствіи и обращала вниманіе на частности дѣла. Сенатору Василію Ивановичу Суворову она писала между прочимъ: «Поступайте весьма осторожно, не тревожа ни городъ и, сколько можно, никого, однакожъ такимъ образомъ, чтобы досконально узнать самую истину, и весьма различайте слова съ предпріятіемъ. Впрочемъ, по полкамъ имѣете уши и глаза». Особенно она старалась узнать, что̀ говорили о мнимомъ неисполненіи обѣщанія, даннаго ею Панину быть правительницею [2]).

И при этомъ случаѣ, какъ въ дѣлѣ Гурьева-Хрущова, не было собственно опасныхъ дѣйствій. Преступленіе ограничивалось смѣлыми и задорными рѣчами. Виновники въ сущности даже не были наказаны; противъ нихъ были приняты административныя мѣры. Хитрово былъ сосланъ въ свое имѣніе, Лосунскій и Рославлевъ уволены въ отставку. Манифеста, относящагося къ этому случаю, не было публиковано. Зато, вскорѣ послѣ, на московскихъ улицахъ читали общій указъ, въ которомъ всѣмъ и каждому внушалось «удаляться отъ всякихъ продерзкихъ и непристойныхъ разглашеній» и проч. [3]).

Екатеринѣ грозила опасность не со стороны только однихъ военныхъ. И между духовными лицами были люди весьма недовольные императрицею. Самымъ смѣлымъ и опаснымъ противникомъ ея былъ архіепископъ Ростовскій Арсеній Мацѣевичъ.

Уже при прежнихъ правительствахъ между нимъ и свѣтскою властью происходили недоразумѣнія, такъ какъ онъ иногда рѣзко говорилъ о законодательствѣ, касавшемся духовныхъ вопросовъ. При Екатеринѣ дѣло дошло до сильнаго столкновенія, жертвою котораго сдѣлался архіепископъ. Его погубили крайняя раздражительность, неограниченное высокомѣріе и чрезвычайная смѣлость. Желая охранить права и привилегіи церкви, онъ являлся

---

[1]) См. «Осьмнадцатый вѣкъ», II, 460 и слѣд.
[2]) «Сб. Ист. Общ.», VII, 289.
[3]) П. С. З., № 11843.

не столько представителемъ настоящаго благочестія, истинно религіознаго чувства, сколько сторонникомъ матеріальныхъ интересовъ духовенства и іерархическаго честолюбія, и поэтому скорѣе былъ опаснымъ, чѣмъ полезнымъ защитникомъ церкви. При всемъ своемъ умѣ и при всей необычайной учености, онъ былъ ограниченнымъ представителемъ сословныхъ правъ, не соотвѣтствовавшихъ духу времени. Въ упорной борьбѣ между нимъ и Екатериною свѣтская власть осталась побѣдителемъ [1]).

Мѣры, принятыя Петромъ III для секуляризаціи духовныхъ имуществъ, возбудили ропотъ въ средѣ духовенства и даже содѣйствовали сверженію съ престола этого государя. Сильнѣе всѣхъ порицалъ Арсеній Мацѣевичъ образъ дѣйствій правительства въ этомъ отношеніи, какъ видно изъ его переписки съ разными товарищами. Изъ одного письма его, писаннаго во время царствованія Петра, оказывается, что онъ возлагалъ нѣкоторую надежду на Екатерину.

Мы видѣли выше, что Екатерина еще до своего воцаренія отличалась внѣшнимъ благочестіемъ, обращала вниманіе на церковные обряды, оказывала уваженіе къ духовенству. При сверженіи съ престола Петра III, она въ манифестахъ осуждала образъ дѣйствій своего супруга въ отношеніи къ церкви. Понятно, что отъ ея царствованія ожидали мѣръ въ пользу духовенства, отмѣны законоположеній, касавшихся секуляризаціи монастырскихъ и церковныхъ имѣній. Тотчасъ же послѣ вступленія на престолъ Екатерины, были вновь открыты домашнія церкви, запечатанныя при Петрѣ III. Въ угоду духовенству, императрица запретила играть на театрѣ пьесы языческо-миѳологическаго содержанія. Были приняты цензурныя мѣры, соотвѣтствовавшія взглядамъ духовенства. Временно были даже остановлены распоряженія, клонившіяся къ секуляризаціи духовныхъ имуществъ. Сенату и Синоду было приказано предоставить вновь монастырямъ и церквамъ управленіе ихъ имѣній; крестьянамъ, подвластнымъ клиру, было вмѣнено въ обязанность оставаться покорными и послушными рабами церкви.

Такимъ образомъ, могло казаться, что Екатерина, бывшая ученицею французской литературы просвѣщенія, находившаяся въ оживленной перепискѣ съ вольнодумцами Вольтеромъ и Дидро и въ то же время дѣйствовавшая въ пользу привилегій церкви, была непослѣдовательною, противорѣчила самой себѣ.

[1]) См. монографію г. Иконникова въ «Русской Старинѣ» 1879 года.

Однако, вскорѣ можно было видѣть, что въ этомъ отношеніи, какъ и вообще, императрица стояла выше партій и дѣйствовала вполнѣ самостоятельно. Она была того мнѣнія, что должно чтить вѣру и церковь и ея представителей, но что послѣдніе не должны имѣть вліянія на государственныя дѣла. Она осуждала всѣ виды фанатизма. Зато въ одномъ изъ писемъ къ Вольтеру она называла себя «главою греческой церкви».

Мало по малу, Екатерина начала дѣйствовать въ смыслѣ «духовнаго регламента» Петра Великаго, ограничивать права духовенства, проводить секуляризацію монастырскихъ и церковныхъ имѣній. Въ комиссіи, созванной императрицею въ концѣ 1762 года для обсужденія этихъ вопросовъ, было, кромѣ двухъ духовныхъ лицъ, не менѣе пяти свѣтскихъ членовъ. Главными совѣтниками Екатерины въ этомъ дѣлѣ были не архіереи: она руководствовалась мнѣніями Бестужева и князя Шаховскаго.

Вскорѣ правительство объявило, что мѣра возвращенія монастырямъ и церквамъ ихъ имѣній была лишь временною, до окончательнаго рѣшенія вопроса. Въ сущности оказалось, что императрица сдѣлала то же, что было сдѣлано ея предшественникомъ. Надежда, которую возлагали на Екатерину въ средѣ духовенства, оказалась тщетною. Всюду послышался ропотъ. Въ перепискѣ архіереевъ между собою, насколько она сдѣлалась извѣстною въ позднѣйшее время, выражалось сильное негодованіе. Никто, однако, кромѣ Арсенія Мацѣевича, не осмѣлился выступить съ явнымъ и открытымъ протестомъ противъ свѣтской власти.

Екатеринѣ хорошо было извѣстно, что съ этой стороны ей грозила нѣкоторая опасность. Она знала, безъ сомнѣнія, и о прежнихъ оппозиціонныхъ дѣйствіяхъ Арсенія, при ея предшественникахъ, знала и о его перепискѣ съ другими архіереями, въ которой рѣзко осуждался образъ дѣйствій правительства; поэтому она считала весьма вѣроятнымъ, что архіепископомъ Ростовскимъ будетъ предпринята демонстрація противъ свѣтской власти.

1763

9-го февраля, Арсеній, въ Ростовѣ, совершалъ обрядъ преданія анаѳемѣ. При этомъ имъ были прибавлены двѣ статьи, направленныя противъ похитителей церковныхъ имуществъ и допущены весьма рѣзкія выраженія противъ свѣтской власти. Обрядъ проклятія противниковъ церкви былъ совершенъ на этотъ разъ особенно торжественно. Все духовенство Ростова принимало въ немъ участіе. Арсеній громогласно возносилъ молитву, въ которой просилъ небо отвратить хищниковъ отъ исполненія ихъ намѣреній; но если они воспротивятся тому, то чтобъ память ихъ

КОРОНОВАНІЕ ЕКАТЕРИНЫ II.

Парадный обѣдъ въ Грановитой Палатѣ.

Съ гравюры Калпашникова, сдѣланной съ картины придворнаго живописца Де-Велли, находящейся въ Эрмитажѣ.

погибла съ шумомъ и имя ихъ было истреблено въ книгѣ живыхъ.

Не даромъ Екатерина, 29 февраля, въ письмѣ къ Олсуфьеву, жаловалась на «властолюбіе и бѣшенство ростовскаго владыки». Можно думать, что она узнала о поступкѣ Арсенія, который уже тогда могъ считаться государственнымъ преступникомъ.

6 марта 1763 года, онъ написалъ донесеніе въ Синодъ, въ которомъ указывалъ на противорѣчіе между заявленіями Екатерины непосредственно послѣ воцаренія и мѣропріятіями правительства въ слѣдующихъ мѣсяцахъ, выставлялъ на видъ неудобство участія свѣтскихъ лицъ въ управленіи духовными имѣніями и доказывалъ неприкосновенность послѣднихъ. Малѣйшая попытка лишить церковь средствъ, по его мнѣнію, была достойна проклятія церкви, причемъ онъ указывалъ на то обстоятельство, что даже во время татарскаго ига церковь въ Россіи спокойно владѣла своими имѣніями.

Отправивъ это донесеніе въ Синодъ, 10 марта, Арсеній въ тотъ же день написалъ письмо Бестужеву, въ которомъ выразилъ желаніе, чтобы его мнѣніе о монастырскихъ имуществахъ сдѣлалось извѣстнымъ всѣмъ интересующимся этимъ дѣломъ, также и императрицѣ. Въ другомъ письмѣ къ Бестужеву, отъ 14 марта, онъ жаловался на инструкціи, данныя оберъ-офицерамъ, разосланнымъ по всѣмъ монастырямъ, и просилъ защитить церковь Божію отъ гоненія. Наконецъ, онъ написалъ еще другое письмо Синоду, въ которомъ просилъ войти съ представленіемъ къ императрицѣ, такъ какъ «церковь отъ недавно бывшаго удара и раззоренія еще не отдохнула и въ чувство не пришла, а между тѣмъ снова поднялись на нее навѣты и нападенія и таковые подлоги, дабы ей современемъ въ конецъ истребиться».

Чрезмѣрная смѣлость Арсенія удивила служившихъ въ ростовской консисторіи; они неоднократно заявляли ему, по поводу его донесеній, что на именные указы представленій чинить не слѣдуетъ; но Арсеній ихъ не слушалъ, а отвѣчалъ только, сердясь: «то не ваше дѣло, а надлежитъ оному быть непремѣнно».

Еще до полученія второго донесенія, 12 марта, состоялся докладъ Синода императрицѣ о первомъ донесеніи, что оно «клонится къ оскорбленію ея императорскаго величества, за что Арсеній подлежитъ великому сужденію». Екатерина нашла въ дѣйствіяхъ митрополита «посягательство на спокойствіе подданныхъ» и поспѣшила предать его суду Синода, предоставивъ себѣ лишь право смягченія его участи.

Архіепископъ Арсеній Мацѣевичъ въ Ревельскомъ казематѣ.

Съ гравюры Осипова, сдѣланной съ портрета Ковалькова, находящагося въ Саввиновомъ монастырѣ.

Ночью на 16 марта, Арсеній былъ арестованъ; 17-го онъ уже находился въ Москвѣ, предъ Синодомъ. На его просьбу отпустить его въ Спасскій Новгородсѣверскій монастырь не было обращено вниманія. Ему былъ сдѣланъ допросъ, какъ государственному преступнику. Говорятъ, что онъ при этомъ, въ присутствіи императрицы, Орлова, Глѣбова и Шешковскаго, былъ до того откровененъ, что императрица зажала себѣ уши, а ему закляпили ротъ.

О раздраженіи Екатерины можно судить по запискѣ ея къ Бестужеву, который осмѣлился было просить императрицу, чтобы Арсенію было оказано «монаршее и матернее милосердіе» и пр. Императрица писала: «Я чаю, ни при какомъ государѣ столько заступленія не было за оскорбителя величества, какъ нынѣ за арестованнаго всѣмъ Синодомъ митрополита Ростовскаго, и не знаю, какую я-бъ причину подала сомнѣваться о моемъ милосердіи и человѣколюбіи. Прежде сего и безъ всякой церемоніи и формы по не столь еще важнымъ дѣламъ преосвященнымъ головы сѣкали, и не знаю, какъ бы я могла содержать и укрѣпить тишину и благоденствіе народа (умолча о защищеніи мнѣ отъ Бога данной власти), еслибы возмутители не были наказаны» [1]).

1 апрѣля, открылся судъ надъ Арсеніемъ. Вскорѣ состоялся приговоръ: онъ былъ лишенъ сана и долженъ былъ дать подписку, что впредь не будетъ именоваться или дѣйствовать митрополитомъ, ни архіереемъ, ни въ другомъ духовномъ санѣ. Екатерина, какъ сказано въ актѣ приговора, «по своему природному великодушію, милосердію и человѣколюбію, освободивъ его отъ гражданскаго суда», повелѣла сослать Арсенія въ отдаленный монастырь. Состоялось рѣшеніе отправить его въ архангельскую епархію, въ Николаевскій Корельскій монастырь, съ производствомъ ему кормовыхъ денегъ по 50 коп. въ день. Было запрещено допускать кого-либо къ бывшему митрополиту, котораго сторожили одинъ унтеръ-офицеръ и четыре солдата.

Такимъ образомъ, могло казаться, что правительство разъ на всегда освободилось отъ опаснаго противника, котораго имѣло въ Арсеніи. Однако, предстояли еще дальнѣйшія столкновенія между нимъ и свѣтскою властью. Смѣлость, заставившая пылкаго архіерея протестовать противъ секуляризаціи духовныхъ имѣній, побудила его и въ ссылкѣ къ весьма неосторожнымъ рѣчамъ о личности императрицы, оспариванію ея права на занятіе престола и

[1]) «Сб. Ист. Общ.», VII, 269—270.

вообще къ заявленію неудовольствія относительно положенія Россіи. Приходилось наказать Арсенія еще строже прежняго.

Въ заключеніи Арсеній пользовался бо̀льшею свободою, чѣмъ было дозволено. Онъ собиралъ возлѣ себя монаховъ и караульныхъ солдатъ, съ которыми велъ бесѣды о современныхъ событіяхъ и дѣйствіяхъ враждебнаго ему правительства; онъ нерѣдко касался вопросовъ, имѣвшихъ отношеніе къ его собственному положенію. Объ этихъ рѣчахъ донесъ одинъ изъ монаховъ начальству. Такимъ образомъ, въ 1767 году, въ Архангельской канцеляріи началось новое слѣдствіе, при которомъ, по желанію императрицы, было строго запрещено употребленіе пытки.

Арсеній говорилъ, что Екатеринѣ не слѣдовало принимать престола. «Государыня наша», сказалъ онъ однажды, «не природная и не тверда въ законѣ нашемъ», порицалъ намѣреніе ея вступить въ бракъ съ графомъ Орловымъ; утверждалъ, что Мировичъ, сдѣлавшій попытку освободить изъ заключенія бывшаго императора Іоанна Антоновича [1]), не дѣйствовалъ одинъ, «а, конечно де, было много и большихъ господъ согласниковъ», порицалъ бывшихъ при Іоаннѣ Антоновичѣ офицеровъ, которые его убили, «за пролитіе царской крови»; по поводу болѣзни Павла Петровича сказалъ, что «не берегутъ наслѣдника». Далѣе онъ предвѣщалъ царствованіе въ Россіи «двухъ юношей, которые выгонятъ Турка и возьмутъ Царьградъ»; эти юноши, на которыхъ надѣялся Арсеній, были Павелъ Петровичъ и братъ Іоанна Антоновича. Особенно подробны были разсужденія Арсенія относительно монастырскихъ имуществъ и его собственнаго положенія. «Нынѣ-де въ монастыряхъ», говорилъ онъ, «и пива сварить не изъ чего», «всю церковь разграбили», «такъ де что̀ въ Россіи дѣлаютъ, того у турокъ нѣтъ, ибо де турки свои мечети награждаютъ, у насъ де нынѣ Содомъ и Гоморъ». Весьма рѣзко Арсеній отзывался о новгородскомъ архіепископѣ Сѣченовѣ, который пользовался особеннымъ довѣріемъ Екатерины; себя онъ сравнивалъ съ Златоустомъ, заточеннымъ также царицею, и пр.

Екатерина принимала живое участіе въ слѣдствіи, прочитывала протоколы допросовъ, дѣлала къ нимъ разныя примѣчанія и указывала на пункты, требовавшіе, по ея мнѣнію, особеннаго вниманія при дальнѣйшихъ допросахъ. Особенно императрицу оскорбляли замѣчанія Арсенія, что ей собственно не надлежало царствовать, что она хорошо бы сдѣлала, вступивъ въ бракъ съ

[1]) См. слѣдующую главу.

Іоанномъ Антоновичемъ, что ей слѣдовало бы довольствоваться регентствомъ, и пр.

Слѣдствіе велось тайно. Весьма лишь немногіе сановники, какъ, напримѣръ, Панинъ и Орловъ, были посвящены въ подробности дѣла. Екатерина была раздражена опасностью, заключавшеюся въ подобныхъ разговорахъ для государства.

Доносчиковъ наградили. Лица, слышавшія неосторожныя рѣчи Арсенія и не сообщившія о томъ кўда слѣдовало, были наказаны. Самъ Арсеній былъ приговоренъ въ разстриженію и вѣчному и неисходному содержанію въ Ревелѣ, въ казематѣ, подъ именемъ «Андрея Враля»; — это прозваніе въ бумагахъ вездѣ прописано рукой самой Екатерины.

Затѣмъ были составлены три инструкціи: двѣ изъ нихъ офицерамъ, изъ которыхъ одинъ долженъ былъ везти Арсенія до Вологды, а другой отъ Вологды до Ревеля, и третья ревельскому коменданту Тизенгаузену. Въ этихъ инструкціяхъ говорилось объ Арсеніи, какъ о «неизвѣстномъ колодникѣ», или о «мужикѣ Андреѣ Вралѣ», или о «Бродягинѣ». Соблюденіе строгой тайны было главнымъ условіемъ въ этихъ инструкціяхъ; сопровождавшимъ Арсенія воспрещено было говорить съ нимъ, а въ случаѣ, если-бы они услышали отъ него что-либо, то имъ приказывалось никому о томъ не разсказывать, а содержать во всю жизнь секретно, объявивъ одному князю Вяземскому, и пр. [1]).

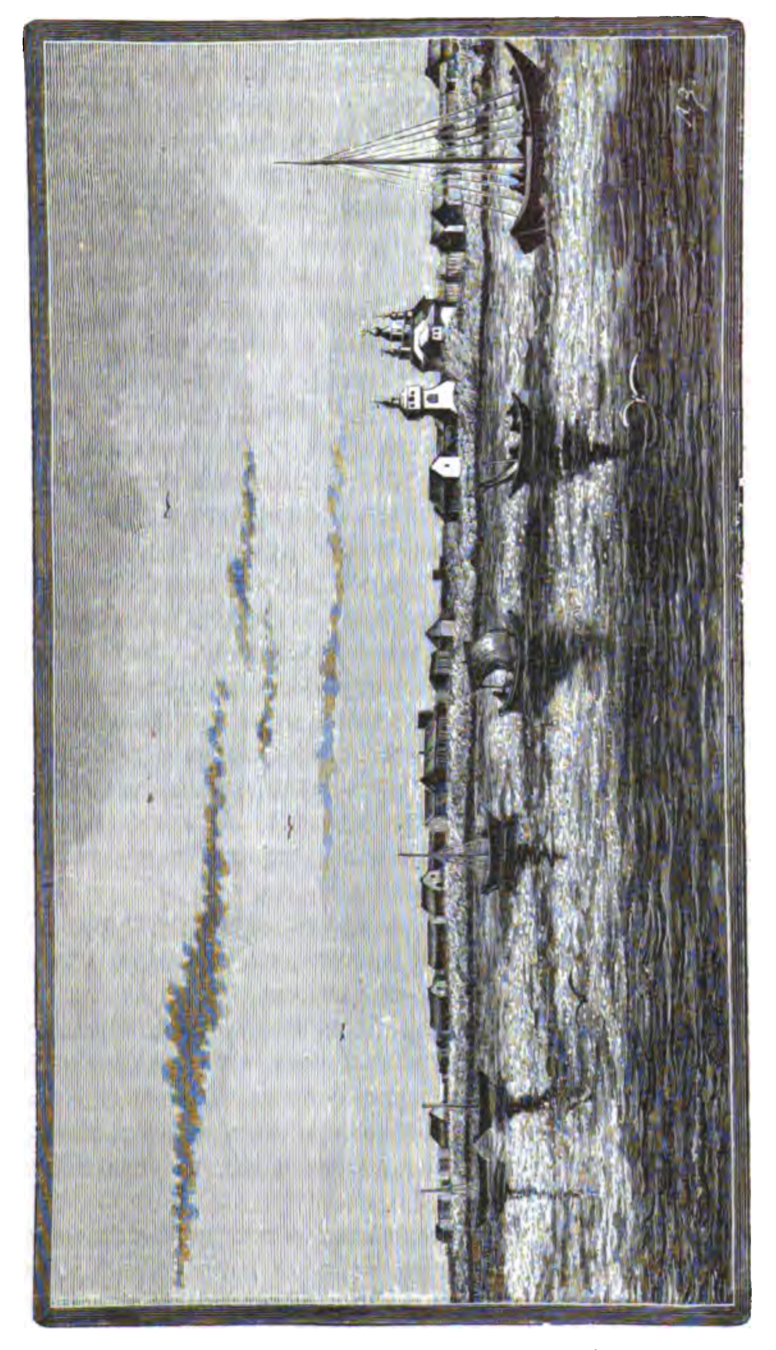
Очевидно, правительство опасалось вліянія бывшаго митрополита на народъ, который вообще сочувствовалъ угнетеннымъ и «несчастнымъ» и въ данномъ случаѣ легко могъ видѣть въ Арсеніи мученика или святого. Хотя его путешествіе изъ Архангельска въ Ревель совершилось въ глубочайшей тайнѣ, все таки въ публикѣ ходили разные слухи о его наказаніи и ссылкѣ. Разсказывали о его отправленіи въ Сибирь; передавались легенды о его кончинѣ [2]).

И въ Ревелѣ, гдѣ содержался Арсеній до своей кончины (1772), старались соблюдать глубочайшую тайну о личности колодника. На случай смерти разрѣшено было позвать къ нему священника, но взявъ при томъ подписку «подъ смертною казнію, что не скажетъ вѣкъ о томъ никому». Когда Арсеній заболѣлъ, къ нему призвали доктора — нѣмца, но предварительно

---

[1]) См. дальнѣйшія подробности въ статьѣ г. Иконникова въ «Р. Старинѣ», XXVI, 192 и слѣд.

[2]) См. разныя данныя по этимъ вопросамъ въ «Чтеніяхъ Моск. Общ.» 1862, II и III.

Архангельскій Николо-Корельскій монастырь въ концѣ XVIII столѣтія.

Съ гравюры прошлаго столѣтія Пуля.

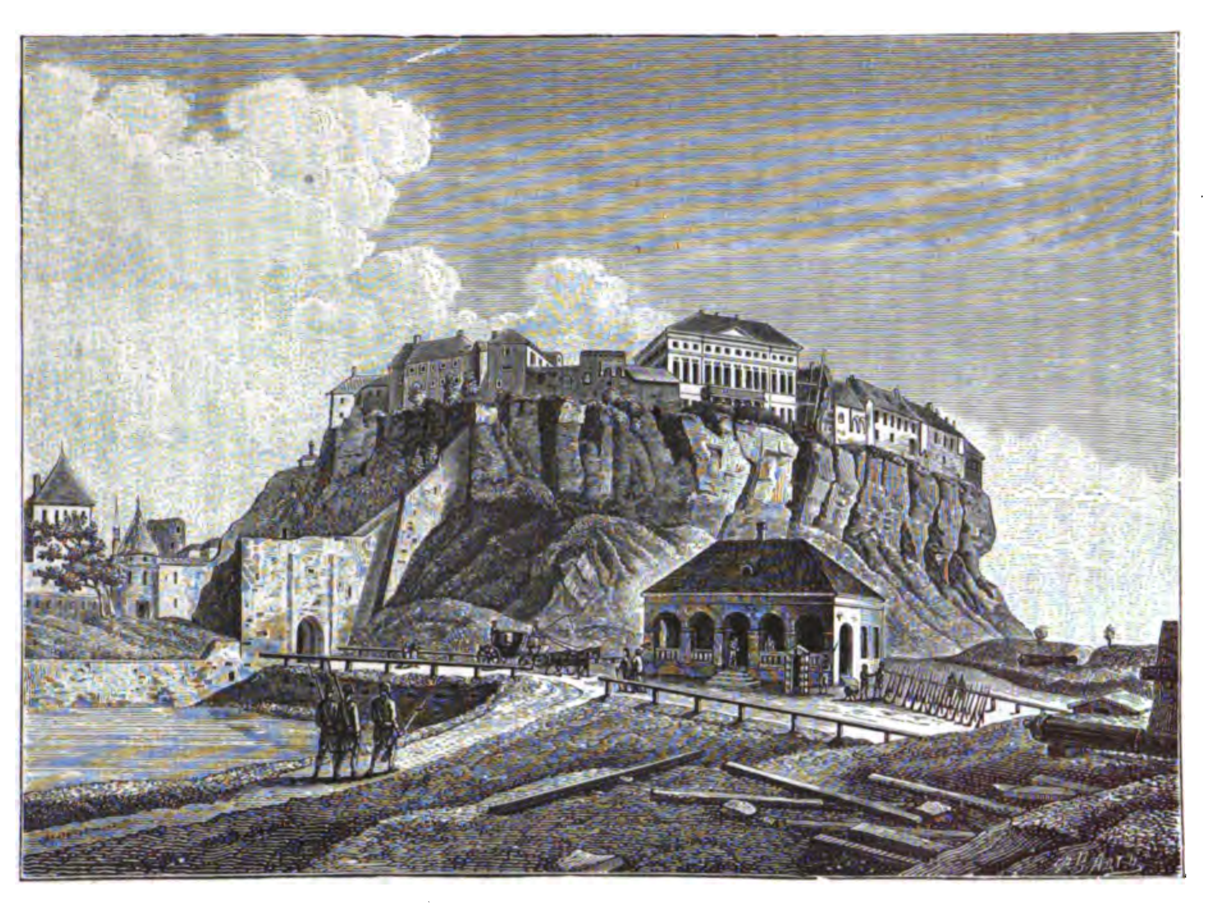
взяли съ него подписку въ томъ, что «подъ смертною казнію не будетъ спрашивать у больного о его имени и состояніи и никому до конца жизни не объявитъ о немъ ни въ разговорахъ, ни догадками, или какими нибудь минами». Вся переписка объ Арсеніи должна была идти безъименно—«о секретномъ дѣлѣ»—и отсылаться въ руки князя Вяземскаго, безъ именного письменнаго распоряженія котораго, или самой императрицы, колодникъ не могъ быть выданъ никому. Вещи его были проданы, не говоря чьи они; книги ему оставили, но не давали ему матеріала, годнаго для письма. Когда, въ іюнѣ 1769 года, Тизенгаузенъ былъ замѣненъ другимъ комендантомъ, Екатерина сочла нужнымъ сдѣлать новое напоминаніе князю Вяземскому: «Не изволишь ли писать къ нему (Бенкендорфу), чтобы онъ за Вралемъ имѣлъ смотрѣніе такое, какъ Тизенгаузенъ имѣлъ, а то боюсь, чтобъ, не бывши ему порученъ, Враль не заводилъ въ междуцарствіи свои какія ни на есть штуки, и чтобы не стали слабѣе за симъ звѣркомъ смотрѣть, а то намъ отъ того не выливались новыя хлопоты».

Спрашивается: было ли въ самомъ дѣлѣ основаніе считать Арсенія столь опаснымъ противникомъ правительства? Правда, въ народѣ онъ пользовался нѣкоторымъ вліяніемъ. Были люди, раздѣлявшіе его взгляды относительно отобранія монастырскихъ имуществъ. И. В. Лопухинъ, извѣстный масонъ и филантропъ, въ своемъ орловскомъ имѣніи, селѣ Воскресенскомъ, поставилъ Арсенію памятникъ. Настоящихъ приверженцевъ онъ не имѣлъ. Строгость мѣръ, принятыхъ противъ Арсенія, объясняется шаткостью положенія, въ которомъ находилось правительство въ первое время царствованія Екатерины.

Не одинъ Арсеній, впрочемъ, осуждалъ образъ дѣйствій императрицы и подвергалъ строгой критикѣ не только ея правительственныя распоряженія, но и ея личность.

Въ 1771 году, одинъ купецъ, Алексѣй Смолинъ, обратился къ императрицѣ съ посланіемъ, въ которомъ заключались сильные упреки, относившіеся къ разнымъ мѣрамъ, принятымъ правительствомъ. Очевидно, протестъ Смолина былъ отголоскомъ нерасположенія къ Екатеринѣ, господствовавшаго въ средѣ духовенства.

Въ началѣ этого документа говорится о секуляризаціи монастырскихъ имуществъ. И Смолинъ, какъ до него Арсеній, указывалъ на несогласіе между заявленіями императрицы въ началѣ ея царствованія и вскорѣ затѣмъ проведенными мѣрами: «Чего прежде ненавидѣла, то возлюбила», писалъ Смолинъ о Екатеринѣ,

Ревельская крѣпость и Вышегородъ въ концѣ XVIII столѣтія.
Съ гравюры прошлаго вѣка Лоріэ.

продолжая: «Святыхъ мѣстъ отняла вотчины и имѣнія, или, лучше сказать, ограбила, и послѣ отдаешь оныя графу Орлову и другимъ господамъ... и чрезъ то многіе небогатые монастыри и пустыни привела въ опустошеніе... О богомерзкое повелѣніе! Откуда ты, скажи пожалуй, взяла власть надъ церковнымъ имѣніемъ, идѣже власти духовныя поставлены суть отъ Бога. Воровъ повелѣваешь за грабительство и обиды народа наказывать нещадно, а ты чего достойна за разореніе святыхъ монастырей; на тебя суда сыскать негдѣ». Затѣмъ слѣдуетъ упрекъ, что митрополитъ Арсеній былъ лишенъ сана и сосланъ, причемъ указывается на то, какъ строго провидѣніе карало тѣхъ, которые преслѣдовали церковь и ея представителей. Особенно рѣзко Смолинъ упрекалъ Екатерину за учрежденіе воспитательныхъ домовъ въ обѣихъ столицахъ; онъ говоритъ о порчѣ нравовъ и спрашиваетъ: «А кто тому причиною? Безразсудное правленіе твое, о Екатерина!» Смолинъ далѣе недоволенъ тѣмъ, что «лютерамъ и кальвинамъ и прочимъ еретикамъ дозволено свои ересей наполненныя церкви строить», что свѣтское образованіе взяло верхъ въ воспитаніи дѣтей высшихъ классовъ общества; онъ вооружается противъ «плясанія и танцевъ», указывая на то, что «за плясаніе казнитъ Богъ». Далѣе онъ считаетъ Екатерину виновницею погибели Іоанна Антоновича, убитаго въ Шлиссельбургѣ въ 1764 году; въ дороговизнѣ хлѣба Смолинъ видѣлъ наказаніе Божіе за это печальное событіе; онъ пишетъ: «Имѣя окаменѣлое сердце, яко фараонъ, видя цѣны умножающіяся, думаешь, что народъ подлый разбогатился, прибавляешь болѣзнь къ болѣзни, умножая оброки и подати. О безумія и обиды исполненное повелѣніе! А деньги тратишь безразсудно» и пр. Посланіе оканчивалось угрозою: «Ежели ты на прежнихъ основаніяхъ не утвердишь, не избѣгнешь рукъ озлобленныхъ тобою и раздраженныхъ».

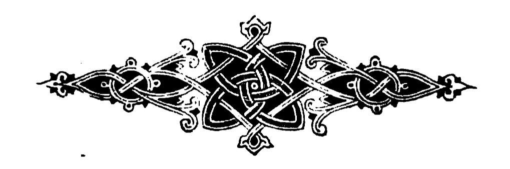
Какъ видно, въ этомъ посланіи, наполненномъ средневѣковыми воззрѣніями и домостроевскимъ духомъ, слышалось негодованіе извѣстныхъ слоевъ общества на разныя дѣйствія правительства, свѣтскій характеръ двора и личность императрицы.

Сохранились нѣкоторыя дѣловыя бумаги, свидѣтельствующія о томъ, что и Смолинъ довольно дорого поплатился за свою чрезмѣрную смѣлость. Онъ передалъ свое посланіе митрополиту тверскому, который велѣлъ задержать его и предоставилъ свѣтскому суду. Онъ сознался въ томъ, что намѣревался распространять въ народѣ списки своего сочиненія, жаловался на произволъ судей и подьячихъ, на недобросовѣстность чиновниковъ и пр.

Въ письмѣ къ Вяземскому императрица замѣтила: «Скажите Шешковскому, что когда, онъ поѣдетъ къ фанатику, чтобы онъ тогда съ нимъ говорилъ и толковалъ ему, что по закону Божiю должно почитать и повиноваться высшей власти; что самъ Спаситель говоритъ: отдайте царю царево, и чрезъ то велѣлъ почитать царя, что, браня царя, онъ умножаетъ своихъ грѣховъ... Авось либо приведетъ его въ унынiе, — и утихнетъ; и потомъ велите снова ему предложить подписку, чтобы не говорить ни съ кѣмъ» и пр.

По приказанiю Екатерины, Смолинъ на пять лѣтъ былъ заключенъ въ Шлиссельбургскую крѣпость. По истеченiи этого времени, ему было дозволено удалиться въ монастырь, игумену котораго было вмѣнено въ обязанность зорко наблюдать за государственнымъ преступникомъ и ежегодно доносить генералъ-прокурору о его поведенiи [1]).

Всѣ эти эпизоды, въ которыхъ участвовали представители разныхъ классовъ общества, заключаютъ въ себѣ доказательство, что въ народѣ существовало нѣкоторое нерасположенiе къ новому правительству и что положенiе Екатерины, въ первое время ея царствованiя, было затруднительно. Ей грозила опасность со стороны разныхъ претендентовъ.

[1]) Кашпиревъ, «Памятники новой русской исторiи». Спб., 1871. I, 123—138.

ГЛАВА II.

Мировичъ.

Во всѣхъ политическихъ процессахъ въ началѣ царствованія Екатерины, говорилось о правахъ на престолъ бывшаго императора Іоанна Антоновича. Со времени паденія брауншвейгцевъ, въ 1741 году, порою обнаруживалось нѣкоторое расположеніе къ членамъ этого семейства. Не безъ основанія правительство старалось сохранять въ тайнѣ мѣстопребываніе несчастнаго претендента, Іоанна Антоновича. Между тѣмъ, какъ онъ, въ 1744 году, былъ отправленъ въ Холмогоры, а оттуда, въ 1756 году, переведенъ въ Шлиссельбургскую крѣпость, въ народѣ ходили разные нелѣпые слухи о его судьбѣ и мѣстопребываніи.

Изъ инструкціи, составленной при императрицѣ Елизаветѣ для лицъ, надзиравшихъ за принцемъ въ Шлиссельбургѣ, видно, что правительство опасалось заговора въ пользу бывшаго императора. Таинственность, которою окружали личность опаснаго арестанта, доходила до того, что изъ офицеровъ и солдатъ шлиссельбургскаго гарнизона почти никто не подозрѣвалъ въ колодникѣ, заключенномъ въ «№ 1» казармы, Іоанна Антоновича. Су-

ществовали въ публикѣ довольно странныя мнѣнія о способностяхъ и качествахъ юноши. Разсказывали о его необычайной красотѣ, многостороннемъ образованіи и пр. [1]).

Въ сущности, Іоаннъ Антоновичъ, находившійся съ дѣтства подъ надзоромъ солдатъ и офицеровъ, получилъ самое скудное воспитаніе, былъ косноязыченъ и страдалъ припадками помѣшательства. Все это не препятствовало распространенію, въ послѣднее время царствованія Елизаветы, слуха о томъ, будто императрица намѣревалась лишить Петра права престолонаслѣдія и назначить Іоанна своимъ преемникомъ.

Въ царствованіе Петра III, ходили слухи о намѣреніи императора отправить Іоанна къ родственникамъ, въ Брауншвейгъ. Мы видѣли выше, что Фридрихъ II считалъ въ то время Іоанна опаснымъ претендентомъ. Въ январѣ 1762 года, было предписано капитану гвардіи, князю Чурмантѣеву: «Буде, сверхъ нашего чаянія, кто бъ отважился арестанта у васъ отнять, въ такомъ случаѣ противиться сколько можно и арестанта живаго въ руки не отдавать» [2]). Опасенія не прекращались и послѣ вступленія на престолъ Екатерины. Вольтеръ писалъ, 28 сентября 1762 года, къ графу д'Аржанталю: «Я крѣпко боюсь, чтобъ Іоаннъ не свергъ съ престола нашей благодѣтельницы, а вѣдь этотъ молодой человѣкъ, воспитанный въ Россіи монахами, далеко, вѣроятно, не будетъ философомъ [3]).

Тотчасъ послѣ вступленія на престолъ Екатерины, было сдѣлано распоряженіе о переводѣ Іоанна изъ Шлиссельбурга въ Кексгольмъ, «а въ Шлиссельбургѣ, въ самой оной крѣпости, очистить внутренней крѣпости самые лучшіе покои и прибрать, по крайней мѣрѣ по лучшей опрятности, оные». Очевидно, эти комнаты были нужны для Петра Θеодоровича. Правительство могло считать неудобнымъ содержать въ одномъ мѣстѣ двухъ сверженныхъ съ престола государей. Поэтому Іоанна перевезли въ Кексгольмъ, но вскорѣ—послѣ внезапной кончины Петра—возвратили въ Шлиссельбургъ [4]). Здѣсь императрица посѣтила несчастнаго арестанта, причемъ могла убѣдиться въ томъ, что онъ лично не былъ опаснымъ претендентомъ. Въ манифестѣ, публикованномъ по случаю катастрофы Іоанна, сказано: «мы увидѣли въ немъ

[1]) См. мое сочиненіе «Іоаннъ Антоновичъ и его родственники». Москва, 1878 года.

[2]) Соловьевъ, XXV, 93.

[3]) «Осьмнадцатый вѣкъ», I, 337.

[4]) Соловьевъ, XXV, 160—161.

кромѣ весьма ему тягостнаго и другимъ почти невразумительнаго косноязычества, лишеніе разума и смысла человѣческаго» [1]).

Между записками Екатерины нашлась слѣдующая, писанная къ Н. И. Панину въ первое время царствованія и, кажется, относящаяся къ Іоанну: «Мое мнѣніе есть, чтобъ ..... изъ рукъ не выпускать, дабы всегда въ охраненіи отъ зла остался, только постричь нынѣ и перемѣнить жилище въ не весьма близкій и въ не весьма отдаленный монастырь, особливо въ такой, гдѣ богомолья нѣтъ, и тутъ содержать подъ такимъ присмотромъ, какъ и нынѣ; еще справиться, можно нѣтъ ли посреди муромскихъ лѣсовъ, въ Колѣ или въ Новгородской епархіи такихъ мѣстъ» [2]).

Іоаннъ оставался въ Шлиссельбургѣ. Его сторожили два офицера, Власьевъ и Чекинъ, которымъ Панинъ далъ слѣдующую инструкцію: «Разговоры вамъ употреблять съ арестантомъ такіе, чтобы въ немъ возбуждать склонность къ духовному чину, т. е. къ монашеству, и что ему тогда имя надобно будетъ перемѣнить, а называть его будутъ вмѣсто Григорья [3]) Гервасій. Ежели случится, чтобъ кто пришелъ съ командою или одинъ, хотябъ то былъ и комендантъ, безъ именного повелѣнья или безъ письменнаго отъ меня (Панина) приказа и захотѣлъ арестанта у васъ взять, то онаго никому не отдавать и почитать все то за подлогъ или непріятельскую руку. Буде же такъ оная сильна будетъ рука, что спастись не можно, то и арестанта умертвить, а живого никому его въ руки не отдавать».

На увѣщанія Власьева и Чекина Іоаннъ отвѣчалъ: «Я въ монашескій чинъ желаю, только страшусь Св. Духа, притомъ же я безплотный». Потомъ сказалъ, что Гервасіемъ называться не хочетъ, а пусть назовутъ его Ѳеодосіемъ [4]).

Кромѣ Іоанна, считались опасными и его родственники, содержавшіеся въ Холмогорахъ. Англійскій дипломатъ Букингамъ писалъ, что вскорѣ послѣ переворота, лѣтомъ 1762 года, нѣкоторые изъ разумнѣйшихъ совѣтниковъ Екатерины старались уговорить ее отпустить брауншвейгцевъ за границу, но что это предложеніе было отвергнуто большинствомъ сановниковъ [5]). Въ слѣдующемъ году, возникла мысль отпустить за границу одного принца Антона Ульриха, оставивъ въ заключеніи дѣтей его.

---

[1]) П. С. З. № 12.228.
[2]) «Сб. Ист. Общ.», VII, 364.
[3]) Уже въ 1744 году Іоанна стали звать Григоріемъ.
[4]) Соловьевъ, XXV, 161.
[5]) «La cour de la Russie», 238.

Императрица отправила въ Холмогоры А. И. Бибикова, который долженъ былъ сдѣлать предложеніе принцу выѣхать въ Германію. Принцъ не принялъ этого предложенія, объявивъ, что не желаетъ свободы, если дѣти его останутся въ острогѣ [1]).

Императоръ Іоаннъ Антоновичъ.

Съ единственнаго достовѣрнаго портрета, рисованнаго акварелью на граматѣ, заготовленной въ 1741 году для фельдмаршала графа Миниха и находящейся въ Сенатскомъ архивѣ.

Мы знаемъ, что самъ Іоаннъ не могъ быть опаснымъ. Но его имя было опасно. Онъ все-таки оставался претендентомъ. Лица, недовольныя правительствомъ, легко могли воспользоваться имъ при попыткѣ произвести государственный переворотъ. У Екате-

[1]) Записки о жизни Бибикова, прил. 5.

рины было много противниковъ. Считали возможнымъ, что она такъ или иначе избавится отъ вѣчно грозившей ей со стороны Іоанна Антоновича опасности. Чрезвычайно любопытно замѣчаніе по этому поводу въ депешѣ одного иностраннаго дипломата, что въ первое время царствованія Екатерины, по случаю разныхъ манифестацій противъ новаго правительства, люди знающіе при дворѣ говорили, что Іоанну никакъ нельзя миновать смерти [1]).

Поэтому, когда, лѣтомъ 1764 года, была сдѣлана попытка освободить Іоанна Антоновича изъ заключенія, причемъ претендентъ былъ лишенъ жизни, распространились кое-какіе слухи о нѣкоторомъ участіи Екатерины въ этомъ дѣлѣ. И въ исторической литературѣ императрицу обвиняли въ томъ, что она будто бы умышленно погубила Іоанна. Между тѣмъ, какъ въ современныхъ или тотчасъ послѣ Шлиссельбургской катастрофы изданныхъ сочиненіяхъ почти вовсе не встрѣчается такого обвиненія, въ позднѣйшихъ трудахъ, напечатанныхъ вскорѣ послѣ кончины Екатерины, приводятся самые сложные разсказы объ участіи Екатерины въ дѣлѣ Мировича съ цѣлью устраненія Іоанна [2]).

При томъ богатствѣ источниковъ, которымъ мы располагаемъ относительно этого печальнаго эпизода, нѣтъ болѣе основанія думать, что Мировичъ былъ орудіемъ высокопоставленныхъ лицъ. Онъ дѣйствовалъ по собственному побужденію. Его предпріятіе походитъ на попытку Батурина возвести на престолъ Петра Өеодоровича, въ 1749 году, на мятежные замыслы Гурьева, Хрущова и ихъ товарищей, осенью 1762 года, Хитрово и его товарищей, въ 1763 году. Во всѣхъ этихъ эпизодахъ есть общая черта: распространеніе слуховъ о мнимомъ участіи въ заговорахъ высокопоставленныхъ лицъ.

Мировичъ происходилъ отъ знатнаго малороссійскаго рода; во время катастрофы Іоанна ему было лишь 24 года. Обремененный долгами, склонный къ расточительности и карточной игрѣ, онъ находился въ чрезвычайно затруднительномъ положеніи. Имѣнія семейства Мировичей были конфискованы по случаю измѣны Мазепы, въ 1709 году; тщетно Мировичъ обращался неоднократно къ правительству съ просьбою возвращенія ему хотя бы нѣкоторой части этихъ имѣній. Княгиня Дашкова и графъ Петръ Панинъ, знавшіе Мировича, считали его человѣкомъ малоспособнымъ; онъ оказался во время произведеннаго надъ нимъ слѣдствія суе-

[1]) Herrmann, «Gesch. d. russ. Staats», V, 637.

[2]) См. подробный разборъ сочиненій Кастера, Сальдерна, Гельбига, въ моемъ трудѣ «Іоаннъ Антоновичъ и его родственники», 81—85.

вѣрнымъ, необразованнымъ и эксцентрическимъ фанатикомъ. Въ его благочестіи была нѣкоторая доля ребячества. При разборѣ его бумагъ обнаружилось, что онъ намѣревался убить Екатерину [1]).

Мировичъ не зналъ лично бывшаго императора Іоанна. Не раньше какъ въ октябрѣ 1763 года, онъ случайно услышалъ о пребываніи претендента въ Шлиссельбургской крѣпости. Желаніе достигнуть знатнаго положенія, разбогатѣть, раздраженіе вслѣдствіе крайней бѣдности, стремленіе отмстить правительству, не вни-

Видъ Шлиссельбургской крѣпости въ концѣ XVIII столѣтія.
Съ рисунка, сдѣланнаго съ натуры въ 1789 г. Угрюмовымъ. (Изъ собранія П. Я. Дашкова).

мавшему его просьбамъ — все это заставило его мечтать о государственномъ переворотѣ въ пользу Іоанна [2]).

Клевретами Мировича, за исключеніемъ одного придворнаго лакея, были исключительно солдаты и офицеры. Въ маѣ 1764 года, онъ сообщилъ своему другу и сослуживцу, поручику Ушакову, о своемъ намѣреніи освободить Іоанна и свергнуть съ престола Екатерину. Оба они, 13 мая, пошли въ церковь Казанской Божіей Матери, гдѣ отслужили по себѣ акаѳистъ и панихиду,

[1]) «Сб. Ист. Общ.», VII, 370.

[2]) Ковалевскій, «Графъ Блудовъ». С.-Петербургъ, 1866. 223.

какъ бы надъ умершими, и отправились въ Шлиссельбургъ для осмотра мѣста. Планъ заговорщиковъ заключался въ слѣдующемъ: Мировичъ и Ушаковъ хотѣли явиться въ Шлиссельбургъ подъ именемъ ордонанса ея величества, арестовать коменданта крѣпости, освободить Іоанна изъ заключенія и отправиться съ нимъ въ Петербургъ, гдѣ, на Выборгской сторонѣ, представить Іоанна артиллерійскому лагерю. Заговорщики ожидали, что прочтеніе манифеста, въ которомъ объявлялось о правахъ Іоанна на престолъ, произведетъ дѣйствіе на военныхъ и на народъ. По учиненіи присяги новому императору, была бы послана команда для занятія Петропавловской крѣпости и произведена съ нея пушечная пальба, дабы собрать еще больше народа и привести его въ страхъ. Также были бы поставлены пикеты по мостамъ, чтобы имѣть повсюду свободное сообщеніе; изъ присягнувшихъ офицеровъ, нѣкоторые отправились бы въ Сенатъ, Синодъ, коллегіи и во всѣ находившіеся въ Петербургѣ полки, для приведенія ихъ къ присягѣ; императрицу и великаго князя Павла Петровича предполагалось заточить въ какое-нибудь отдаленное мѣсто.

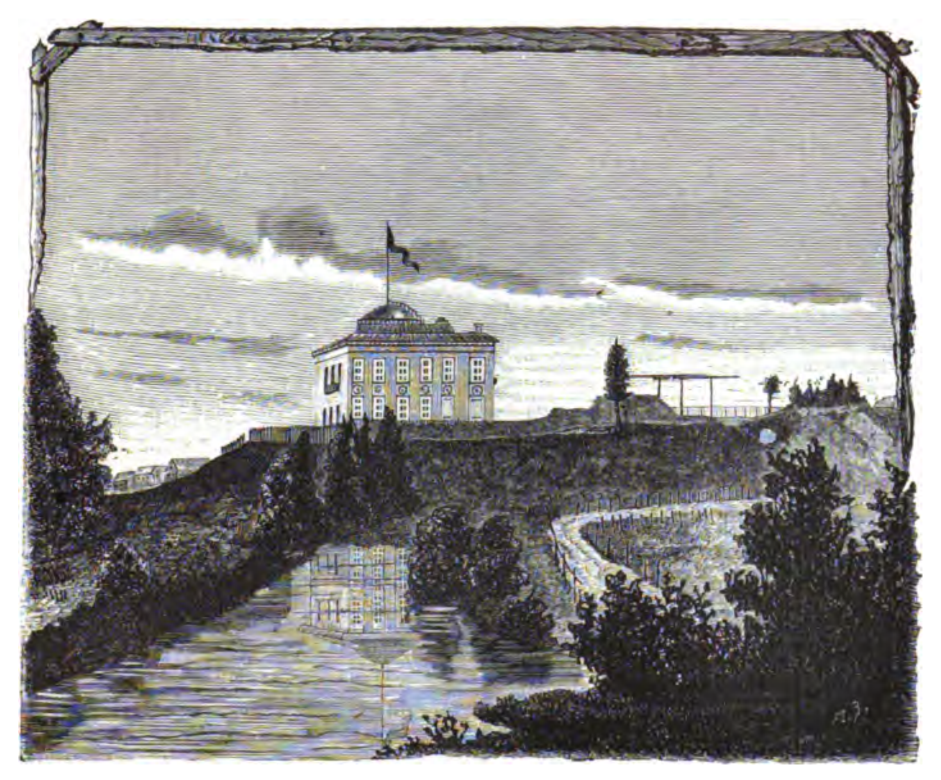
Всѣ такого рода замыслы не были новостью въ Россіи. Подобныя предпріятія иногда удавались, иногда оканчивались катастрофою заговорщиковъ. Воцареніе Екатерины было возможно, благодаря содѣйствію военныхъ. Въ 1741 году, Елизавета Петровна была окружена офицерами и нижними чинами, — людьми, которыхъ, въ отношеніи общественнаго положенія и политическаго образованія, можно сравнить съ Мировичемъ и Ушаковымъ. Горсть военныхъ въ 1741 году опрокинула престолъ Іоанна Антоновича; горстью военныхъ онъ могъ быть возстановленъ въ 1764 году. Нельзя отрицать, что планъ дѣйствій Мировича и Ушакова походилъ точь въ точь на событія государственнаго переворота, совершившагося лѣтомъ 1762 года. Громадная разница заключалась только въ личностяхъ претендентовъ. Іоаннъ легко могъ быть свергнутъ съ престола; воцареніе его вновь—оказалось невозможнымъ. Екатерина безъ труда устранила Петра, между тѣмъ какъ ей самой со стороны столь жалкаго претендента, каковъ былъ Іоаннъ Антоновичъ, не могла грозить опасность.

Приготовленные заговорщиками манифесты не сохранились. Изъ нѣкоторыхъ бумагъ слѣдствія видно, что въ манифестахъ заключались рѣзкія выходки противъ Екатерины.

Во время приготовленій къ перевороту въ пользу Іоанна, Ушаковъ утонулъ при поѣздкѣ, которую долженъ былъ предпринять по дѣламъ службы. Послѣ этого Мировичъ сообщилъ о своемъ

намѣреніи другимъ военнымъ, которые и изъявили готовность участвовать въ предпріятіи. Какъ кажется, въ Петербургѣ не было лицъ, посвященныхъ въ тайну заговора.

Мировичъ служилъ въ Смоленскомъ полку, и по временамъ до него доходила очередь исполнять караульную службу въ Шлиссельбургѣ. Эта очередь подошла въ началѣ іюля 1764 г., и онъ рѣшился приступить къ дѣлу. Лишь въ самые послѣдніе

Домъ коменданта Шлиссельбургской крѣпости въ концѣ XVIII столѣтія.
Съ рисунка, сдѣланнаго съ натуры въ 1785 г. Угрюмовымъ. (Изъ собранія П. Я. Дашкова).

дни и часы передъ катастрофой онъ старался уговорить нѣкоторыхъ капраловъ и солдатъ къ участію въ бунтѣ и сдѣлалъ попытку склонить на свою сторону капитана Власьева, который немедленно далъ знать о готовившемся предпріятіи графу Панину. Подозрѣвая доносъ, Мировичъ долженъ былъ спѣшить приведеніемъ въ исполненіе своего намѣренія.

Ночью, онъ вдругъ собралъ своихъ солдатъ и скомандовалъ «къ ружью». Въ его распоряженіи находилось 45 человѣкъ, и

съ ними онъ рѣшился сдѣлать нападеніе на гарнизонъ крѣпости, состоявшій изъ двухъ офицеровъ, стороживших Іоанна, Власьева и Чекина, коменданта Бередникова и около 30 солдатъ.

Услышавъ шумъ, комендантъ Бередниковъ вышелъ на крыльцо и спросилъ Мировича, для чего онъ собираетъ команду; но Мировичъ, вмѣсто отвѣта, съ ружьемъ въ рукахъ бросился на коменданта, и, сказавъ ему: «Ты здѣсь держишь невиннаго государя», ударилъ его ружейнымъ прикладомъ такъ, что разбилъ

Лѣстница и дверь въ казематъ, гдѣ содержался императоръ Іоаннъ Антоновичъ.

Съ рисунка, сдѣланнаго съ натуры Г. П. Данилевскимъ.

лобъ, повредя и черепъ, потомъ схватилъ его за воротъ халата и отдалъ командѣ подъ караулъ.

Затѣмъ, выстроивъ своихъ солдатъ въ три шеренги, Мировичъ направился къ казармѣ, гдѣ содержался Іоаннъ Антоновичъ. Началась перестрѣлка между командою Мировича и гарнизонными солдатами. Солдаты Мировича отступили. Онъ имъ прочелъ манифестъ и этимъ старался возбудить ревность, поздравляя ихъ съ государемъ. Потомъ взялъ съ бастіона пушку, велѣлъ зарядить ее ядромъ и требовалъ выдачи арестанта Іоанна.

Настала минута, предусмотрѣнная въ инструкціи Чекина и Власьева. Видя пушку, наступленіе Мировича, невозможность дальнѣйшаго сопротивленія, они, чтобы не отдать арестанта живымъ, убили его. О подробностяхъ этой сцены не сохранилось достовѣрныхъ данныхъ [1]).

Между тѣмъ, какъ внутри казармы совершилось убіеніе Іоанна, Мировичъ вбѣжалъ на галерею, схватилъ поручика Чекина за руку и тащилъ въ сѣни, спрашивая: «Гдѣ государь?» Чекинъ сказалъ: «У насъ государыня, а не государь». Мировичъ бросился въ казематъ Іоанна; было темно; послали за огнемъ, и, когда принесли, Мировичъ увидѣлъ на полу мертвое тѣло Іоанна.

Внутренній видъ каземата, гдѣ содержался императоръ Іоаннъ Антоновичъ.

Съ рисунка, сдѣланнаго съ натуры Г. П. Данилевскимъ.

Мировичъ осыпалъ офицеровъ упреками; они отвѣчали, что поступили такъ по «присяжной должности». Солдаты хотѣли было заколоть Власьева и Чекина, но Мировичъ не допустилъ ихъ, говоря: «Теперь помощи намъ никакой нѣтъ, и они правы, а мы виноваты». Затѣмъ, онъ велѣлъ вынести тѣло изъ казармы на гауптвахту.

Между тѣмъ, въ крѣпость явился отрядъ войска, вызванный очевидно Бередниковымъ или Власьевымъ. Мировичъ былъ арестованъ.

---

[1]) См. мое сочиненіе объ Іоаннѣ Антоновичѣ, 112.

Тотчасъ же Власьевъ и Чекинъ отправили донесеніе о случившемся графу Н. И. Панину. Онъ велѣлъ составить протоколъ о событіи въ Шлиссельбургѣ, принялъ мѣры для сохраненія тишины и сообщилъ обо всемъ императрицѣ, находившейся въ это время въ Прибалтійскомъ краѣ. Трупъ Іоанна, по приказанію Екатерины, нѣсколько позднѣе былъ погребенъ въ Шлиссельбургѣ.

По словамъ одного современника, въ столицѣ «скорбь и негодованіе» по случаю распространившагося быстро извѣстія о кончинѣ Іоанна были общими. «Нельзя выразить», сказано далѣе, «какъ смѣло и рѣзко даже простолюдины разсуждали публично объ этомъ событіи» [1]).

Предварительное слѣдствіе въ Шлиссельбургѣ и привозъ Мировича въ Петербургъ, гдѣ начался судъ надъ нимъ, совершились спокойно. Только въ одномъ современномъ разсказѣ говорится о нѣкоторомъ броженіи въ средѣ военныхъ, такъ что опасались безпорядковъ. Вскорѣ, однако, все утихло. Сановниками въ столицѣ, Неплюевымъ, Панинымъ, Голицынымъ, Ушаковымъ, были приняты мѣры для сохраненія тишины. Екатерина писала Панину изъ Риги: «Я съ великимъ удовольствіемъ читала ваши репорты и всѣ дивы, происшедшія въ Шлиссельбургѣ; руководствіе Божіе чудное и неиспытанное есть! Я къ вашимъ весьма хорошимъ распоряженіямъ иного прибавить не могу, какъ только, что теперь надлежитъ слѣдствіе надъ винными производить безъ огласки и безъ всякой скрытности (понеже само собою оное дѣло не можетъ остаться секретно, болѣе двухъ сотъ человѣкъ имѣя въ немъ участіе). Безъимяннаго колодника велите хранить (т. е. хоронить) по христіанской должности въ Шлиссельбургѣ, безъ огласки же. Мнѣ разсудилось, что естьли неравно искра кроется въ пеплѣ, то не въ Шлиссельбургѣ, но въ Петербургѣ, и весьма желала бы, чтобъ это не скоро до резиденціи дошло, а кой часъ дойдетъ до Петербурга, то уже надобно дѣло повести публично», и проч. Дальнѣйшія замѣчанія Екатерины относятся къ частностямъ слѣдствія; особенно ее интересовалъ вопросъ, не было ли у Ушакова и Мировича еще другихъ сообщниковъ. Далѣе она указывала на важность вопроса, почему именно Мировичъ намѣревался повезти Іоанна на Выборгскую сторону, къ артиллерійскимъ офицерамъ, и велѣла разъузнать, нѣтъ ли между послѣдними заговорщиковъ. Она очень сожалѣла о томъ, что Ушаковъ

---

[1]) Büsching, «Magazin», VI, 535.

утонулъ, предлагая допросить его брата о намѣреніяхъ и характерѣ утонувшаго. Нѣсколько разъ Екатериною было выражено желаніе немедленно возвратиться въ Петербургъ, чтобы увидѣть «скорое окончаніе сего безумнаго дѣла». 10-го іюля, Екатерина писала Панину: «У меня сердце щемитъ, когда я думаю объ

Принцъ Антонъ-Ульрихъ Брауншвейгскій.
Съ стариннаго гравированнаго портрета.

этомъ дѣлѣ, и много, много благодарю васъ за мѣры, которыя вы приняли и къ которымъ, конечно, нечего больше прибавить. Провидѣніе дало мнѣ ясный знакъ своей милости, давши такой оборотъ этому предпріятію. Хотя зло пресѣчено въ корню, однако я боюсь, чтобъ въ такомъ большомъ городѣ, какъ Петербургъ, глухіе слухи не надѣлали бы много несчастныхъ, ибо двое него-

дяевъ, которыхъ Богъ наказалъ за гнусную ложь, написанную ими въ своемъ самозванномъ манифестѣ на мой счетъ, не преминули (по крайней мѣрѣ такъ можно предполагать) посѣять свой ядъ, и доказательствомъ служитъ для меня то, что въ день моего отъѣзда изъ Петербурга одна бѣдная женщина нашла на улицѣ письмо, написанное поддѣльною рукою, гдѣ говорилось то же самое»[1]) и проч. Въ заключеніе Екатерина замѣчаетъ: «Не думайте, что я страху предалась; я сего дѣла не болѣе уважаю, какъ оно въ самомъ существѣ есть, сирѣчь дешперальный и безразсудный coup, однако жъ надобно до фундамента знать, сколь далеко дурачества распространялись, дабы, если возможно, разомъ пресѣчь и тѣмъ избавить отъ несчастія невинныхъ простяковъ»[2]). Въ письмѣ отъ 16 іюля сказано: «Теперь ожидать надобно, что выйдетъ. Сколь я желаю, чтобъ Богъ вывелъ, естьли есть, сообщниковъ, столь я Всевышняго молю, дабы невинныхъ людей въ семъ дѣлѣ не пропадало».

Весьма тщательно Екатерина просматривала бумаги Мировича. Относительно сестеръ преступника она писала къ Неплюеву и Вяземскому: «Осторожность вашу не инако, какъ похвалить могу, что вы за Мировичами приказали безъ огласки подсматривать; однако, если дѣло не дойдетъ до нихъ, то арестовать ихъ не для чего, понеже пословица есть: братъ мой, а умъ свой. Все же я никакъ не желаю, чтобъ невинные пострадали»[3]).

Послѣ возвращенія Екатерины въ столицу, она принимала участіе въ составленіи циркулярныхъ писемъ къ русскимъ дипломатамъ за границею и манифестовъ для публики, въ которыхъ говорится о шлиссельбургскомъ событіи.

Въ манифестѣ отъ 17 августа прежде всего говорится объ Іоаннѣ, «который былъ незаконно во младенчествѣ опредѣленъ ко Всероссійскому престолу императоромъ», затѣмъ сказано о мѣрахъ для облегченія судьбы Іоанна и о заговорѣ Мировича. О цѣли этого заговора сказано только, что Мировичъ «сдѣлалъ себѣ предметъ, чрезъ какое бы то ни было въ народѣ кровопролитное смятеніе счастіе для себя возвысить». Далѣе говорится о заслугахъ Власьева и Чекина при подавленіи мятежа, объ убіеніи Іоанна, и проч.[4]).

---

[1]) Очевидно, о правахъ Іоанна.

[2]) Соловьевъ, XXVI, 14—15. Этого письма нѣтъ въ VII томѣ «Сборника Ист. Общества».

[3]) «Сб. Ист. Общ.», VII, 370.

[4]) П. С. З. № 12228.

Предварительное слѣдствіе, которое было поручено генералъ-поручику Веймарну, производилось довольно продолжительное время. Множество свидѣтелей было допрошено. Мировичъ бралъ всю вину на себя; его показанія были откровенны. Для окончательнаго суда и произнесенія приговора было назначено собраніе,

Принцесса Анна Леопольдовна.

Съ гравированнаго портрета прошлаго столѣтія Вортмана.

состоявшее изъ Сената, Синода, особъ первыхъ трехъ классовъ и президентовъ коллегій.

Между тѣмъ, о ходѣ дѣла въ публикѣ распространились разные толки. Разсказывали, будто Мировичъ дѣлалъ судьямъ разныя непріятности, и, напримѣръ, на вопросъ, кто ему совѣто-

валъ отважиться на столь опасное дѣло, будто отвѣтилъ: «Графъ Кириллъ Разумовскій». Оказалось, что графъ въ то время, когда Мировичу было отказано въ возвращеніи конфискованныхъ имѣній, утѣшалъ его словами: «Ты молодой человѣкъ, — самъ себѣ прокладывай дорогу, старайся подражать другимъ, старайся схватить фортуну за чубъ, и будешь такимъ же паномъ, какъ и другіе»[1]). По другимъ извѣстіямъ, графъ Петръ Панинъ, подъ начальствомъ котораго Мировичъ прежде служилъ, спросилъ его, для чего онъ предпринималъ такой злодѣйскій умыселъ? «Для того», отвѣчалъ Мировичъ, «чтобы быть тѣмъ, чѣмъ ты сталъ»[2]).

Когда дѣло шло о сентенціи, одинъ изъ членовъ суда, баронъ Черкасовъ, представилъ письменное мнѣніе, что Мировича надобно пытать съ цѣлью открыть сообщниковъ или наустителей. Собраніе не одобряло мнѣнія Черкасова и даже сочло его оскорбительнымъ, ибо въ немъ было сказано: «Намъ необходимо нужно жестокимъ розыскомъ злодѣю оправдать себя не токмо предъ всѣми теперь живущими, но и слѣдующими по насъ родами, а то опасаюсь, чтобы не имѣли причины почитать насъ машинами, отъ посторонняго вдохновенія движущимися, или и комедіантами». Екатерина узнала объ этомъ случаѣ, и, такъ какъ ей было хорошо извѣстно о слухахъ, распространяемыхъ иностранными дипломатами относительно Мировича и мнимаго участія въ его дѣлѣ высокопоставленныхъ лицъ, она писала генералъ-прокурору Вяземскому: «Чужестранные недоброжелательныхъ дворовъ министры по городу разсѣваютъ, что я сама въ семъ дѣлѣ заставляю собраніе, для закрывательства истины, комедію играть; сверхъ того и у насъ уже партіи дѣйствуютъ: того ради повелѣваю вамъ впредь болѣе ни присовѣтывать, ни отговаривать отъ пытокъ, но дайте большинству голосовъ совершенную волю»[3]).

Мировичъ не былъ подвергнутъ пыткѣ. Его приговорили къ смертной казни, которая и была совершена 15/26 сентября. Капралы и солдаты, участвовавшіе въ шлиссельбургскомъ дѣлѣ, подверглись разнымъ тѣлеснымъ наказаніямъ, и затѣмъ были отправлены въ ссылку и на каторгу.

Долго вѣрили и отчасти еще вѣрятъ теперь, о чемъ мы уже замѣтили выше, въ какую то тайну, сопряженную съ дѣломъ Мировича. Считали возможнымъ, что послѣдній былъ орудіемъ

---

[1]) «Русскій Архивъ», 1863, 479.

[2]) Бантыщъ-Каменскій, «Біографіи русскихъ генералиссимусовъ», I, 226.

[3]) «Осьмнадцатый вѣкъ», III, 365.

Принцъ Петръ. Принцъ Алексѣй.

Принцесса Елизавета. Принцесса Екатерина.

Дѣти правительницы Анны Леопольдовны.

Съ рисунка, сдѣланнаго съ натуры состоявшимъ при нихъ лекаремъ Бошнякомъ и приложеннаго къ „Русской Старинѣ“ 1874 г.

Екатерины, желавшей такимъ образомъ избавиться отъ Іоанна Антоновича, и что казнь Мировича была средствомъ отдѣлаться отъ опаснаго сообщника, посвященнаго въ тайну сложнаго и гнуснаго преступленія. Всѣ эти предположенія, основанныя на однихъ современныхъ слухахъ, не подтверждаются никакими документальными данными. Зато изъ писемъ Екатерины и многихъ другихъ источниковъ видно, что императрица относилась ко всему дѣлу безъ всякой задней мысли, что для нея всѣ эти событія были неожиданными и что не можетъ быть и рѣчи о какой-либо таинственной связи между Екатериною и Мировичемъ.

Понятно, что катастрофа Іоанна Антоновича произвела довольно глубокое впечатлѣніе на современниковъ. Появились брошюры, въ которыхъ заключался разсказъ о жизни и кончинѣ несчастнаго узника [1]).

Редакція манифестовъ, публикованныхъ Екатериною при этомъ случаѣ, подвергалась критикѣ современниковъ, какъ это видно, между прочимъ, изъ переписки французскаго дипломата Беранже съ министромъ Праленомъ (Praslin). Послѣдній замѣтилъ: «Русская государыня сдѣлала бы лучше, если бы это событіе было пройдено молчаніемъ въ публичныхъ бумагахъ, или было бы возвѣщено потише» [2]). И г-жа Жофренъ (Geoffrin), находившаяся въ перепискѣ съ Екатериною, была недовольна манифестами императрицы. Въ ея письмѣ къ Станиславу Понятовскому сказано: «Находятъ, что она (Екатерина) издала смѣшные манифесты о смерти Іоанна; она вовсе не была обязана что нибудь говорить объ этомъ: процессъ Мировича былъ совершенно достаточенъ, въ немъ дѣло являлось просто и ясно. Думаю, что я ее хорошо знаю, и думаю, что она нуждается въ руководителѣ. Боюсь, чтобы ея умъ и страсть къ остроумію не увлекли бы ее когда нибудь». Г-жа Жофренъ письменно высказала самой Екатеринѣ свое мнѣніе о манифестѣ. Екатерина отвѣчала: «Вы разсуждаете о манифестѣ, какъ слѣпой о цвѣтахъ. Онъ былъ сочиненъ вовсе не для иностранныхъ державъ, а для того, чтобъ увѣдомить россійскую публику о смерти Іоанна; надобно было сказать, какъ онъ умеръ; болѣе ста человѣкъ были свидѣтелями его смерти и покушенія измѣнника; не было поэтому возможнымъ не написать обстоятельнаго извѣстія; не сдѣлать этого — значило подтвердить зло-

---

[1]) Напр. «Histoire de la vie, du règne et du détrônement d'Iwan III». Londres, 1766. «Recueil des pièces concernant la mort du prince Iwan». Londres, 1765, и т. п.

[2]) Соловьевъ, XXVI, 118.

намѣренные слухи, распускаемые министрами дворовъ, завистливыхъ и враждебныхъ ко мнѣ; шагъ былъ деликатный; я думала, что всего лучше сказать правду... Вѣрно то, что здѣсь этотъ манифестъ и голова преступника прекратили всякую болтовню. Слѣдовательно цѣль была достигнута манифестомъ, ergo онъ былъ хорошъ» [1]).

Спасо-Преображенскій соборъ и Успенскій монастырь,—мѣсто заточенія Брауншвейгской фамиліи въ Холмогорахъ.

Съ гравюры нынѣшняго столѣтія.

Вскорѣ послѣ катастрофы Іоанна, у Екатерины снова возникла мысль даровать отцу его, принцу Антону Ульриху, свободу. Донося объ этомъ своему двору, датскій посланникъ Ассебургъ замѣчаетъ, что по необходимости нужно дѣйствовать крайне осторожно въ этомъ дѣлѣ; впрочемъ, прибавляетъ онъ немного позже къ прежнему донесенію, принцъ Антонъ-Ульрихъ и на

---

[1]) «Исторія Россіи», XXVI, 233.

этотъ разъ предпочелъ оставаться въ Холмогорахъ; между тѣмъ императрицею были приняты мѣры для смягченія судьбы принца и его семейства; имъ была опредѣлена весьма значительная сумма денегъ; въ Холмогоры были отправлены посуда, мебель и пр.[1]).

Англійскій дипломатъ Букингамъ, въ 1764 году, доносилъ своему правительству, что послѣ кончины Іоанна нѣкоторыя лица уговаривали было императрицу, въ случаѣ смерти Павла, назна-

Комната принцессы Анны Леопольдовны въ зданіи Успенскаго монастыря въ Холмогорахъ.

Съ гравюры нынѣшняго столѣтія.

чить одного изъ братьевъ Іоанна наслѣдникомъ престола, но что было рѣшено ограничиться возвращеніемъ всему несчастному семейству свободы и пр.[2]).

Однако, на дѣлѣ освобожденіе родственниковъ Іоанна Антоновича не могло состояться такъ скоро. Принцъ Антонъ Ульрихъ умеръ въ Холмогорахъ, въ 1774 году; дѣти его были отпущены за границу не раньше какъ въ 1780 году. Около этого времени, Екатерина могла считать свое положеніе достаточно обезпеченнымъ,

[1]) «Русская Старина», XXV, 505—506.
[2]) «La cour de la Russie», 238—239.

чтобы не опасаться болѣе совмѣстничества этихъ претендентовъ. Братья и сестры Іоанна, принцессы Екатерина и Елизавета и принцы Петръ и Алексѣй, отправились чрезъ Архангельскъ и Норвегію въ Данію, гдѣ они, въ мѣстечкѣ Горзенсѣ, въ Ютландіи, доживали свой вѣкъ, подъ надзоромъ ихъ родственницы, королевы Юліаны Маріи. Принятіе многихъ мѣръ предосторожности при ихъ отправленіи за границу, сохраненіе въ глубочайшей тайнѣ всего этого дѣла доказываютъ, что и въ 1780 году брауншвейгцевъ считали претендентами.

Въ 1788 году въ Курляндіи явился самозванецъ, выдававшій себя за Іоанна Антоновича. Герцогъ Петръ Биронъ велѣлъ арестовать его и отправить въ Ригу, откуда, послѣ снятія съ него допроса въ канцеляріи генералъ-губернатора Броуна, отправили въ Петербургъ закованнымъ въ ручныя и ножныя желѣза. Оказалось, что арестантъ былъ кременчугскій купецъ Тимоѳей Курдиловъ, бѣжавшій по причинѣ долговъ. Какое понесъ онъ наказаніе, намъ неизвѣстно [1]).

Въ продолженіе нѣсколькихъ десятилѣтій послѣ катастрофы Іоанна, еще считали опаснымъ говорить о несчастномъ брауншвейгскомъ семействѣ. Тѣмъ лицамъ, которыя до 1780 года участвовали въ такъ называемой «Холмогорской Комиссіи», т. е. находились при принцахъ и принцессахъ Брауншвейгскихъ, было вмѣнено въ обязанность до гроба ни слова ни съ кѣмъ не говорить объ этихъ дѣлахъ. Когда историкъ Бантышъ-Каменскій, въ 1817 — 1819 гг., встрѣтился въ Полтавѣ съ находившимся въ Горзенсѣ при принцессахъ и принцахъ священникомъ, послѣдній затруднялся сообщать подробности о житьѣ-бытьѣ родственниковъ Іоанна Антоновича [2]).

[1]) «Осьмнадцатый вѣкъ», I, 460—465.
[2]) «Русская Старина», 1873, 68.

ГЛАВА III.

Павелъ и Петръ какъ претенденты.

С О ВРЕМЕНИ воцаренія Екатерины и до окончательнаго упроченія за нею престола прошло нѣсколько лѣтъ. Есть основаніе думать, что Даламберъ (d' Alembert), котораго Екатерина желала вызвать въ Россію въ качествѣ воспитателя Павла, не принялъ этого предложенія именно потому, что не считалъ царствованія Екатерины достаточно обезпеченнымъ [1]). Въ 1766 году, на Западѣ распространился слухъ, что императрицу отравили. Екатерина по этому поводу писала г-жѣ Бьельке: «Припишите это людямъ, у которыхъ противъ меня нѣтъ другого оружія кромѣ выдумыванія лжей. Впрочемъ, я чувствую себя очень хорошо» и пр.[2]).

Порою, вопросъ о правахъ Павла на престолъ служилъ предметомъ разсужденій въ средѣ иностранныхъ дипломатовъ. Англійскій посланникъ Ширлей писалъ въ 1768 году: «Въ Европѣ утвердилось предположеніе, будто бы съ той минуты, какъ великому князю исполнится шестнадцать лѣтъ, судьба императрицы невѣрна. Я всячески старался разсмотрѣть всѣ обстоятельства, которыя бы могли оправдать это мнѣніе, и я почти убѣжденъ, что, если не произойдетъ какого либо крупнаго переворота, непредви-

---

[1]) Соловьевъ, XXVI, 230.

[2]) «Сб. Ист. Общ.», X, 105.

дѣннаго для ума человѣческаго, и если она станетъ управлять точно такимъ же образомъ, какъ въ настоящую минуту, предположеніе такого рода совершенно неосновательно; ибо у великаго князя не достаетъ ни смѣлости, ни ума для того, чтобы идти противъ матери; слабость его характера равняется слабости его тѣлосложенія.» Преемникъ Ширлея, Каскартъ (Cathcart), писалъ, въ 1769 году, что можно считать вѣроятнымъ воцареніе Павла. Говоря о воспитаніи великаго князя Панинымъ, англійскій дипломатъ замѣчаетъ: «Я не сомнѣваюсь въ томъ, что все дѣло подготовлено и условлено ко времени его совершеннолѣтія, хотя подробности мнѣ неизвѣстны»[1]).

Осенью 1767 года Екатерина находилась въ Москвѣ. Разсказывали, что пріемъ, оказанный публикою императрицѣ, отличался холодностью, между тѣмъ какъ всюду обнаруживалось расположеніе къ великому князю. Ходили слухи о какомъ то покушеніи на жизнь Екатерины[2]).

Положеніе Орлова не переставало возбуждать неудовольствіе въ разныхъ гвардейскихъ кружкахъ. Еще въ самомъ началѣ турецкой войны, капитанъ кавалергардскаго полка Пановъ говорилъ о печальномъ положеніи народа: во всѣхъ мѣстахъ чувствуютъ неудовольствіе; война начата со вредомъ; выведены изъ государства деньги и переведены въ чужія государства милліоновъ съ восемь; Екатерина умна да упряма — на что наладить, то и дѣлаетъ, и кому ввѣрится, тому и вѣритъ; мнѣнія дворянъ презрѣны; вино отдала откупщикамъ, и они одни богатятся, и у многихъ бѣдныхъ дворянъ домы разоряютъ обысками, а нынѣ и совсѣмъ отнимаютъ деревни и пр. Пановъ далѣе указывалъ на то, что Панинъ съ Орловымъ неладно живутъ. Товарищъ Панова, Степановъ, спросилъ его: «Каковъ его высочество и принимаетъ ли графовъ?» Пановъ, похваля великаго князя, сказалъ: «Ему Никита Ивановичъ преподаетъ обо всемъ великое познаніе; а чтобъ Орловыхъ принимать хорошо, то ненатурально: они вѣдь и батюшку его уходили; дай-ка ему поправиться, такъ отольются волку коровьи слезы. Мщенія и нынѣ ожидать должно, потому что Панина партія превеликая и все что ни лучшенькіе.» Въ это время много толковали о наблюденіяхъ по поводу прохожденія Венеры, и одинъ изъ гвардейскихъ офицеровъ, Афанасьевъ, говорилъ: «Вотъ, какъ Венера-то пройдетъ, такъ что-нибудь Богъ

---

[1]) «Сб. Ист. Общ.», XII, 336, 431.

[2]) Castera, I, 252—253; Blum, «Ein russ. Staatsmann», I, 223. Bernhardi, II, 2, 228.

и сдѣлаетъ; она вѣдь уже даромъ не проходитъ». Премьеръ-майоръ Жилинъ говорилъ, «сколь надменны нынѣшніе господа Орловы и прочіе случайные люди противъ прежнихъ», причемъ хвалилъ Алексѣя Григорьевича Разумовскаго и Ивана Ивановича Шувалова.

Какъ видно, въ основаніи всѣхъ этихъ разговоровъ лежала ненависть къ Орловымъ. Мечтали о воцареніи Павла, какъ о средствѣ устранить вліяніе Орловыхъ. Однако, оказывалось, что не было «фундатора» для составленія заговора; къ тому же не знали, какъ приступить къ дѣлу безъ согласія великаго князя наслѣдника. Озеровъ говорилъ: «Народнаго отягощенія отвратить инымъ ничѣмъ не можно и добраго дождаться нечего, какъ только тѣмъ, что возвести надобно на престолъ его высочество, да та моя бѣда, что не могу до него дойти». Жилинъ, жалуясь на турецкую войну и пр., говорилъ также: «Надобно ее (Екатерину) съ престола свергнуть, а цесаревичъ уже въ лѣтахъ». Офицеры думали, что могли разсчитывать на содѣйствіе Кирилла Григорьевича Разумовскаго, на Румянцева и другихъ сановниковъ.

Все дѣло ограничивалось одними разговорами, но разговоры сдѣлались извѣстны, и для суда надъ Озеровымъ съ собесѣдниками назначена была комиссія изъ графа Никиты Ивановича Панина, генералъ-полицiймейстера Чичерина, Елагина и генералъ-прокурора кн. Вяземскаго, которые приговорили виновныхъ къ смерти; но Екатерина смягчила наказаніе ссылкою въ Сибирь и Камчатку. Но и тамъ продолжались разговоры о правахъ Павла на престолъ. Скоро нашелся и искатель приключеній, способный взять на себя роль «фундатора».

Нѣкто Беневскій, бѣжавшій изъ Венгріи и участвовавшій въ польскихъ смутахъ, въ 1768 году былъ взятъ въ плѣнъ русскими войсками и послѣ троекратнаго неудачнаго побѣга былъ сосланъ въ Камчатку. Здѣсь, въ Большерѣцкомъ острогѣ, находились и другіе политическіе преступники, напримѣръ, Турчаниновъ, мечтавшій, въ 1742 году, о покушеніи на жизнь императрицы Елизаветы, Гурьевъ, Хрущовъ и Батуринъ. Подъ предлогомъ дѣйствій въ пользу великаго князя Павла, былъ составленъ заговоръ, настоящею цѣлью котораго было освобожденіе арестантовъ-заговорщиковъ. Мѣстнымъ жителямъ они сказали, что страдаютъ за привязанность къ великому князю. Беневскій показывалъ зеленый бархатный конвертъ, будто бы за печатью великаго князя, съ письмомъ къ императору римскому о желаніи вступить въ бракъ съ его дочерью. Весною 1771 года, ссыльные произвели возстаніе: ночью убили Большерѣцкаго коменданта, Нилова, овладѣли казною,

Морицъ-Августъ Беневскій.

Съ гравированнаго портрета прошлаго столѣтія.

двумя пушками и всѣми военными припасами, и привели жителей къ присягѣ императору Павлу. 30 апрѣля, шайка отправилась внизъ до гавани Чекавинской; здѣсь ограбила магазинъ съ провіантомъ, захватила казенный галіотъ «Св. Петръ», приготовила его къ походу, водрузила на немъ знамя императора, назвалась «Собранною компаніею для имени его императорскаго величества Павла Петровича» и составила объявленіе Сенату, что Павелъ Петровичъ незаконно лишенъ престола, что польская разорительная война ведется единственно для пользы Понятовскаго, что промыслы виномъ и солью отданы на откупъ немногимъ, что отъ монастырей отобраны деревни на воспитаніе незаконнорожденныхъ и пр.

Скоро оказалось, что заговорщики не столько думали о Павлѣ, сколько о спасеніи бѣгствомъ. Они вышли въ море и имѣли разныя приключенія въ Японіи, въ Китаѣ и на берегахъ Тихаго Океана. Во время плаванія умерли Батуринъ, Турчаниновъ и др. Нѣкоторые члены «компаніи для Павла» были убиты во время сдѣланнаго ими нападенія на островъ Формозу. Беневскій въ 1772 году прибылъ съ нѣкоторыми товарищами во Францію; затѣмъ онъ основалъ колонію на Мадагаскарѣ, гдѣ впродолженіе нѣсколькихъ лѣтъ занималъ мѣсто правителя и въ 1786 году былъ тамъ убитъ въ схваткѣ съ французами. Русскіе товарищи Беневскаго, прибывъ въ 1772 году во Францію, обратились къ русскому резиденту въ Парижѣ, Хотинскому, съ просьбою исходатайствовать имъ прощеніе у государыни. Препровождая къ генералъ-прокурору письмо Хотинскаго, Екатерина писала (2 октября 1772 года): «Имъ отъ меня прощеніе обѣщаю, которое имъ и дать надлежитъ, ибо довольно за свои грѣхи наказаны были: видно, что Русакъ любитъ свою Русь, и надежда ихъ на меня и милосердіе мое не можетъ сердцу моему не быть чувствительна». Всѣ раскаявшіеся возвратились въ Россію и были распредѣлены въ сибирскіе города на свободное житье [1]).

Въ 1769 году, лекарь нарвскаго батальона Лебедевъ донесъ о странномъ политическомъ преступленіи: одинъ молодой офицеръ, Опочининъ, выдалъ себя за сына императрицы Елизаветы и англійскаго короля, будто 17 лѣтъ тому назадъ пріѣзжавшаго въ Россію, въ свитѣ англійскаго посольства. Далѣе Лебедевъ доносилъ, что около новаго года предположено схватить Екатерину въ то время, когда она будетъ ѣхать въ Царское Село, и постричь въ монастырь, а всѣхъ, кто около нея будетъ, перестрѣлять и пе-

[1]) Соловьевъ, «Исторія Россіи», XXIX, 181—185.

Наказаніе фухтелями въ XVIII столѣтіи.

Съ офорта прошлаго вѣка Гейслера.

реколоть. Опочининъ уговаривалъ Лебедева подписать присяжный листъ и для окончательнаго привлеченія его въ свою партію говорилъ: «Пропадаетъ Россія, да и пропадетъ! Государыня хочетъ раздѣлить государство на три части Орловымъ». Когда и это не подѣйствовало на доносителя, Опочининъ съ досадой заговорилъ: «Чего ты боишься! Вѣдь насъ есть человѣкъ тридцать и одинъ знатный человѣкъ. Еслибъ ты подписалъ присягу, то тебѣ прислали бы кавалерію... Наконецъ, настоящая государыня не императрица, а управительница; великій князь слабъ здоровьемъ, такъ что, можетъ статься, что и я буду императоромъ, потому что по родству имѣю право на это. Голштинія уже отдана мнѣ отъ великаго князя».

Разумѣется, Опочининъ былъ арестованъ и привезенъ въ Петербургъ. Здѣсь онъ показалъ, что корнетъ Батюшковъ внушилъ ему мысль о происхожденіи отъ императрицы Елизаветы и англійскаго короля, говоря о существованіи какихъ-то документовъ по этому дѣлу; Батюшковъ сказалъ далѣе Опочинину, что Елизавета подарила мнимымъ родителямъ Опочинина брильянтовый перстень цѣною въ 15.000 рублей, для воспитанія ея сына, и пр. Для допроса Батюшкова, находившагося въ своемъ имѣніи, былъ отправленъ оберъ-прокуроръ сената Всеволожскій, который, какъ кажется, при этомъ случаѣ употребилъ пытку. Оказалось, что между Батюшковымъ и Опочининымъ происходили самые нелѣпые разговоры. Опочининъ говорилъ Батюшкову, что хотятъ убить великаго князя Павла Петровича, что у него очень много недоброхотовъ, что государыня вѣнчана съ графомъ Орловымъ и т. п. Оба рѣшили, что имъ нужно отправиться въ Петербургъ, для сверженія съ престола Екатерины. И въ разговорѣ Батюшкова съ берейторомъ лейбъ-гвардіи Коннаго полка, Штейгерсомъ, была рѣчь о томъ, что всѣ пропадаютъ, все идетъ дурно; что государыня хочетъ выйдти замужъ за графа Орлова; что Орловы хотятъ убить Павла; что на это согласна и Екатерина; шла «рѣчь и о необходимости «зарѣзать» императрицу, и пр. Подсудимые объявили, впрочемъ, что говорили все это въ пьяномъ видѣ.

Опочининъ показалъ, что Батюшковъ уговаривалъ его быть «въ его партіи» и склонять къ тому другихъ, заставляя каждаго подписывать слѣдующій присяжный листъ: «Азъ нижеименованный обѣщаюсь и клянусь всемогущимъ Богомъ... въ томъ, чтобы быть вѣрну государю всероссійскому императору Павлу Петровичу, а нынѣшнему правленію быть противну, и за государя нашего не щадить послѣдней капли крови. Если же я сію присягу

пренебрегу, донеся, то желаю принять часть съ Іудою». «Я также,— показывалъ Опочининъ далѣе,— подписалъ этотъ листъ и по оному присягалъ вмѣстѣ съ Батюшковымъ, въ его домѣ, предъ престоломъ и Евангеліемъ. Потомъ сожгли подписанный присяжный листъ, пепелъ положили въ рюмку и, наливъ ее краснымъ виномъ, выпили пополамъ».

Изъ показаній Штейгерса узнали, что Батюшковъ говорилъ: «Вотъ де, когда цесаревичъ выростетъ, то вѣрно спроситъ, куда батюшку-то его дѣвали, и такъ-де Богъ Орловымъ за это заплатитъ»... Батюшковъ любилъ хвалить Павла, говоря, что «онъ уже въ лѣта приходитъ совершеннаго возраста, такъ лучше бы ему государствовать, нежели женщинѣ, для того, что женское правленіе не столь порядочно, да къ тому же государыня безъ совѣта другихъ ничего дѣлать не можетъ, а наипаче безъ графовъ Орловыхъ... мужчина всегда мужчина... государыня уже въ такихъ лѣтахъ, что пора и въ монастырь постричься, а цесаревичу де непремѣнно приспѣваетъ время къ принятію престола», и пр.

Таково было содержаніе разговоровъ молодыхъ офицеровъ, которые дорого поплатились за свое легкомысліе. Опочининъ и Батюшковъ были приговорены къ смертной казни, замѣненной ссылкою въ Сибирь. Батюшковъ пять лѣтъ былъ на каторгѣ; по воцареніи Павла его помиловали. Опочининъ до 1780 года оставался на Иртышской линіи; тогда только ему было дозволено возвратиться къ родственникамъ, въ имѣніи которыхъ онъ долженъ былъ оставаться безвыѣздно. Онъ умеръ въ 1781 году. Всѣмъ замѣшаннымъ въ этомъ дѣлѣ было вмѣнено въ долгъ хранить глубочайшее молчаніе о случившемся [1]).

Въ 1772 году, въ Петербургѣ производилось слѣдствіе по поводу слуховъ, распространявшихся въ гвардіи. Солдатъ Исаковъ разсказывалъ солдату Жихареву, что великаго князя хотятъ извести; «не будетъ ли, говорили солдаты, въ Петровъ день перемѣны. и не будетъ ли его высочество въ лагерь для принятія престола?» Жихаревъ пересказалъ объ этомъ солдату Карпову, Карповъ капралу Оловеникову, Оловениковъ подпоручику Селехову; которому прямо предложилъ возвести на престолъ великаго князя Павла Петровича, къ чему склонялъ солдатъ, во-первыхъ тѣмъ, что ихъ смертно бьютъ безъ вины, потомъ, что великаго князя извести хотятъ, наконецъ, что Орловъ хочетъ быть императоромъ. Два капрала и Селеховъ согласились содѣйствовать. Стали подговари-

[1]) См. статью А. Барсукова о Батюшковѣ и Опочининѣ въ «Др. и Нов. Россіи», 1878, III, 287—309.

вать другихъ, разсуждать, какъ вывезти великаго князя изъ Царскаго Села, что сдѣлать съ Екатериною: постричь ее, или оставить въ покоѣ. Оловениковъ и Селеховъ думали, что, если Павелъ Петровичъ не согласится принять престолъ, то убить его вмѣстѣ съ матерью, а народу сказать, будто Павла умертвила Екатерина, не любя его, и погибла въ отмщеніе; въ цари послѣ этого выбрать, кого солдаты захотятъ, причемъ Оловениковъ мечталъ о коронѣ и уже ссорился съ товарищами за будущее царство. Оловениковъ говорилъ, чтобы быть ему царемъ, Подгорневу—фельдцейхмейстеромъ, брату его—генералъ-прокуроромъ, Карпову—генералъ-адъютантомъ. На это Подгорневъ говорилъ: «Когда тебѣ можно царемъ быть, такъ и я буду». Потомъ толковали, что надобно выбрать въ цари герольдмейстера князя Щербатова, потому что онъ человѣкъ очень честный, умный и добрый.

Между солдатами ходили слухи, что хотятъ гвардію сдѣлать армейскими полками, а на мѣсто гвардіи хотятъ ввести гренадерскіе полки; далѣе, что графъ Орловъ поѣхалъ въ Фокшаны, чтобъ сдѣлаться молдавскимъ княземъ или и императоромъ. Гренадеры говорили: «Это вѣрно сбудется, а можетъ быть ему этого сдѣлать и не удастся, и мы его высочество поскорѣе императоромъ сдѣлаемъ». Солдаты рѣшили, чтобы черезъ Барятинскаго «развѣдать мысли его высочества», а затѣмъ увезти Павла въ полкъ, и пр. Нѣсколько солдатъ пошли къ камергеру, князю Барятинскому, и сообщили объ этихъ предположеніяхъ.

Началось слѣдствіе. И на этотъ разъ, какъ вообще при подобныхъ случаяхъ, Екатерина сама разбирала дѣло, просматривала протоколы допросовъ. 2-го іюня она писала Вяземскому: «Я нахожу, сія шайка такого роду, что, конечно, надлежитъ всѣхъ въ ней участіе имѣющихъ вывести въ наружу, дабы гвардію колико возможно на сей разъ вычистить и корень зла истребить, сохраняя всегда умѣренность и человѣколюбіе». Императрицу безпокоила мысль о толкахъ, которые могли возникнуть по поводу этого дѣла. Она поэтому писала Вяземскому: «Скажите Чичерину (генералъ-полиціймейстеру), что если по городу слышно будетъ, что многіе берутся и взяты солдаты подъ караулъ, то чтобъ онъ выдумалъ бы бредню и ее бы пропустилъ, чтобъ настоящую закрыть, или же и то сказать можно, что заврались». Императрицу поразила молодость людей, толковавшихъ о политическомъ переворотѣ. Старшему было 22 года. Всѣ они были наказаны тѣлесно и отправлены въ Сибирь [1]).

---

[1]) Соловьевъ, XXIV, 185—189.

Наказаніе плетью въ тайной канцеляріи въ концѣ XVIII столѣтія.

Съ акварели прошлаго вѣка Гейслера. (Изъ собранія П. Я. Дашкова).

Таковы были признаки неудовольствія и броженія въ средѣ военныхъ, признаки въ то же время нѣкотораго расположенія къ Павлу, ненависти къ Орлову и непріязни къ Екатеринѣ. Нельзя не замѣтить во всемъ этомъ вліяніе нѣсколько разъ повторявшихся и иногда удававшихся государственныхъ переворотовъ. Недовольные своимъ положеніемъ, роптавшіе на какія-нибудь правительственныя распоряженія считали бездѣлицею произвести перемѣну на престолѣ, и этимъ самымъ достигнуть для себя кое-какихъ выгодъ. Во всемъ этомъ обнаруживается сильный недостатокъ въ политическомъ образованіи массы народа. Распространяются самые нелѣпые слухи,—публика вѣритъ всему; рождаются самыя странныя мысли; составляются самые опасные политическіе заговоры, но почти всегда, какъ мы видѣли, такого рода эпизоды ограничиваются одною болтовнею; приступить къ дѣлу оказывается невозможнымъ: въ каждомъ данномъ случаѣ находятся доносчики, которые сообщаютъ куда слѣдуетъ о грозящей правительству опасности. Виновные наказаны и настоящихъ революціонныхъ дѣйствій не было. Однако, соперничество Павла, считавшагося многими кандидатомъ на престолъ, могло безпокоить императрицу. Толки о предстоявшемъ въ ближайшемъ будущемъ воцареніи великаго князя были вызваны подобными же обстоятельствами, при какихъ Екатерина вступила на престолъ.

Но кромѣ Павла существовалъ еще другой претендентъ: то былъ скончавшійся въ Ропшѣ императоръ Петръ III. Его самого не стало, но тѣнь его оставалась; имя его сдѣлалось знаменемъ революціи.

Появленіе самозванцевъ въ Россіи въ XVII и XVIII столѣтіяхъ не столько можетъ считаться цѣлымъ рядомъ преступленій отдѣльныхъ лицъ, сколько признакомъ общаго болѣзненнаго состоянія массъ. Весьма часто самозванцы не были вовсе первоначальными виновниками мысли разыгрывать роль претендентовъ, а дѣйствовали по внушеніямъ другихъ лицъ. Такъ, напримѣръ, какъ мы видѣли выше, корнетъ Батюшковъ убѣдилъ Опочинина въ томъ, что послѣдній былъ сыномъ Елизаветы Петровны и англійскаго короля; мысль выдавать себя за Петра III возникла не въ головѣ Пугачева, а была внушена ему другими лицами. Появленіе самозванцевъ между малороссійскими казаками было, такъ сказать, симптомомъ обще-патологическаго состоянія этого края. Не должно думать, чтобы приверженцы мнимыхъ царевичей, царей и императоровъ вѣрили въ подлинность претендентовъ. Толпа недовольныхъ нуждалась въ вожакахъ для мятежныхъ

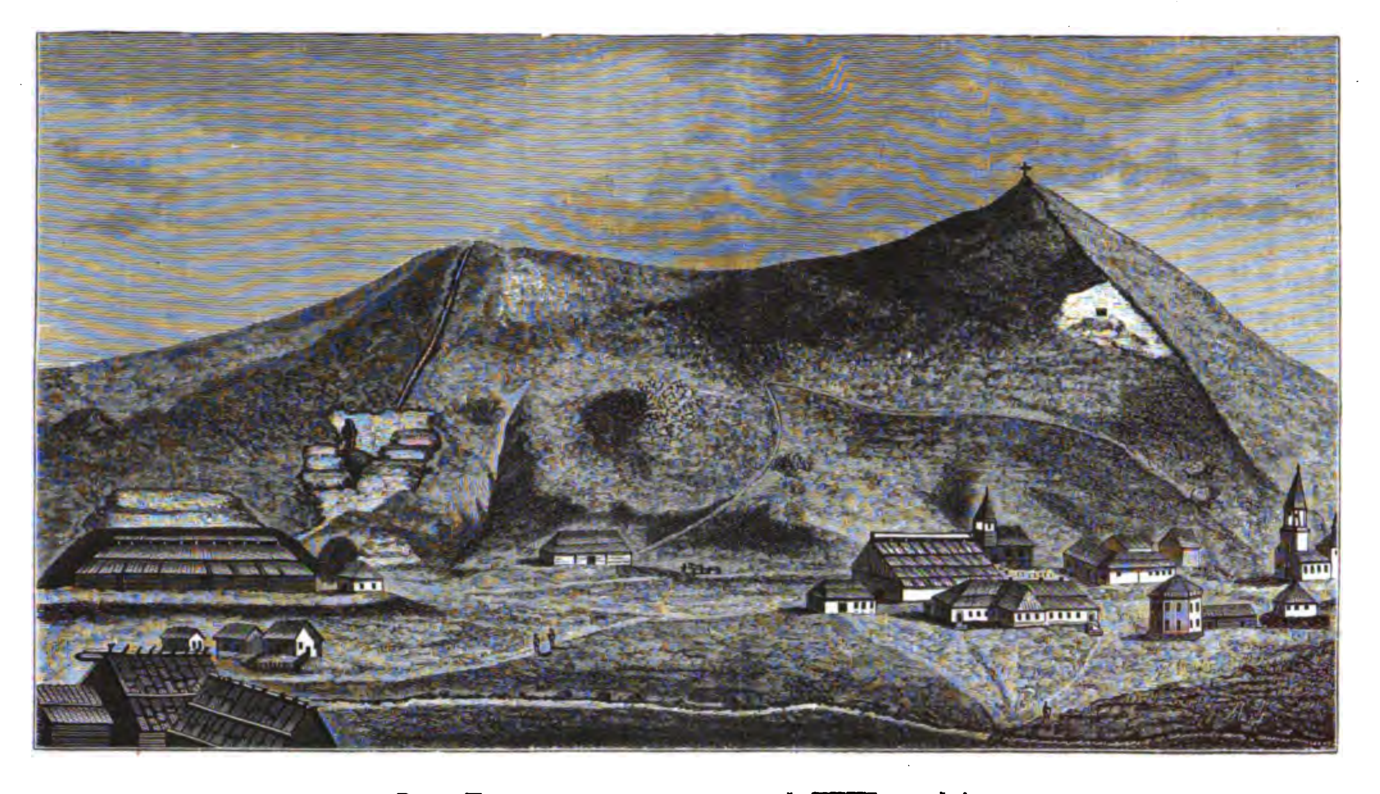
Вырѣзаніе ноздрей и клейменіе преступниковъ въ XVIII столѣтіи.

Съ акварели прошлаго вѣка Гейслера.

дѣйствій. Чѣмъ многочисленнѣе были угнетенные, тѣмъ легче распространялось извѣстіе о правахъ того или другого искателя приключеній на престолъ. Появленіе самозванцевъ почти всегда находится въ самой тѣсной связи съ надеждою низшихъ классовъ народа поправить свое положеніе. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ не было вовсе личности самозванца, которую замѣнялъ лишь слухъ о существованіи той или другой особы, права которой могли внушить мысль о бунтѣ. При Стенькѣ Разинѣ не было вовсе лица, которое выдавало себя за бывшаго патріарха Никона, однако указывали народу на судно, на которомъ будто находился Никонъ. Поляки въ XVII вѣкѣ не разъ грозили русскимъ появленіемъ самозванцевъ, разсчитывая на то, что всегда окажется возможнымъ найдти лицъ, готовыхъ взять на себя роль претендента.

Число Лжепетровъ было весьма значительно. Появленіе ихъ объясняется не столько убѣжденіемъ въ законности правъ Петра на престолъ, сколько надеждою посредствомъ смуты избавиться отъ строгаго начальства, поживиться на общій счетъ, достигнуть нѣкоторыхъ выгодъ. Смѣльчаки, выдававшіе себя за Петра III, въ сущности не отличались отъ простыхъ предводителей разбойническихъ шаекъ. И тѣ и другіе жгли, грабили, убивали представителей власти и пр. И у тѣхъ и у другихъ не было политической программы. Отчаянное положеніе, въ которомъ находилась масса народа, заставляло весьма многихъ примыкать къ шайкамъ анархистовъ, независимо отъ того обстоятельства, стоялъ ли во главѣ бунта обыкновенный атаманъ, или какой нибудь мнимый Іоаннъ Антоновичъ, или Алексѣй Петровичъ, или Петръ Ѳеодоровичъ. Когда, однажды, появилась послѣ Пугачева шайка разбойниковъ подъ предводительствомъ Заметаева, Суворовъ, которому было поручено принять мѣры противъ бунтовщиковъ, распорядился, чтобы узнали при случаѣ, выдаетъ ли Заметаевъ себя за Петра, или нѣтъ. Между дѣйствіями самозванца Пугачева и неистовствомъ простыхъ атамановъ, каковы были около того же времени Кулага, Брагинъ и др., нѣтъ существенной разницы.

Разумѣется, бывали случаи самозванства, въ которыхъ можно видѣть преступную выдумку отдѣльныхъ лицъ. Таковы, напримѣръ, эпизодъ съ такъ называемою княжною Таракановою, появленіе Лжеіоанна въ 1788 году въ Митавѣ и т. п. Вообще же самозванство оказывается результатомъ общаго броженія, несноснаго положенія массы народа, коллективнымъ преступленіемъ черни. Въ продолженіе XVII и XVIII столѣтій было нѣсколько десятковъ случаевъ появленія самозванцевъ. Порою при этомъ значительная

Видъ Нерчинскаго завода въ концѣ XVIII столѣтія.
Съ рисунка, сдѣланнаго съ натуры въ прошломъ вѣкѣ оберъ-бергъ-гешвореномъ Н. Васильевымъ. (Изъ собранія П. Я. Дашкова).

часть государства приходила въ движеніе. Цѣлыми тысячами и десятками тысячъ народъ участвовалъ въ мятежѣ. Мятежникамъ сочувствовали низшіе слои общества во всей имперіи. Понятно, что казнь самозванцевъ и ихъ главныхъ товарищей не могла помочь злу. Болѣзненное состояніе общественнаго организма требовало коренныхъ реформъ. Леченіе однихъ симптомовъ болѣзни не могло имѣть успѣха.

Впрочемъ, нельзя не допустить, что ненормальныя перемѣны на престолѣ, государственные перевороты, въ родѣ событій 1741 и 1762 годовъ, печальные эпизоды въ родѣ тѣхъ, которые совершились въ Ропшѣ въ 1762 г., въ Шлиссельбургѣ въ 1764 году, споспѣшествовали безпорядкамъ, происходившимъ въ народѣ. Такіе случаи не могли не подѣйствовать сильно на воображеніе толпы, и безъ того склонной къ мятежнымъ дѣйствіямъ, готовой бороться съ правительствомъ и крайне недовольной своимъ положеніемъ.

Важнѣйшимъ изъ такихъ случаевъ была Пугачевщина, исторія которой будетъ изложена въ слѣдующей главѣ. Пока мы укажемъ на менѣе важные примѣры самозванства, случившіеся около этого же времени.

Въ народѣ не вѣрили извѣстію о кончинѣ Петра III. Молдавскаго гусарскаго полка прапорщикъ Войновичъ показалъ, что 7 сентября 1762 г., въ бытность его въ крѣпости св. Елизаветы, зашелъ онъ въ квартиру подполковника Ездемировича, который говорилъ: «Былъ у меня вчера Мельгунова камердинеръ Иванушка и сказывалъ: у Мельгунова въ гостяхъ былъ маіоръ гвардіи Рославлевъ и съ Мельгуновымъ говорилъ, что бывшій императоръ живъ и посланъ въ Шлюшинъ (Шлиссельбургъ), и для того его послали, что Орловъ хочетъ съ государынею вѣнчаться»[1]).

Ходили слухи, что бывшій императоръ Петръ III содержится арестантомъ въ Ригѣ, гдѣ имѣетъ надзоръ надъ нимъ генералъ-губернаторъ Броунъ[2]).

Въ 1765 году, на украйнахъ, солдатъ Гаврила Кремневъ, бѣжавшій изъ полка, подговорилъ двоихъ крестьянъ, ѣздилъ по разнымъ селамъ и деревнямъ Воронежской губерніи, разглашалъ, что онъ капитанъ, посланъ съ указомъ, будто куреніе вина запрещено, сбора подушныхъ денегъ и рекрутчины не будетъ на 12 лѣтъ, и, наконецъ, назвался государемъ Петромъ III. Главнымъ помощникомъ его былъ попъ Левъ Евдокимовъ, который сначала воз-

---

[1]) Соловьевъ, XXV, 261.
[2]) Blum, «Ein russicher Staatsmann», II, 457.

ражалъ ему, что Петръ III скончался, и Кремневъ отвѣчалъ: «тогда умеръ солдатъ». Евдокимовъ сталъ утверждать, что, будучи придворнымъ пѣвчимъ, видѣлъ Петра Ѳеодоровича и маленькаго на рукахъ нашивалъ [1]). Кромѣ Евдокимова, Кремневу помогали: отставной сержантъ Петровъ, капралъ Григорьевъ, дьячекъ Антонъ Поповъ: они согласились привести однодворцевъ къ присягѣ и ѣхать въ Воронежъ, откуда послать въ Москву и Петербургъ съ извѣстіемъ, будто проявился государь, а за тѣмъ самимъ ѣхать въ обѣ столицы. Бѣглыхъ крестьянъ Кремневъ называлъ генералами—одного Румянцевымъ, а другого Пушкинымъ. Вскорѣ всѣ преступники были арестованы. Императрица увидала изъ дѣла, что «преступленіе Кремнева произошло безъ всякаго съ разумомъ и смысломъ соображенія, а единственно отъ пьянства, буйства и невѣжества, что дальнѣйшихъ и опасныхъ видовъ и намѣреній не крылось». Раздѣливъ всѣхъ виновныхъ на двадцать двѣ категоріи, императрица смягчила наказаніе всѣмъ и освободила Кремнева отъ смертной казни. Его сѣкли кнутомъ во всѣхъ тѣхъ селахъ, гдѣ онъ о себѣ разглашалъ, привязавъ на груди доску съ надписью: «бѣглецъ и самозванецъ», потомъ выжгли на лбу начальныя буквы этихъ словъ и сослали въ Нерчинскъ, на вѣчную работу.

Били плетьми и сослали въ Нерчинскъ армянина Асланбекова, схваченнаго съ фальшивымъ паспортомъ и объявившаго себя также Петромъ III.

Бѣглый солдатъ Левъ Евдокимовъ, проживавшій у раскольниковъ, назвался Петромъ II.

Брянскаго полка бѣглый солдатъ Петръ Ѳедоровъ Чернышевъ, въ слободѣ Купянкѣ, Изюмской провинціи, сталъ разглашать о себѣ, что онъ бывшій государь Петръ Ѳеодоровичъ; ему повѣрилъ попъ слободы Купянки, Семенъ Иванецкій, по желанію Чернышева служилъ всенощную и молебенъ, поминая его на ектеніяхъ императоромъ. На допросѣ Чернышевъ показалъ, что онъ однодворецъ, женатъ, имѣетъ маленькаго сына Павла; важное названіе выговорилъ безъ всякаго намѣренія, а единственно потому, что въ разныя времена, будучи въ кабакахъ и шинкахъ, между незнакомыми людьми слыхалъ въ разговорахъ о бывшемъ императорѣ; говорили разное: иной, что онъ дѣйствительно преставился, а иной, что еще живъ. Обоихъ преступниковъ высѣкли кнутомъ и сослали въ Нерчинскъ—Иванецкаго на житье, а Чер-

[1]) Въ народѣ, какъ видно, не знали, что Петръ родился и воспитывался за границею.

нышева въ работу. Главный командиръ нерчинскихъ заводовъ, генералъ-маіоръ Суворовъ, прислалъ донесеніе, что Чернышевъ и тамъ разглашаетъ о себѣ то же самое, чему нѣкоторые изъ тамошнихъ жителей повѣрили и давали ему много подарковъ [1]).

Около этого же времени, казакъ Каменьщиковъ, до того нѣсколько разъ наказанный за разныя преступленія, бѣжалъ изъ тюрьмы и между крестьянами, терпѣвшими притѣсненія отъ своихъ господъ, въ Исецкой провинціи, разглашалъ, будто императоръ Петръ III живъ и находится въ Троицкой крѣпости. Взятый къ допросу, Каменьщиковъ показалъ, что разглашалъ о Петрѣ III по увѣренію казака Конона Бѣлянина. Каменьщикова приговорили къ жестокому наказанію кнутомъ, вырѣзанію ноздрей и ссылкѣ на Нерчинскіе заводы въ тягчайшую работу на вѣки. Бѣлянина за его выдумку высѣкли плетьми [2]).

Тотъ самый Батуринъ, который въ 1749 году хотѣлъ возвести на престолъ Петра Θеодоровича и съ тѣхъ поръ содержался въ Шлиссельбургской крѣпости, утверждалъ въ 1768 году, въ разговорахъ съ дежурными солдатами, что Петръ живъ, находится въ чужихъ краяхъ и вернется въ Россію черезъ годъ или два. Мало того: онъ написалъ письмо къ Петру, которое передалъ одному изъ сторожившихъ его солдатъ. Случайно все это дошло до свѣдѣнія правительства. Оказалось, что нѣкоторые солдаты повѣрили нелѣпымъ баснямъ полупомѣшаннаго арестанта. Его приговорили къ вѣчной каторжной работѣ въ Камчаткѣ, гдѣ онъ, какъ мы видѣли выше, участвовалъ въ предпріятіи Беневскаго [3]).

Въ 1769 году, бѣглый солдатъ Мамыкинъ, на дорогѣ въ Астрахань, разглашалъ, что Петръ III живъ, приметъ опять царство и будетъ льготить крестьянъ [4]).

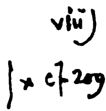
Всѣ эти эпизоды оказались маловажными лишь потому, что правительство скоро узнавало о безпорядкахъ и могло распорядиться объ арестованіи виновныхъ, такъ что зло не принимало большихъ размѣровъ. Зато подобные случаи въ болѣе отдаленныхъ частяхъ государства, ускользая нѣкоторое время отъ вниманія правительства, могли сдѣлаться чрезвычайно опасными. Особенно на юго-востокѣ, гдѣ было много горючаго матеріала,

---

[1]) Соловьевъ, XXVI, 155.
[2]) Тамъ-же, XXVII, 21—24.
[3]) «Др. и Нов. Россія», 1875, I, 182—284.
[4]) Соловьевъ, XXVII, 161.

слухи о появленіи Петра могли сильно повліять на воображеніе народа.

За годъ до появленія Пугачева, именно въ этихъ мѣстахъ появился бѣглый казакъ, выдававшій себя за Петра III. Другой находившійся при немъ казакъ игралъ роль статсъ-секретаря. Они сообщили о своемъ предпріятіи другимъ казакамъ. Всѣ рѣшили, что нужно отправиться къ городу Дубовкѣ, тамъ провоз-

Колодникъ въъ Екатерининское время.
Съ офорта прошлаго столѣтія Дальстена.

гласить самозванца императоромъ и арестовать всѣхъ офицеровъ. Одному изъ офицеровъ, однако, удалось смѣлостью и рѣшимостью уничтожить въ корнѣ умыслы бунтовщиковъ. Онъ вошелъ въ ту избу, въ которой находился самозванецъ, ударилъ его въ лицо и приказалъ присутствовавшимъ связать его. Казаки послушались. И мнимый статсъ-секретарь былъ арестованъ безъ всякаго препятствія. Началось слѣдствіе, продолжавшееся нѣсколько мѣсяцевъ. Оказалось, что число причастныхъ къ дѣлу лицъ было

весьма значительно. Въ Царицынѣ, куда повезли подсудимыхъ, многіе жители были убѣждены въ томъ, что главный арестантъ былъ настоящій императоръ Петръ III. Нужно было принять мѣры для избѣжанія опасности, которая грозила конвою со стороны жителей Царицына. Арестантовъ ночью, тайкомъ, вывезли изъ города, причемъ была усилена стража. Оказалось, что преступники разсчитывали на освобожденіе въ увѣренности, что народъ нападетъ на конвой. То обстоятельство, что самозванецъ умеръ вскорѣ послѣ этого, во время слѣдствія, и что въ народѣ не знали, куда онъ дѣвался, споспѣшествовало успѣху Пугачева, появившагося немного позже [1]).

И во время Пугачевщины, и послѣ подавленія мятежа, постоянно повторялись случаи самозванства.

Въ 1774 году, былъ приговоренъ къ жестокому наказанію нѣкто Ѳома Мосягинъ, пытавшійся было играть роль Петра III [2]). Въ томъ же году, нѣкто Метелка также выдавалъ себя за бывшаго императора [3]). Въ 1776 году, одинъ крестьянинъ, Сергѣевъ, назвалъ себя Петромъ III. Онъ собралъ около себя шайку, имѣвшую цѣлью грабить и разорять помѣщичьи дома. Воронежскій губернаторъ Потаповъ, наконецъ, велѣлъ арестовать бунтовщиковъ; ихъ было уже 96. Слѣдственное дѣло, относящееся къ этому случаю, сохранилось лишь отчасти [4]).

Въ 1778 году, Царицынскаго 2-го баталіона солдатъ, Яковъ Дмитріевъ, пьяный, въ банѣ, болталъ своимъ товарищамъ слѣдующее: «Въ Крымскихъ степяхъ находится съ арміею бывшій третій императоръ Петръ Ѳеодоровичъ, который прежде сего содержался подъ карауломъ, откуда и выкраденъ донскими казаками; при немъ предводительствуетъ тою арміею Желѣзный Лобъ, противъ котораго уже и сраженіе съ нашей стороны было, гдѣ и побито двѣ дивизіи, и мы его какъ отца ожидаемъ; а на границѣ стоитъ съ войскомъ Петръ Александровичъ Румянцовъ и противъ его не обороняетъ, а сказываетъ, что онъ ни съ которой стороны защищать не хочетъ». Солдату Дмитріеву былъ пристрастный допросъ, т. е. его били батогами; онъ сознался, что слышалъ это на улицѣ, отъ неизвѣстныхъ людей. Императрица утвердила докладъ генералъ-прокурора кн. Вяземскаго,

---

[1]) «Русская Старина», II, 125.
[2]) «Сб. Ист. Общ.», VI, 141.
[3]) Тамъ-же, XXVII, 17.
[4]) Ковалевскій, «Жизнь Блудова». Спб. 1865. Приложенія.

въ которомъ было сказано, что всѣ слова говорены были солдатомъ Дмитріевымъ по самому его невѣжеству, купно и въ пьянствѣ, и самыя говоренныя имъ слова, какъ они суть пустыя и вымышленныя, достойны совершеннаго презрѣнія; за таковое произнесенное имъ вранье вмѣнить ему въ наказаніе произведенное при слѣдствіи битье батогами, изъ подъ караулу освободить и принять на службу попрежнему [1]).

Въ 1780 году, нѣкто Ханинъ, въ низовьяхъ Волги, старался распространить слухъ, что извѣстіе о казни Пугачева ложно; Ханинъ выдавалъ себя за Пугачева, въ которомъ народъ видѣлъ императора Петра III. Многіе повѣрили баснѣ Ханина; число его приверженцевъ росло быстро; между ними были крестьяне, сельскіе священники и проч. Впрочемъ, Ханинъ былъ скоро арестованъ [2]).

Въ какой степени правительство привыкло къ подобнымъ явленіямъ, видно изъ слѣдующаго случая. Когда, осенью 1790 года, въ Петербургѣ было получено извѣстіе о происшедшей въ Стокгольмѣ казни Гестешо, бывшаго однимъ изъ главныхъ виновниковъ конфедераціи въ Аньяла, Екатерина была чрезвычайно недовольна и поручила барону Игельстрёму выразить шведскому посланнику, фельдмаршалу Стединку, ея неудовольствіе. Стединкъ въ тотъ самый день писалъ къ королю, что Игельстрёмъ былъ у него и выразилъ отъ имени Екатерины удивленіе и печаль по поводу казни Гестешо. Игельстрёмъ, въ разговорѣ съ Стединкомъ, замѣтилъ при этомъ случаѣ, что во ввѣренной ему Оренбургской губерніи появилось не менѣе трехъ самозванцевъ, выдававшихъ себя за императора Петра III, и что изъ нихъ ни одинъ не былъ казненъ [3]).

Можно считать вѣроятнымъ, что далеко не всѣ случаи самозванства сдѣлались извѣстными. Частое повтореніе ихъ заключаетъ въ себѣ доказательство, что въ массѣ народа было сильное расположеніе къ подобнымъ безпорядкамъ; столь ужасающіе размѣры самозванства объясняются лишь повсемѣстнымъ неудовольствіемъ народа. Борьба правительства съ такого рода противниками не прекращалась.

Менѣе важнымъ и опаснымъ было появленіе Лжепетровъ за границею. Уже въ 1767 году, въ Черногоріи распространился

[1]) «Русскій Архивъ» 1878, II, 472.

[2]) См. соч. Мордовцева: «Самозванцы и понизовая вольница». Спб. 1867.

[3]) Stedingk, «Mémoires posthumes». Paris, 1844, I, 386.

слухъ о томъ, что Петръ III живъ и что можно ожидать появленія его съ цѣлью освободить всѣ славянскія племена отъ турецкаго ига и соединить ихъ въ одно государство. Въ сентябрѣ тамъ появился Степанъ Малый, выдававшій себя за Петра III. Екатерина безпокоилась, ожидая, что этимъ самозванцемъ будутъ отправлены эмиссары въ Россію [1]), однако онъ не сдѣлался опаснымъ Россіи, и его исторія собственно выходитъ изъ рамки нашего предмета. Въ Черногоріи же, въ 1773 году, явился нѣкто Зеновичъ, также выдававшій себя за Петра III. Онъ впослѣдствіи находился въ Польшѣ [2]). Въ томъ же году, графъ Мочениго писалъ съ острова Занте о появленіи въ турецкой провинціи Албаніи, близь города Арты, искателя приключеній, назвавшаго себя Петромъ III. Однако, мы не имѣемъ дальнѣйшихъ свѣдѣній объ этомъ эпизодѣ [3]).

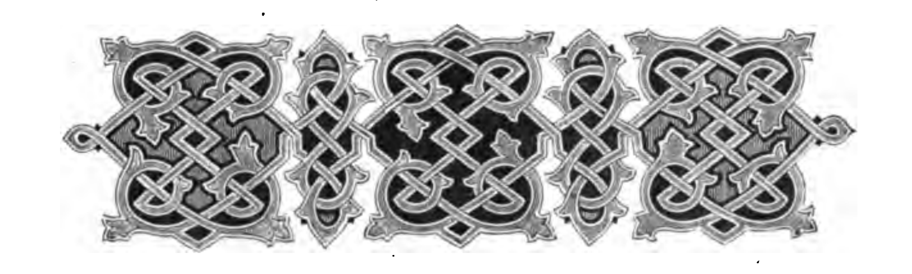
Случаи появленія за границею самозванцевъ не могли представлять собою особенной опасности для государства. Значеніе Лжепетровъ, появившихся въ Россіи, напротивъ, заключалось въ ихъ связи съ безчисленною толпою недовольныхъ: они были представителями открытаго бунта, соціальной революціи.

[1]) «Осьмнадцатый вѣкъ», III, 193 — 197. «О Степанѣ Маломъ», см. сочин. Мордовцева, I, 1—58. «Сб. Ист. Общ.», I, 16. Соловьева, XXVIII, 44—53.

[2]) «Русская Старина», XVIII, 90.

[3]) «Архивъ Госуд. Совѣта», Спб., 1869, I, 389.

ГЛАВА IV.

Пугачевщина.

Императоръ Іоаннъ Антоновичъ не могъ быть опаснымъ соперникомъ Екатеринѣ. Болтовня о правахъ Павла на престолъ не имѣла особеннаго значенія. Лжепетры сами по себѣ были ничтожными противниками императрицы. Настоящихъ политическихъ партій не существовало. Лица, недовольныя новымъ правительствомъ, въ своей же средѣ находили антагонистовъ, способныхъ останавливать ихъ попытки, направленныя противъ Екатерины. Гибели Арсенія Мацѣевича содѣйствовали Сѣченовъ и Синодъ. Бунтовщики между офицерами и солдатами дѣлались часто жертвами доносовъ своихъ товарищей.

Гораздо опаснѣе была толпа, чернь, масса народа, раздраженная недостатками въ государственномъ организмѣ, испорченностью бюрократіи, нарушеніемъ человѣческихъ правъ со стороны сильныхъ и богатыхъ. Настала эпоха отчаяннаго кризиса. Пугачевщина могла превратить имперію, созданную по образцамъ западно-европейскаго политическаго міра, въ казацкое царство; стихійный натискъ полу-азіатскихъ элементовъ въ народѣ могъ уничтожить дворъ, отличавшійся утонченностью нравовъ и находившійся въ тѣсной связи съ знаменитыми представителями вѣка просвѣщенія на западѣ. Юговостокъ имперіи на нѣкоторое

время сдѣлался театромъ мужицкой войны, въ которую легко могли быть вовлечены и центральныя губерніи, и обѣ столицы. Всѣмъ грозила опасность охлократіи.

То обстоятельство, что Пугачевъ выдавалъ себя за Петра III, не имѣло особеннаго значенія, было какъ бы случайнымъ. Вопросъ о правѣ на престолъ оставался на заднемъ планѣ. Пугачевщина являлась, главнымъ образомъ, протестомъ противъ крѣпостного права, противъ продажности чиновниковъ, злоупотребленій представителей власти. Екатерина неизбѣжно была вовлечена въ эту борьбу, происходившую между высшими слоями общества и чернью, между казацкимъ элементомъ въ народѣ и правительствомъ, начальствомъ. Толпа не знала стремленій императрицы къ прогрессу, ея искренняго желанія принести пользу государству и народу. На ней, какъ на представительницѣ власти, лежала тяжелая отвѣтственность. На нее были направлены упреки за плачевное положеніе, въ которомъ находились низшіе классы общества, за страданія народа во время польской и турецкой войнъ, за продажность подъячихъ, за жестокость офицеровъ, и пр. Такимъ образомъ, имя Петра III, противника Екатерины, сдѣлалось символомъ возстанія, паролемъ въ дѣйствіяхъ мятежниковъ. Однако, цѣлью бунта не было и не могло быть воцареніе Петра III. Эти шайки, объявившія войну всему, что походило на власть, силу, богатство и авторитетъ, вообще отрицали необходимость государственнаго устройства, проповѣдовали анархію, полнѣйшую необузданность, варварство.

Настала пора страннаго поединка между императрицею и Пугачевымъ. Ученицѣ литературы просвѣщенія, представительницѣ идей человѣческаго развитія, цивилизаціи и космополитизма, приходилось бороться съ неистовымъ, пьянымъ казакомъ. То была борьба между Европою и Азіею. Съ одной стороны, сложная политическая программа, соотвѣтствовавшая идеаламъ Монтескьё, Вольтера, Беккарія, съ другой — полное отрицаніе пользы законодательства и администраціи вообще. Съ одной стороны, умъ и образованіе, являвшіеся богатымъ наслѣдствомъ многихъ столѣтій, чувство долга и отвѣтственности предъ современниками и потомствомъ, съ другой — порывы страсти полудикаря, не чуявшаго значенія общечеловѣческаго развитія, преданнаго минутному наслажденію, слѣдовавшаго звѣрскимъ инстинктамъ. Какъ прежде царь Алексѣй въ борьбѣ съ Разинымъ, Петръ Великій въ походахъ противъ стрѣльцовъ, раскольниковъ и Булавина, сражались успѣшно подъ знаменемъ общечеловѣческой цивилизаціи, западно-европейскихъ

пріемовъ общежитія, точно также и Екатерина должна была оказаться сильнѣе громадныхъ разбойническихъ шаекъ, представителей анархіи, грабителей и убійцъ, какъ-то случайно и временно собравшихся подъ знаменемъ мнимаго Петра.

Побѣда была дорого куплена. Значительная часть имперіи долго страдала отъ послѣдствій отчаянной борьбы между властью и анархіею. Принесенныя жертвы окупались развѣ отчасти урокомъ для правительства, которое при этомъ случаѣ ознакомилось съ разными недостатками государственнаго организма. Время успѣховъ Пугачева — отъ сентября 1773 до осени 1774 года — было самымъ тяжелымъ годомъ всего царствованія Екатерины. Она любила своею дѣятельностью въ области политики, успѣхами въ администраціи и законодательствѣ, обращать на себя вниманіе современниковъ; ее хвалили за политическую мудрость, за материнское отношеніе къ народу; теперь же она дожила до того, что тотъ самый народъ, который она думала осчастливить результатами своей политической дѣятельности, подвергнулъ самой строгой критикѣ образъ дѣйствій правительства; оказалось, что всѣ громогласныя теоріи объ исполненіи обязанностей государя и объ общемъ благѣ далеко не соотвѣтствовали дѣйствительности. «Мать отечества» не успѣла пріобрѣсти любви своихъ чадъ. Послѣ столь ужаснаго потрясенія, произведеннаго Пугачевщиной, было какъ-то неловко говорить о благосостояніи имперіи, о народномъ счастьѣ и богатствѣ; оптимизмъ императрицы, любившей восхвалять быстрые успѣхи Россіи, въ виду страшнаго кризиса 1773—74 годовъ, могъ легко производить впечатлѣніе пустой фразы. Прибавимъ, что кроткой и человѣколюбивой государынѣ приходилось наказывать, и наказывать чрезвычайно строго. Слѣдуя до тѣхъ поръ правиламъ Беккарія, вооружаясь противъ ужасовъ пытки и смертной казни, она теперь должна была допустить широкую дѣятельность палачей; въ лагерѣ ея противниковъ сѣкира, висѣлица и кнутъ играли важнѣйшую роль. Въ борьбѣ съ ними терроръ былъ дѣломъ необходимости. Напрасно Екатерина во все это время не переставала говорить и писать въ пользу кроткаго обращенія съ бунтовщиками; диктаторы-воеводы, боровшіеся съ Пугачевщиною, не могли обойтись безъ крутыхъ мѣръ, жестокихъ наказаній. Не даромъ государыня, столь высоко цѣнившая общее мнѣніе въ отношеніи къ ея исторической роли, дорожившая одобреніемъ современниковъ, во время Пугачевщины неоднократно жаловалась на то, что эти печальныя событія, неистовый образъ дѣйствій мятежниковъ, раздоръ въ имперіи, страшный разладъ

между властью и подданными, должны произвести самое неблагопріятное впечатлѣніе на всѣхъ и каждаго. Старанія Екатерины въ письмахъ къ разнымъ современникамъ придавать Пугачевщинѣ значеніе маловажнаго эпизода не имѣли успѣха. Современники сознавали, что всему государству и обществу грозила ужасная опасность, что при громадныхъ размѣрахъ и глубокомъ значеніи бунта, все въ Россіи становилось вопросомъ.

Успѣхи въ области внѣшней политики доставили Екатеринѣ еще до Пугачевщины громкую славу. Расширеніе предѣловъ государства, пріобрѣтеніе вѣса въ Европѣ, побѣды надъ турками и поляками — все это оказалось дѣломъ не труднымъ въ сравненіи съ проведеніемъ внутреннихъ реформъ, съ достиженіемъ опредѣленныхъ цѣлей путемъ законодательства и администраціи; заботиться о благосостояніи народа, примирить враждебные другъ другу классы общества, превратить полу-азіатскіе элементы народа въ организмъ, руководствуемый началами западно-европейской культуры — всѣ эти задачи были не по силамъ правительству, столь легко пріобрѣвшему въ ряду государствъ значеніе первоклассной державы и безъ труда измѣнившему характеръ двора и высшаго слоя общества по образцамъ другихъ государствъ и народовъ. Пугачевщина заключала въ себѣ доказательство громадной разницы между быстрымъ развитіемъ меньшинства русскихъ, находившихся въ соприкосновеніи съ Западомъ, и громаднымъ большинствомъ, оставшимся, такъ сказать, внѣ историческаго движенія и развитія и коснѣвшаго въ воззрѣніяхъ и пріемахъ прежнихъ столѣтій.

При всей централизаціи, при сильно развитой бюрократической опекѣ, вліяніе власти на массу народа оказывается ничтожнымъ. Вотъ почему и основы государственнаго строя остаются шаткими. Отсутствіемъ связи и взаимности между правительствомъ и народомъ объясняется главнымъ образомъ возможность, необходимость того кризиса, которому подверглась Россія въ эпоху царствованія Екатерины.

Напрасно иногда Пугачевщину называли лишь казацкимъ бунтомъ, напрасно хотѣли видѣть въ этомъ событіи дѣйствіе какой-то придворной интриги, напрасно объясняли этотъ взрывъ заговоромъ, составленнымъ поляками. Нужно искать корни этого явленія гораздо глубже. То былъ антагонизмъ между стремившимся впередъ государствомъ и застоемъ въ народѣ, борьба между пролетаріатомъ и собственностью, протестъ противъ безвыходнаго положенія крѣпостныхъ крестьянъ, противъ отсутствія

Видъ Казани въ концѣ XVIII столѣтія,

Съ гравюры того времени Н. Саблина.

равноправности. Если вспомнимъ, что въ то же самое время писатели какъ Дидро, поэты какъ Державинъ, восхваляли благоденствіе Россіи, райское существованіе подданныхъ Екатерины, то это обстоятельство не мало усиливаетъ впечатлѣніе, производимое ужасами этой эпохи на современниковъ и на потомство.

Все выступило наружу: печальное положеніе крестьянъ, отсутствіе терпимости въ обращеніи съ раскольниками, несносное для народа бремя военной организаціи, суровое отношеніе представителей власти къ инородцамъ, жестокость суда и расправы, произволъ и продажность служащихъ, несостоятельность полиціи и чиновнаго люда и непрочность бюрократическаго механизма. Всѣмъ этимъ вмѣстѣ объясняются громадные размѣры, которые приняло народное движеніе, вся важность кризиса, разразившагося надъ Россіею.

Уже въ послѣднее время царствованія Елизаветы и при Петрѣ III, въ разныхъ мѣстахъ имперіи происходили волненія крестьянъ, которыя продолжались и въ первые годы царствованія Екатерины. Особенное значеніе имѣли бунты заводскихъ крестьянъ, а также безпорядки, происходившія въ духовныхъ имѣніяхъ. То обстоятельство, что Петръ III, принявшись за секуляризацію монастырскихъ имѣній, тѣмъ самымъ улучшилъ положеніе крестьянъ, на нихъ проживавшихъ, а также мѣры въ пользу раскольниковъ, содѣйствовали нѣкоторому расположенію въ массахъ къ памяти этого государя. Напротивъ, Екатерина, въ виду народныхъ возстаній встрѣтившая необходимость объявить, что всѣ слухи о предстоявшемъ будто освобожденіи крестьянъ лишены основанія и что помѣщики должны оставаться при прежнихъ своихъ правахъ и привилегіяхъ, навлекла на себя негодованіе низшихъ классовъ народа. Мѣры, принятыя къ улучшенію быта крестьянъ, къ защитѣ ихъ противъ произвола помѣщиковъ, оказались недѣйствительными; наказанія нѣкоторыхъ помѣщиковъ и помѣщицъ, жестоко обращавшихся съ крестьянами, не помогали общему злу, и неистовства господъ въ отношеніи къ крѣпостному сословію продолжались. Повсемѣстное бѣгство крестьянъ не прекращалось. Органы правительства содѣйствовали тому, что положеніе крестьянъ становилось хуже и хуже. Безжалостные поборы, жестокость, съ которою всюду собирались недоимки, строгія наказанія недовольныхъ, страданія сельскаго населенія во время постоя войска — все это усиливало шайки бѣглыхъ крестьянъ, предававшихся грабежу и разбою. Повторялись часто случаи мщенія надъ жестокими помѣщиками.

Въ первое время царствованія Екатерины распространялись слухи о намѣреніи императрицы освободить крестьянъ. Множество ложныхъ манифестовъ, въ которыхъ говорилось объ эмансипаціи, ходило по рукамъ. Волненія вслѣдствіе этого усиливались. Тщетно чиновники объявляли всюду отъ имени правительства, что народъ обманутъ поддѣльными манифестами. Крестьяне считали инструкціи, данныя чиновникамъ, подлогомъ, и не переставали вѣрить въ подлинность манифестовъ объ эмансипаціи. Производились аресты, жестокія наказанія. Когда, въ 1766 году, въ народѣ распространилось извѣстіе о намѣреніи Екатерины превратить помѣщичьихъ крестьянъ, пострадавшихъ отъ жестокихъ господъ, въ казенныхъ крестьянъ, со всѣхъ сторонъ посыпались жалобы, челобитныя и доносы на господъ. Но именно подача такихъ жалобъ была строжайше запрещена; челобитчиковъ наказывали жестоко. Этимъ была отрѣзана послѣдняя возможность защиты противъ произвола помѣщиковъ. Недовольныхъ, однако, было столько, что нельзя было наказывать всѣхъ. Такимъ образомъ, во время блестящихъ побѣдъ въ области внѣшней политики, вся страна болѣла внутреннимъ недугомъ, излеченіе котораго казалось невозможнымъ.

Къ тому же, во время турецкой войны крестьяне страдали отъ постоянно повторявшихся и усиливающихся рекрутскихъ наборовъ. Съ рекрутами обращались немилосердно. Понятно, что весьма сильный контингентъ въ разбойническихъ шайкахъ составляли бѣглые крестьяне. Мы видѣли, что между самозванцами, выдававшими себя за Петра III, были дезертиры. Рекрутскіе наборы нерѣдко давали поводъ къ ужаснымъ насиліямъ помѣщиковъ, которые, напримѣръ, отдавали въ солдаты богатыхъ крестьянъ, заставляя ихъ большими суммами денегъ освобождать себя отъ военной службы. По разсказу Сиверса, иногда случалось, что крестьяне, которыхъ помѣщики хотѣли было отдавать въ солдаты и которые по росту или по лѣтамъ, или по состоянію здоровья оказывались негодными къ военной службѣ, подвергались тѣлеснымъ наказаніямъ, иногда ровнявшимся смертной казни [1]). Не мудрено, что войско, состоявшее изъ такихъ элементовъ, весьма часто обнаруживало склонность дѣйствовать заодно съ противниками правительства.

Въ продолженіе столѣтій правительство боролось противъ своеволія и необузданности казацкихъ элементовъ на юго-востокѣ.

---

[1]) Blum, «Ein russ. Staatsmann», I, 394.

Здѣсь, въ началѣ XVII вѣка, Заруцкій собиралъ свои шайки, съ которыми воевалъ противъ власти; отсюда Стенька Разинъ, при царѣ Алексѣѣ, грозилъ государству; здѣсь происходили бунты во время Петра; сюда спасались отовсюду бѣглецы разныхъ классовъ общества. Всѣ старанія центральной власти пріучить казаковъ къ дисциплинѣ и безусловному послушанію оказывались тщетными. Наказанія неповиновавшихся усиливали антагонизмъ между казаками и правительствомъ. Въ шестидесятыхъ годахъ, безпорядки въ этихъ мѣстахъ напоминали своими размѣрами стрѣлецкіе бунты XVII вѣка. Казаки убили нѣсколькихъ офицеровъ, старавшихся усмирить мятежное войско. Берега Урала и Дона сдѣлались исходною точкою Пугачевскаго бунта. Столѣтіемъ раньше, Стенька Разинъ сдѣлался бунтовщикомъ послѣ того, какъ былъ свидѣтелемъ казни брата, нарушившаго военную дисциплину; совершенно такъ же Пугачевъ столкнулся съ начальствомъ, содѣйствуя бѣгству одного родственника, и, самъ принужденный бѣжать, началъ свою борьбу противъ правительства. Его агитаторская дѣятельность оказалась тѣмъ болѣе успѣшною, что казаки, послѣ убіенія генерала Траубенберга, подвергались разнымъ притѣсненіямъ. Къ яицкимъ и донскимъ казакамъ охотно присоединялись и малороссійскіе казаки, толпами бѣжавшіе съ береговъ Днѣпра въ направленіи къ востоку. Во время чумы, свирѣпствовавшей въ Москвѣ въ 1770—71 годахъ, отсюда также бѣжали многіе къ казакамъ на юго-востокъ, усиливая число находившихся здѣсь недовольныхъ. И казакамъ, какъ крестьянамъ, было запрещено жаловаться на притѣсненія начальства. Казацкіе депутаты, желавшіе передать императрицѣ доносъ на своихъ офицеровъ, были наказаны какъ бунтовщики. Не мудрено, что между казаками, при слухѣ о появленіи Пугачева, какъ претендента, возникла надежда тѣмъ самымъ поправить свое положеніе.

Чрезвычайно сильнымъ и опаснымъ элементомъ были раскольники. Хотя во время царствованія Петра III и при Екатеринѣ правительство въ отношеніи къ раскольникамъ руководствовалось правилами терпимости, напримѣръ, дозволяло раскольникамъ, бѣжавшимъ въ Польшу, возвратиться безпрепятственно, между раскольниками, обремененными налогами и иногда притѣсняемыми мѣстными органами правительства и церкви, господствовало сильное неудовольствіе. Въ средѣ раскольниковъ имя Петра III пользовалось большимъ авторитетомъ; между ними ходили слухи о томъ, что бывшій императоръ спасся бѣгствомъ за границу, вернулся въ Россію, былъ наказанъ кнутомъ, сосланъ въ Сибирь, откуда

скоро долженъ вернуться, и пр. На Яикѣ и на Иргизѣ было множество бѣглыхъ раскольниковъ, которыхъ правительство преслѣдовало всѣми мѣрами. Нетерпимость нѣкоторыхъ архіереевъ усиливала ожесточеніе этихъ элементовъ.

При Стенькѣ Разинѣ весьма важную часть его шаекъ составляли инородцы. Они же сдѣлались союзниками-товарищами Пу-

Графъ П. И. Панинъ.

Съ портрета, принадлежащаго Императорскому Эрмитажу.

гачева. Татары, киргизы, башкиры, мордва, чуваши, черемисы, вотяки и пр. страшно страдали отъ произвола и сребролюбія чиновнаго люда. Особенно калмыки были стѣснены въ своемъ бытѣ регламентаціею и надзоромъ и терпѣли насилія всякаго рода. Нѣкоторыя инородческія племена были раздражены насильственными мѣрами къ распространенію между ними христіанской вѣры. Буджакскіе татары, переселившіеся на юго-востокъ Россіи послѣ взятія Бендеръ, были недовольны своимъ положеніемъ и произ-

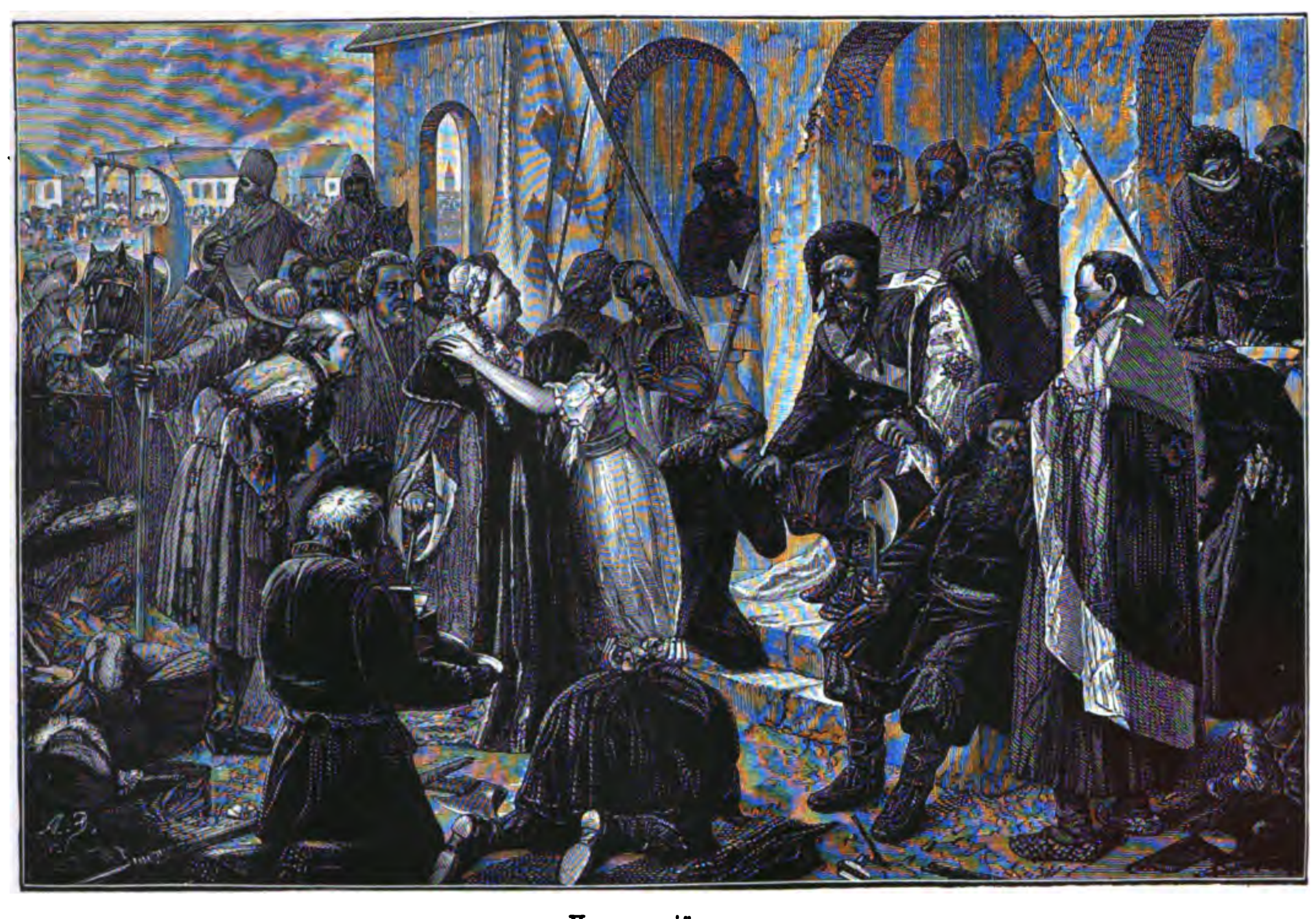
воломъ подъячихъ, за ними надзиравшихъ. Башкиры были раздражены отнятіемъ у нихъ алчными чиновниками значительной доли занятыхъ ими до этого земель. Всѣ эти элементы, склонные къ кочевой жизни, грабежу, насилію и разбою, приставая къ толпѣ, окружавшей Пугачева, придавали ей еще болѣе азіатскій характеръ, которымъ и безъ этого отличалось возстаніе.

Между приверженцами Пугачева было очень много ссыльныхъ, каторжниковъ, бѣжавшихъ во время слѣдованія въ Сибирь. Случаи къ бѣгству представлялись весьма часто. Надзоръ надъ арестантами тогда оказывался недостаточнымъ. На пути съ ними обращались безчеловѣчно. Несчастные гибли отъ холода и голода. Слѣдствія, производимыя надъ преступниками, продолжались иногда по нѣскольку лѣтъ; приговоренные къ ссылкѣ въ Сибирь иногда долго оставались въ острогахъ, до отправленія въ путь, или на пути, до продолженія путешествія. Тѣмъ временемъ арестантамъ, которыхъ водили по улицамъ, дозволялось просить милостыню. При этомъ имъ иногда удавалось бѣжать. Весьма часто конвойные дѣйствовали за одно съ арестантами. Населеніе сочувствовало «несчастнымъ», что̀ объяснялось злоупотребленіями и жестокостью въ уголовномъ судопроизводствѣ. Въ началѣ Пугачевщины въ Казани находилось не менѣе 4,000 арестантовъ.

Таковы были элементы въ народѣ, откликнувшіеся на призывъ Пугачева. Сначала въ этомъ движеніи преобладалъ казацкій элементъ. Затѣмъ бунтъ, перейдя черезъ берега Волги въ направленіи къ Москвѣ, принимаетъ характеръ крестьянской войны «Всѣ недовольные — сказано въ запискахъ одного современника, — ждали лишь повода къ началу мятежа; этотъ поводъ явился въ лицѣ Пугачева» [1]).

Емельянъ Пугачевъ, сынъ донского казака, вступилъ въ казацкое войско, когда ему было 18 лѣтъ, участвовалъ въ походахъ семилѣтней войны и своею ловкостью и расторопностью удостоился вниманія полковника Денисова. Его мнимое наружное сходство съ Петромъ Ѳеодоровичемъ оказывается баснею позднѣйшаго времени. Не было и слѣдовъ такого сходства, судя по сохранившимся портретамъ Пугачева. Къ тому же, современники, знавшіе и Петра, и Пугачева, рѣшительно отрицали такое сходство. Уже довольно рано между Пугачевымъ и его начальствомъ начали происходить столкновенія; неоднократно онъ подвергался тѣлеснымъ наказаніямъ. Послѣ участія въ турецкой войнѣ, онъ,

[1]) Записки Поспѣлова, въ «Вѣстникѣ Европы» 1870, № 6, 621.

Пугачевскій судъ.

Картина художника Перова. Гравюра А. И. Зубчанинова.

по болѣзни, получилъ отпускъ и возвратился на родину, гдѣ, какъ уже выше было сказано, помогъ бѣжать одному родственнику, подвергся за это отвѣтственности, бѣжалъ, былъ арестованъ, бѣжалъ еще разъ и удалился въ Малороссію. Здѣсь, на польской границѣ, въ одномъ раскольническомъ монастырѣ, его натолкнули на мысль назвать себя Петромъ III и вооружить казаковъ на юго-востокѣ противъ власти. Руководствуясь этими внушеніями и получивъ кое-какія денежныя средства отъ раскольниковъ, надѣявшихся чрезъ совмѣстныя дѣйствія съ взбунтовавшимися казаками поправить свое положеніе, Пугачевъ явился на Уралѣ, гдѣ вскорѣ былъ схваченъ. Его привезли въ Казань, откуда, однако, ему удалось бѣжать (въ маѣ 1773 г.) какъ разъ въ то время, когда состоялось утвержденіе приговора; такимъ образомъ, онъ избавился отъ тѣлеснаго наказанія и отъ ссылки въ Пелымъ. Вскорѣ послѣ этого, онъ очутился на берегахъ Иргиза, гдѣ опять завелъ сношенія съ казаками, выдавая себя за Петра III. Здѣсь онъ нашелъ сообщниковъ для своего предпріятія, разсказывая сложную басню о томъ, какъ ему удалось избавиться отъ преслѣдованій Екатерины, какія имъ совершены путешествія въ Польшу, Египетъ, Іерусалимъ и пр. и какъ онъ явился съ цѣлью защитить народъ отъ разныхъ обидъ и притѣсненій.

Хотя шайка, образовавшаяся около Пугачева, въ принципѣ ратовала противъ государства и правительства вообще, хотя идеаломъ этихъ людей было превращеніе всей Россіи въ казацкое царство, все таки они подражали нѣкоторымъ образомъ внѣшнимъ формамъ двора и государственнаго организма. Женившись на молодой казачкѣ, Пугачевъ окружилъ ее «фрейлинами». Казакъ Чика сдѣлался графомъ Чернышевымъ и удостоился сана фельдмаршала; другіе казаки превратились въ графовъ Орлова, Воронцова, Панина. Какой-то каторжникъ, у котораго были вырѣзаны ноздри, получилъ должность начальника артиллеріи и пр. Два-три грамотныхъ казака въ манифестахъ и другихъ бумагахъ старались подражать стилю бумагъ Военной коллегіи. Впослѣдствіи, бывшій офицеръ, Шванвичъ, захваченный бунтовщиками и рѣшившійся примкнуть къ нимъ, занимался редакціею кое-какихъ бумагъ на иностранныхъ языкахъ; казакъ Падуровъ, за нѣсколько лѣтъ до того участвовавшій въ засѣданіяхъ «Большой комиссіи для составленія новаго уложенія», занималъ должность статсъ-секретаря. Небольшой фортъ въ окрестностяхъ Оренбурга, занятый бунтовщиками, былъ названъ ими Москвою, дру-

гой — Петербургомъ. Ежедневно, совершенно такъ же, какъ и въ обѣихъ столицахъ, происходило ученіе войскамъ, причемъ присутствовалъ самъ Пугачевъ. Говорили о необычайной способности его къ артиллерійскому искусству и къ фортификаціи. Въ обращеніи съ народомъ онъ умѣлъ держать себя съ важностью и достоинствомъ. Его товарищи, обращаясь съ нимъ почтительно въ присутствіи толпы, на единѣ считали его равнымъ себѣ и руководили его дѣйствіями, такъ что ему приходилось жаловаться на свою несамостоятельность.

Осень 1773 года была временемъ значительныхъ успѣховъ Пугачева. Онъ бралъ одну крѣпость за другою, напр., Илецкій Городокъ, Разсыпную, Нижне-Озерную, Татищевскую, Чернорѣченскую и пр. Затѣмъ началась осада Оренбурга. Толпа, окружавшая Пугачева, росла постоянно. Къ нему приставало множество мещеряковъ, калмыковъ и башкиръ.

Иногда Пугачевъ говорилъ народу о своихъ правахъ на престолъ, о своемъ намѣреніи заключить Екатерину въ монастырь, о надеждѣ въ Петербургѣ увидать сына, Павла, о предстоявшей въ ближайшемъ будущемъ казни виновниковъ государственнаго переворота 1762 года, о необходимости отнять у бояръ деревни и пр. Найдя въ одномъ домѣ портретъ Павла, онъ цѣловалъ его и увѣрялъ, что, побѣдивъ своихъ противниковъ, отдастъ престолъ своему сыну [1]). Немного позднѣе при Пугачевѣ находился мальчикъ, котораго онъ показывалъ подъ именемъ великаго князя Павла [2]). Обѣщая крестьянамъ свободу, Пугачевъ жаловался на Екатерину, состоявшую будто бы въ связи съ дворянскою партіею, и говорилъ о своемъ намѣреніи истребить до послѣдняго всѣхъ дворянъ и т. п.

Все это подѣйствовало сильно на воображеніе народа, цѣлыми толпами примыкавшаго къ шайкѣ Пугачева. Въ продолженіе нѣсколькихъ дней пламя бунта охватило весь юго-восточный край Россіи.

Сначала въ центрѣ государства не придавали особеннаго значенія этому движенію. Мало по малу, начали сознавать мѣру опасности, какъ это видно, между прочимъ, изъ слѣдующаго обстоятельства. Прежде за арестованіе Пугачева назначали награду въ 500 рублей, обѣщая тому, кто доставитъ его трупъ, 250 руб-

---

[1]) «Зап. о Бибиковѣ», 129.

[2]) Литографированный курсъ В. Иконникова: «Время Екатерины II», гдѣ, впрочемъ, невѣрная ссылка.

лей; нѣсколько мѣсяцевъ спустя, эти награды возвышены на 10,000 и 5,000 рублей; наконецъ, генералъ П. С. Потемкинъ обѣщалъ тому, кто доставитъ Пугачева живымъ въ руки правительства, 28,000 рублей и болѣе [1]).

Не чуя бѣды, дворъ, въ сентябрѣ 1773 года, праздновалъ свадьбу великаго князя Павла Петровича, въ то самое время, къ которому относились первые успѣхи Пугачева. Только въ октябрѣ были получены въ Петербургѣ первыя извѣстія о бунтѣ. Зато уже въ концѣ ноября весь городъ говорилъ лишь о Пугачевщинѣ. Въ весьма оживленной перепискѣ между Екатериною и московскимъ губернаторомъ, княземъ Волконскимъ, впервые упоминается объ этихъ событіяхъ не раньше 23 ноября 1773 года. Волконскій писалъ: «Я опасаюсь, что всего этого (отправленнаго въ Казань войска) тамъ мало будетъ, въ разсужденіи распространяющагося зла, злодѣя бунтовщика, донского казака, который часъ отъ часу сильнѣе становится, а тамошніе люди всѣ колеблются» [2]).

Болотовъ, вспоминая объ этой эпохѣ, пишетъ о своемъ пребываніи въ Москвѣ, въ началѣ 1774 года: «Узнали мы о загремѣвшемъ вездѣ слухѣ о появившемся на Яикѣ бездѣльникѣ бунтовщикѣ Емелькѣ Пугачевѣ... Всѣ смѣялись только тогда дерзновенію сего злодѣя и надѣялись, что отправленные для усмиренія его команды скоро все сіе уничтожатъ и злодѣйствамъ его скоро конецъ сдѣлаютъ. Но какъ мало знали всѣ мы отсюда, что̀ воспослѣдуетъ послѣ, и какой великій пожаръ произведетъ сія искра»... А далѣе: «Мы узнали, слухъ о Пугачевѣ не только не уничтожился, но увеличивался отъ часу больше. ...Мы ясно видѣли, что дѣло сіе не походило уже нимало на шутку, а становилось часъ отъ часу важнѣйшимъ и сумнительнѣйшимъ» [3]).

Волконскій совѣтовалъ императрицѣ отправить противъ бунтовщиковъ гораздо большіе отряды войскъ. Она отвѣчала: «По оренбургскимъ обстоятельствамъ я, видя, что выборомъ и худымъ поведеніемъ генералъ-маіора Кара дѣла тамъ болѣе испорчены, нежели поправлены, и получая ежечасно извѣстія о усиленіи тамошней зловредной толпы, попала на ваши мысли и посылаю туда нѣсколько полковъ» и пр. Затѣмъ, императрица выразила надежду, что народъ, видя несправедливую и неистовую казнь многихъ офицеровъ, самъ собою «почувствуетъ омерзѣніе» и от-

---

[1]) Гротъ, «Державинъ», V, 164.
[2]) «Осьмнадцатый вѣкъ», I, 125.
[3]) Зап. Болотова, III, 349, 352.

станетъ отъ Пугачева. «Въ несчастіи семъ—писала она—«можно почесть за счастіе, что сіи канальи привязались два мѣсяца цѣлые къ Оренбургу, а не далѣе куда пошли... Богъ вѣсть, чѣмъ сіе кончится; можетъ статься, что и сами разбѣгутся. Я зачинаю походить приключеніями моего вѣка на Петра Перваго; но, что Богъ ни дастъ, по примѣру дѣдушкину, унывать не станемъ. Кара я велѣла отставить, ибо въ нужное время не надобно, чтобъ больной и трусъ занялъ мѣсто и получалъ жалованье по пустому» и т. д. [1]).

Во все это время, впрочемъ, правительство желало избѣжать гласности относительно бунта. Даже въ перепискѣ между сановниками о Пугачевщинѣ говорилось какъ о событіи, не заслуживающемъ особеннаго вниманія. 7 января 1774 года, вице-канцлеръ, князь Голицынъ, въ первый разъ коснулся этихъ дѣлъ въ депешѣ къ посланнику въ Берлинѣ, князю В. С. Долгорукому: «Вы слышали, конечно—писалъ онъ—объ оренбургскихъ происшествіяхъ. Дѣло преувеличено молвой. Эти безпорядки произведены бродягами и разбойниками, которые воспользовались отсутствіемъ войскъ» [2]).

Въ письмѣ Волконскаго къ императрицѣ, отъ 2-го декабря 1773 года, сказано: «Три дня назадъ пріѣхалъ сюда генералъ-маіоръ Каръ, сказываетъ, по причинѣ болѣзни. Оный его пріѣздъ сюда произвелъ въ публикѣ толкованія о оренбургскихъ обстоятельствахъ. Я теперь стараюсь публику увѣрить, что оренбургскія дѣла никакого уваженія не заслуживаютъ и никакихъ худыхъ слѣдствій ожидать не можно, а что только шайка никуда негодныхъ людей собралась, которая вскорѣ и истреблена будетъ; а Кару я велѣлъ сказать, чтобъ онъ самъ объ тамошнихъ дѣлахъ ничего ни съ кѣмъ, а по малой мѣрѣ предосудительнаго, не говорилъ, такъ бы и людямъ своимъ запретилъ» [3]).

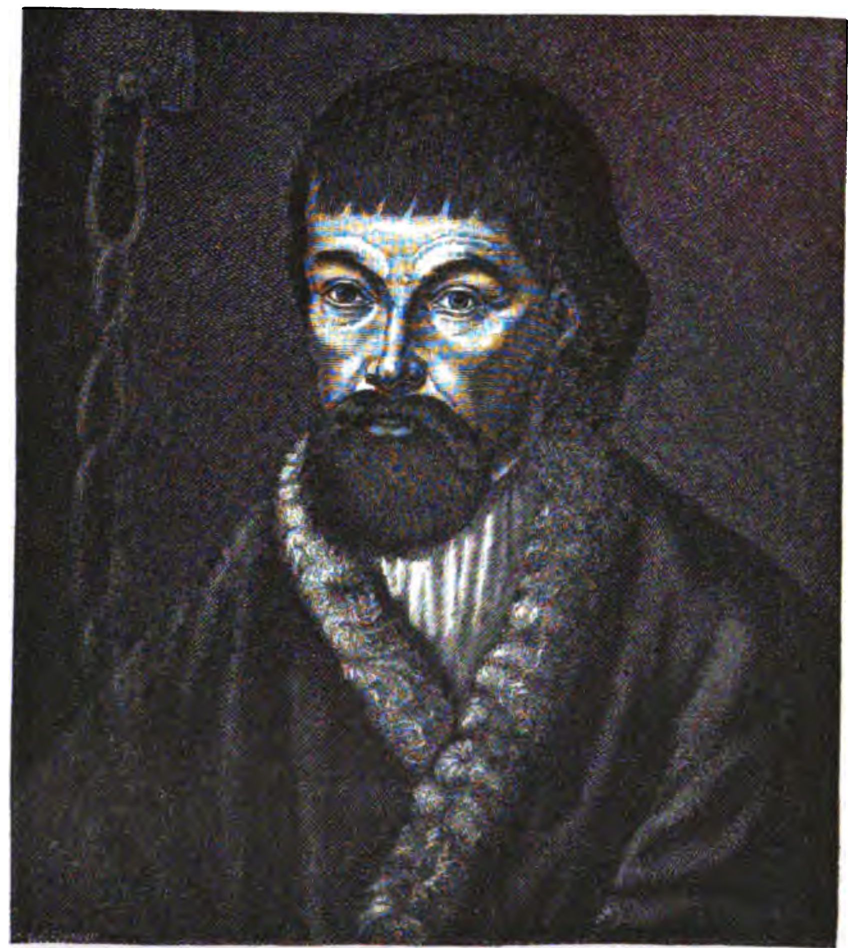
То обстоятельство, что Екатерина отправила именно А. И. Бибикова съ тремя полками къ Оренбургу для укрощенія мятежа, заключало въ себѣ доказательство, что она сознавала всю опасность возстанія. Бибиковъ пользовался особеннымъ довѣріемъ Екатерины, принадлежалъ къ числу ея приближенныхъ людей и неоднократно имѣлъ случай выказать необычайную опытность въ

---

[1]) «Осьмнадцатый вѣкъ», I, 127.

[2]) Щебальскій, «Начало и характеръ Пугачевщины». Москва. 1865. Стр. 60.

[3]) «Осьмнадцатый вѣкъ», I, 128.

Пугачевъ.

Съ гравированнаго портрета прошлаго столѣтія. (Изъ собранія П. Я. Дашкова).

дѣлахъ и распорядительность [1]). Переписка императрицы съ Бибиковымъ во время ввѣренной послѣднему диктатуры на юго-востокѣ служитъ мѣркою того значенія, которое она придавала этимъ событіямъ. Не должно забывать, что въ это самое время турецкая война требовала напряженія силъ и значительныхъ пожертвованій со стороны государства.

Между тѣмъ какъ во всѣхъ засѣданіяхъ Государственнаго Совѣта, въ которыхъ императрица присутствовала весьма часто, обсуждался вопросъ о средствахъ, при помощи которыхъ можно было справиться съ бунтовщиками, между тѣмъ какъ Екатерина сильно безпокоилась и не разъ выражала опасеніе, что Оренбургъ не выдержитъ осады, правительство все таки старалось успокаивать публику относительно происходившихъ событій. Когда въ Государственномъ Совѣтѣ читали проектъ манифеста, въ которомъ проводилась параллель между Пугачевымъ и Димитріемъ Самозванцемъ, то нѣкоторые сановники полагали, что такое сравненіе можетъ усилить безпокойство публики и придать чрезмѣрное значеніе бунту. Екатерина, однако, настаивала на первоначальной редакціи манифеста, утверждая, что сравненіе Пугачева со Лжедимитріемъ должно будетъ усилить раздраженіе общества противъ Пугачева. Вообще, совѣщанія Государственнаго Совѣта во все это время свидѣтельствуютъ о личномъ участіи Екатерины во всѣхъ мѣрахъ, принятыхъ противъ Пугачевщины.

10 декабря 1773 года, Екатерина писала къ Сиверсу: «Два года тому назадъ у меня была чума въ центрѣ имперіи; теперь у насъ, на границахъ Казанскаго царства, свирѣпствуетъ политическая чума, которая доставляетъ намъ много заботъ. Съ Божіей помощью, мы справимся съ нею, потому что у этой сволочи нѣтъ ни разума и толку, ни порядка и способности; это ничто иное, какъ негодяи, во главѣ которыхъ находится наглый обманщикъ. Все дѣло кончится вѣшаніемъ. Но каково мое положеніе, такъ какъ я не люблю вѣшанія? Европа подумаетъ, что мы еще живемъ во временахъ царя Іоанна Васильевича; такова честь, которой мы удостоимся, вслѣдствіе этой выходки преступнаго мальчишки. Впрочемъ, я приказала, чтобы вся эта исторія не оставалась тайною; пускай люди знающіе сообщатъ свои соображенія по этому дѣлу» и пр. Въ отвѣтномъ письмѣ, Сиверсъ совѣтовалъ безъ замедленія сообщить всему народу о случившемся,

---

[1]) Наказъ Бибикову, въ «Сб. И. Общ.», XIII, 367 и слѣд. Частности при его назначеніи въ «Запискахъ о Бибиковѣ», 108.

Александръ Ильичъ Бибиковъ.

Съ фамильнаго портрета, принадлежащаго Д. Г. Бибикову.

для избѣжанія ложныхъ толковъ. Далѣе онъ писалъ, что, по его мнѣнію, должно считать особенно опаснымъ положеніе Астрахани, бывшей театромъ бунтовъ въ царствованія Алексѣя Михайловича и Петра Великаго [1]).

Къ г-жѣ Бьельке, сильно безпокоившейся относительно Пугачевщины, Екатерина писала, 16-го января 1774 г.: «Спѣшу васъ успокоить. Въ Казани нѣтъ возмущенія: въ этой области спокойно; но въ сопредѣльной съ нею губерніи Оренбургской завелись шайки грабителей; онѣ очень многочисленны, и одинъ изъ предводителей ихъ выдаетъ себя то за Петра Третьяго, то за его представителя. Они повѣсили въ три мѣсяца болѣе пятисотъ человѣкъ всякаго пола и возраста. Генералъ-маіоръ Каръ былъ посланъ противъ нихъ, но онъ такъ худо дѣйствовалъ, что только увеличилъ зло, вмѣсто того, чтобы уменьшить его; я выключила его съ безчестіемъ изъ службы своей и отправила туда генерала Бибикова, который, по всей вѣроятности, образумитъ ихъ». Довольно подробно Екатерина пишетъ о топографіи края, объ инородцахъ, о прежнихъ бунтахъ, происходившихъ въ этихъ же мѣстностяхъ. «Очень вѣроятно,— продолжала императрица — «что все это кончится въ скоромъ времени. У генерала Бибикова всѣ средства къ тому. И притомъ дѣло, въ которомъ нѣтъ ни ума, ни порядка, не можетъ устоять, когда столкнется съ закономъ и разумомъ». Наконецъ, она выставляла въ особенно выгодномъ свѣтѣ образъ дѣйствій казанскаго дворянства, изъявившаго готовность содѣйствовать подавленію мятежа, и пр. [2]).

Къ Бибикову императрица писала между прочимъ: «Не упустите, гдѣ за способно найдете, въ подлыхъ душахъ вселить душу, къ службѣ нужную, а думаю, что нынѣ, окромѣ умѣстной строгостію, не съ чѣмъ. Колико возможно, не потеряйте времени и старайтеся прежде весны окончить дурныя и поносныя сіи хлопоты. Для Бога васъ прошу и вамъ приказываю всячески приложить труда для искорененія злодѣйствъ сихъ, весьма стыдныхъ предъ свѣтомъ» и пр. [3]).

Какъ видно, императрица опасалась серьезно послѣдствій бунта. Однако, въ тотъ же самый день, 9-го февраля, она писала къ г-жѣ Бьельке: «Мнѣ очень пріятно сообщить вамъ, что оренбургское возстаніе, которое васъ такъ напугало и о которомъ такъ

---

[1]) Blum, II, 33—35, 545—546.
[2]) «Сб. Ист. Общ.», XIII, 382—384.
[3]) Тамъ-же, XIII, 386.

много шумятъ наши завистники, очень серьезно распадается, къ погибели тѣхъ несчастныхъ, которые были въ него вовлечены; войска генерала Бибикова четырьмя различными дорогами подступаютъ къ Оренбургу и очищаютъ страну. Башкиры, какъ уже сами сознаются, ясно видятъ, что имъ придется расплачиваться за мятежниковъ; очень многіе между ними изъявили покорность» и пр. [1]). Въ шутливомъ тонѣ Екатерина писала и къ Вольтеру, смѣясь надъ газетами, столько занимавшимися Пугачевымъ и замѣчая, что послѣдній «прядетъ себѣ каждый день пеньковую веревку» [2]). Г-жѣ Бьельке императрица писала, что Голицынъ нанесъ войскамъ Пугачева рѣшительное пораженіе, между тѣмъ какъ военныя дѣйствія Голицына не могли вовсе считаться удачными. О Пугачевѣ сказано далѣе въ письмѣ Екатерины: «Предводитель, котораго талантъ такъ превозносили въ газетахъ и который однакожъ не болѣе, какъ глупецъ и пьяница, уже и прежде наказанный кнутомъ, за разныя преступленія, казаками донскими, его земляками, убѣжалъ за рѣку Яикъ» [3]). Довольно часто и въ письмахъ Екатерины къ Гримму упоминается о Пугачевѣ, объ осадѣ Оренбурга и пр., но, какъ вообще, такъ и въ отношеніи къ Пугачевщинѣ, Екатерина въ перепискѣ съ Гриммомъ любила шутить, относилась ко всѣмъ предметамъ слегка; она замѣчаетъ, что вся эта «комедія» (farce) кончится очень скоро, причемъ нельзя будетъ обойтись безъ случаевъ тѣлеснаго наказанія, вѣшанія и пр. Нѣсколько разъ Екатерина употребляетъ выраженіе «le marquis Pougatcheff» [4]).

Все это оказалось чрезмѣрнымъ оптимизмомъ. Въ началѣ 1774 года, не было основанія надѣяться на скорое окончаніе бунта. Напротивъ того, предстояла самая тяжелая эпоха.

Генералъ-маіоръ Каръ, при своихъ операціяхъ въ борьбѣ съ мятежниками, располагалъ недостаточнымъ количествомъ войскъ. Солдаты страдали отъ стужи. Не безъ основанія Каръ жаловался на мятежный духъ въ войскѣ, на склонность къ бунтамъ крестьянъ. Не даромъ онъ требовалъ гораздо бо̀льшихъ средствъ для подавленія мятежа. Однако, такъ какъ во все это время продолжалась турецкая война, правительство не такъ скоро могло располагать

---

[1]) «Сб. Ист. Общ.», XIII, 387.
[2]) Тамъ-же, XIII, 394.
[3]) Тамъ-же, XIII, 399.
[4]) Тамъ-же, XXIII, 2, 6, 8.

достаточнымъ количествомъ войскъ для борьбы противъ Пугачева.

Между тѣмъ бунтовщики брали на Волгѣ и на Уралѣ одинъ городъ за другимъ. Все башкирское населеніе возстало. Въ концѣ декабря Пугачевъ занялъ Самару.

Князь Михаилъ Никитичъ Волконскій.

С портрета, принадлежащаго Императорскому Эрмитажу.

Бибикову приходилось организовать ополченіе мѣстныхъ жителей. Тотчасъ же послѣ своего прибытія въ Казань, онъ убѣдилъ собравшихся тамъ дворянъ къ принятію чрезвычайныхъ мѣръ. Положеніе оставалось весьма опаснымъ. Бибиковъ писалъ къ Фонвизину: «Побить злодѣевъ я не отчаяваюсь, да успокоить почти всеобщаго черни волнованія великія предстоятъ

трудности. Болѣе же всего неудобнымъ дѣлаетъ то великая обширность сего зла. Но буди воля Господня!.. Дѣлаю и буду дѣлать, чтò могу. Неужели то проклятая сволочь не образумится? Вѣдь не Пугачевъ важенъ, да важно всеобщее негодованіе; а Пугачевъ — чучела, которою воры яицкіе казаки играютъ. ... Неужели теперь о мирѣ не думаете? Эй, пора! право пора!» и пр. [1]).

Въ письмахъ къ императрицѣ, Бибиковъ горько жаловался на «слѣпоту и невѣжество» жителей края, на неспособность и недобросовѣстность служащихъ, на слабость и «глупость» офицеровъ и пр. Особенно, писалъ онъ, нѣтъ возможности надѣяться на гарнизоны. Своей женѣ онъ писалъ: «Дѣла здѣсь нашелъ я прескверными, такъ что и описать, буде бы хотѣлъ — не могу; вдругъ я себя увидѣлъ въ гораздо худшихъ обстоятельствахъ... Правда, поздненько хватились. Войска мои начали прибывать вчера, но къ утушенію заразы сего очень мало... Ухъ, дурно!» и проч.

Впрочемъ, мѣры, принятыя Бибиковымъ и его помощникомъ, Державинымъ, не оставались безъ послѣдствій. Довольно отраднымъ эпизодомъ была побѣда, одержанная Голицынымъ у Татищевской крѣпости, въ мартѣ 1774 года. Осада Оренбурга прекратилась. Вскорѣ Голицыну удалось нанести мятежникамъ второе пораженіе. Однако, одновременно съ извѣстіемъ объ успѣшныхъ дѣйствіяхъ Голицына, въ Петербургѣ была получена печальная вѣсть о кончинѣ Бибикова, умершаго въ Бугульмѣ 9-го апрѣля. Англійскій посланникъ доносилъ своему правительству: «Монархиня и имперія не могли никогда, особенно же въ настоящую минуту, потерпѣть болѣе тяжелой утраты». Въ другомъ донесеніи сказано: «Мнѣ передавали, что изъ бумагъ генерала Бибикова оказалось, что, по его мнѣнію, невозможно подавить этотъ мятежъ одной только силой оружія, но что необходимо отыскать какое либо средство удовлетворить народъ, имѣющій справедливыя основанія къ жалобамъ [2]).

Пока движеніе ограничивалось лишь юговосточнымъ краемъ. Однако и центръ легко могъ подвергнуться заразѣ бунта. Чернь въ разныхъ мѣстахъ имперіи, въ особенности же въ Москвѣ, сочувствовала Пугачеву; кое гдѣ замѣчалось нѣкоторое волненіе въ народѣ.

Изъ писемъ Волконскаго къ Екатеринѣ видно, какъ онъ самъ, московскій губернаторъ, не довѣрялъ духу населенія древней сто-

---

[1]) «Зап. о Бибиковѣ». Приложенія, 76.
[2]) «Сб. Ист. Общ.», XIX, 411 и 418.

лицы, какъ онъ черезъ шпіоновъ старался узнавать о толкахъ въ народѣ, какъ иногда привлекалъ къ суду главныхъ крикуновъ, какія имъ были приняты мѣры противъ мятежнаго настроенія черни.

Три года раньше, Москва, во время чумы, была театромъ ужасныхъ безпорядковъ, производимыхъ чернью, убившею при этомъ случаѣ архіепископа Амвросія. Возмущеніе тогда было остановлено усиліями Еропкина и Григорія Орлова. Однако уже при этомъ случаѣ можно было видѣть, сколько горючаго матеріала находилось въ древней столицѣ. Теперь же опасность возобновилась. Болотовъ разсказываетъ: «Мысли о Пугачевѣ не выходили у всѣхъ насъ изъ головы, и мы всѣ удостовѣрены были, что вся подлость и чернь, а особливо вся холопство и наши слуги, когда не вьявъ, такъ въ тайнѣ сердцами своими были злодѣю сему преданы и въ сердцахъ своихъ вообще бунтовали, и готовы были при малѣйшей возгорѣвшейся искрѣ произвести огонь и полымя. Примѣръ бывшаго незадолго въ Москвѣ страшнаго мятежа былъ у насъ еще въ свѣжей памяти, и мы не только подобнаго тому-жъ опасались, но ожидали того ежеминутно», и проч. Болотовъ къ этому прибавляетъ, что онъ былъ очень радъ возможности уѣхать изъ Москвы [1]).

Руничъ говоритъ въ своихъ запискахъ о Пугачевѣ: «Если бы сей государственный злодѣй съ бунтовщиками Яика не занялся шестимѣсячною осадой Оренбурга, но устремился бы на Казань, то до прибытія Бибикова дошелъ бы до самой Москвы. Но благость и священнѣйшій промыслъ всесильнаго и всемудраго Бога ослѣпили умъ злодѣя и злодѣевъ яицкихъ занятіемъ Оренбурга и избавили Москву отъ разоренія, а съ нею вмѣстѣ и весь россійскаго дворянства родъ отъ погибели» [2]).

Послѣ кончины Бибикова, Павелъ Потемкинъ, родственникъ фаворита, нѣкоторое время игралъ главную роль въ борьбѣ съ мятежниками. И онъ жаловался на неспособность офицеровъ и на общую склонность къ бунту. Въ его письмѣ къ Григорію Петемкину сказано между прочимъ: «Самое главное несчастіе, que le peuple n'est pas sûr» [3]). Оказалось невозможнымъ остановить

[1]) Зап. Болотова, III, 377—378.
[2]) «Русская Старина», II, 216.
[3]) Тамъ-же, II, 804.

движеніе мятежниковъ на Казань и занятіе ими этого города. Около 2,000 домовъ сдѣлались жертвою пламени. Многіе монастыри и церкви были превращены въ пепелъ. Колодники, содержавшіеся въ Казани, получили свободу. Повторились преступленія, совершившіяся столѣтіемъ раньше, при занятіи Астрахани Стенькою Разинымъ.

Пугачевъ намѣревался идти на Москву. Перекинувшись на правый берегъ Волги, бунтъ все болѣе и болѣе принималъ характеръ крестьянской войны. Пугачевъ обѣщалъ крестьянамъ свободу, призывая ихъ къ отчаянной борьбѣ противъ помѣщичьяго сословія. На всемъ протяженіи между Москвою и Казанью совершались ужасы; сохранилось множество подробностей о разныхъ эпизодахъ Пугачевщины. Опасность для общества и государства достигла крайности.

Въ засѣданіи Государственнаго Совѣта, 21 іюля, императрица сообщила о своемъ намѣреніи отправиться въ Москву для того, чтобы самолично руководить всѣми мѣрами борьбы противъ Пугачевщины и во что бы то ни стало возстановить тишину и порядокъ. Графъ Н. И. Панинъ и фельдмаршалъ Чернышевъ заявили, что личное участіе въ этомъ дѣлѣ императрицы должно будетъ усилить опасность и придастъ чрезмѣрное значеніе бунту [1]). Такимъ образомъ, Екатерина рѣшилась отправить для дѣйствій противъ мятежниковъ графа Петра Панина, отличившагося при взятіи Бендеръ во время турецкой войны.

Нелегко было императрицѣ назначить Петра Панина, такъ сказать, диктаторомъ для подавленія бунта. Петръ Панинъ, недовольный правительствомъ, считавшій себя недостаточно вознагражденнымъ за подвиги, совершенные имъ во время турецкой войны, просилъ отставки, проживалъ въ Москвѣ и любилъ подвергать строгой критикѣ правительственныя мѣры. Волконскій въ своихъ письмахъ къ Екатеринѣ не разъ жаловался на «извѣстнаго большого болтуна», разсуждавшаго громко и не стѣсняясь о дѣйствіяхъ Екатерины. Однако выборъ Петра Панина, состоявшійся не безъ участія его брата, графа Никиты Ивановича [2]), оказался весьма удачнымъ. Нельзя было не снабдить его самыми широкими полномочіями, хотя Екатерина въ письмѣ къ Потемкину сильно роптала на чрезмѣрныя претензіи обоихъ братьевъ Паниныхъ [3]). Императрица знала, что оба брата были склонны

[1]) «Арх. Госуд. Сов.», 454.
[2]) «Сб. Ист. Общ.», VI, 74—76.
[3]) Лебедевъ, «Графы Панины», Спб., 1863, стр. 116.

къ поддержанію правъ Павла на престолъ. Поэтому она могла считать дѣломъ болѣе или менѣе опаснымъ въ минуту столь ужаснаго кризиса вручить Панинымъ значительныя средства, предоставить имъ широкую власть. Однако, Петръ Панинъ дѣй-

Иванъ Ивановичъ Михельсонъ.

Съ гравированнаго портрета Пожалостина.

ствовалъ весьма энергично, безъ всякой задней мысли; мѣры, принятыя имъ для подавленія мятежа, оказались цѣлесообразными; онъ не только защищалъ интересы государства, но отстаивалъ въ то же время и выгоды сословія помѣщиковъ. Онъ съумѣлъ организовать борьбу рабовладѣльцевъ противъ бунтовщиковъ. Въ

данномъ случаѣ интересы привилегированнаго класса вполнѣ совпадали съ интересами правительства.

Мятежники, узнавъ о назначеніи Петра Панина, сначало думали, что братъ графа Никиты Ивановича, воспитателя великаго князя Павла Петровича, станетъ дѣйствовать въ пользу правъ послѣдняго, т. е. нѣкоторымъ образомъ будетъ поддерживать движеніе, направленное противъ власти. Панинъ спѣшилъ разувѣрить бунтовщиковъ рѣшительными угрозами, написанными въ строгомъ тонѣ прокламаціями и жестокими казнями. На этотъ разъ даже Екатерина, постоянно отстаивавшая начала кротости, должна была допустить террористическія мѣры, необходимыя для подавленія мятежа; однако и при этомъ случаѣ она не переставала внушать Панину и его сотрудникамъ сдержанность и гуманность.

Между тѣмъ шайки Пугачева свирѣпствовали на всемъ пространствѣ между Казанью и Нижнимъ-Новгородомъ. Множество помѣщиковъ съ ихъ семействами и духовныхъ лицъ было убито. Во многихъ деревняхъ всѣ крестьяне до послѣдняго приставали къ бунтовщикамъ. Иногда, впрочемъ, и крестьяне находились въ отчаянномъ положеніи. Съ одной стороны мятежники насильно заставляли ихъ дѣйствовать съ ними заодно противъ правительства и высшихъ классовъ общества, съ другой—представители власти наказывали ихъ жестоко за участіе въ бунтѣ. Какъ только Пугачевъ оставилъ Саратовъ, туда прибылъ Михельсонъ съ войсками. Саратовцы, поневолѣ только-что присягнувшіе Петру III, теперь опять должны были признать власть императрицы. Вчера вѣшали всѣхъ, не признававшихъ Петра III, сегодня противниковъ Екатерины; завтра могли очутиться на висѣлицѣ и тѣ и другіе. Иногда несчастные отвѣчали на вопросъ, кого они признаютъ государемъ: «Того, кого и вы считаете царствующимъ лицомъ».

Въ концѣ концовъ, вопросъ о томъ, кто считался законнымъ владѣльцемъ престола, оказался неважнымъ, второстепеннымъ, внѣшнимъ, случайнымъ. Сущность дѣла заключалась въ грабежѣ и разбоѣ, въ наживѣ на общій счетъ, въ желаніи отмстить владѣльцамъ крестьянъ за ихъ поступки съ крѣпостными людьми. Во время Пугучевщины, какъ уже выше сказано, бывали случаи появленія еще другихъ самозванцевъ, выдававшихъ себя за Петра III. Иногда также претенденты сталкивались между собою, боролись другъ съ другомъ. Не только помѣщичьи дома, но и крестьян-

скіе дворы были часто разграбляемы шайками разбойниковъ, атаманы которыхъ пользовались минутнымъ вѣсомъ и значеніемъ. Главнымъ несчастіемъ былъ недостатокъ въ среднемъ классѣ, такъ сказать, въ консервативномъ элементѣ, который могъ бы имѣть

Пугачевъ въ клѣткѣ, выставленный на показъ народу.

Съ гравюры прошлаго столѣтія Хиллерса. (Изъ собранія П. Я. Дашкова).

вліяніе. Такимъ образомъ, было возможно временное торжество анархическихъ элементовъ въ обществѣ. При отсутствіи порядка вообще, въ странѣ, гдѣ свирѣпствовали злодѣи въ родѣ Обрывалова, Брагина и пр., вопросъ о правахъ Петра и Екатерины не могъ имѣть какаго либо значенія. Даже самъ Пугачевъ впослѣдствіи, на допросѣ, показалъ, что «не думалъ къ правленію быть и владѣть всѣмъ Россійскимъ царствомъ», а шелъ на то,

«если удастся чѣмъ поживиться или убиту быть на войнѣ». «День мой вѣкъ мой,—вотъ девизъ Пугачева», справедливо замѣчаетъ одинъ изъ изслѣдователей этихъ событій [1]).

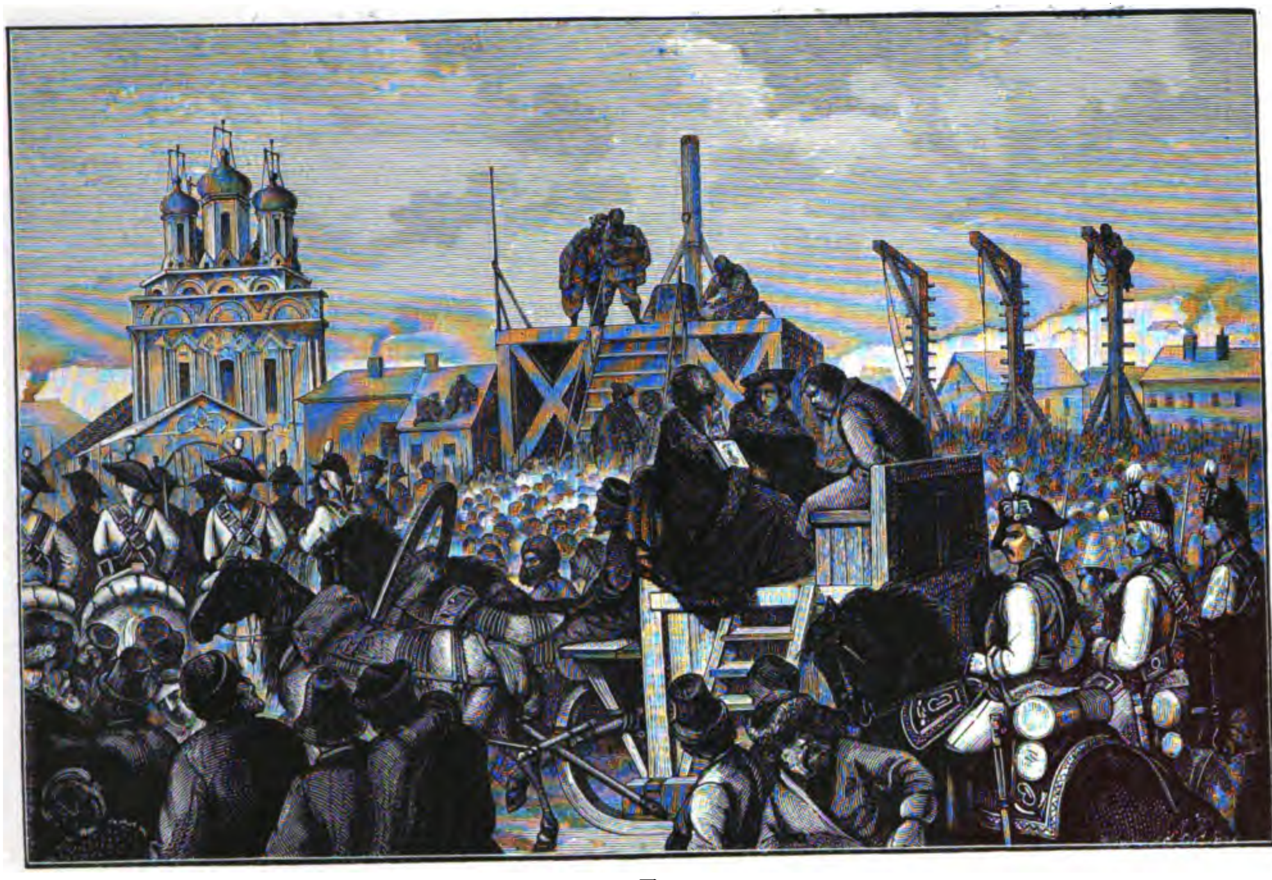
Съ большимъ трудомъ органы правительства продолжали борьбу противъ мятежниковъ. Вездѣ чувствовался недостатокъ въ военныхъ припасахъ. Многія мѣры, принятыя правительствомъ, оставались на бумагѣ. Въ средѣ военныхъ, чиновниковъ, встрѣчались измѣна, продажность, трусость, колебаніе. Пугачевъ награждалъ своихъ людей болѣе щедро, чѣмъ правительство могло обезпечивать своихъ солдатъ, офицеровъ и чиновниковъ. Дисциплина въ войскѣ была далеко не образцовою. Споръ о первенствѣ между офицерами далъ пугачевцамъ возможность занять Саратовъ. Весьма лишь немногіе изъ предводителей войска, какъ, напримѣръ, Голицынъ, комендантъ Царицына Цыплетовъ и генералъ Михельсонъ выказывали силу воли, присутствіе духа и распорядительность. Почти всѣ другіе дѣйствовали медленно, нерѣшительно, теряли время и этимъ самымъ содѣйствовали разгару бунта. Почти всегда, при столкновеніяхъ между пугачевцами и войсками правительства, мятежники численностью превосходили своихъ противниковъ.

Успѣхи Голицына весною 1774 года не надолго оживили надежду на скорое укрощеніе мятежа. Съ тѣхъ поръ, въ продолженіе недѣль и мѣсяцевъ, бунтъ принималъ все бóльшіе и бóльшіе размѣры. Наконецъ, въ августѣ 1774 года, Михельсону удалось нанести ударъ мятежникамъ при Царицынѣ: около 2000 пугачевцевъ пало въ битвѣ, около 8000 было взято въ плѣнъ. Успѣхи продолжались; къ тому же голодъ началъ свирѣпствовать во всемъ краѣ, гдѣ земледѣльческая дѣятельность была остановлена безпорядками, повсемѣстною анархіею; кромѣ того, строгія мѣры, принятыя Петромъ Панинымъ послѣ его прибытія въ Пензу, произвели дѣйствіе на населеніе. Мятежъ сталъ утихать мало-помалу. Въ Пензѣ Панинъ получилъ извѣстіе о захватѣ Пугачева, разбитаго Михельсономъ, бѣжавшаго къ Уралу и сдѣлавшагося жертвою измѣны окружавшихъ его казаковъ. 14 сентября, онъ очутился въ рукахъ правительства, какъ разъ въ то время, когда на театрѣ дѣйствій явился Суворовъ для участія въ подавленіи бунта. Пугачева отправили сначала въ Симбирскъ, затѣмъ въ Москву, гдѣ онъ былъ казненъ, 10 января 1775 года.

Екатерина во все это время съ крайнимъ напряженіемъ слѣдила за ходомъ событій, обращая вниманіе на всѣ подробности.

---

[1]) Щебальскій, 52.

Казнь Пугачева.

Съ рисунка художника Шарлеманя

Ее интересовали военныя событія, слухи о бунтѣ, газетныя статьи о Пугачевщинѣ. Не разъ она обращалась къ Волконскому съ разными вопросами о пугачевцахъ. Послѣ ареста Пугачева, она руководила допросами и слѣдствіемъ. И при этомъ случаѣ, какъ прежде, она требовала рѣшительно, чтобы судьи не употребляли пытки. «Для Бога», писала она Волконскому, «удержитесь отъ всякаго рода пристрастныхъ разспросовъ, всегда затемняющихъ истину»[1]). По поводу смягченія смертной казни Пугачева, Екатерина писала г-жѣ Бьельке: «Сказать вамъ правду: вы вѣрно отгадали относительно промаха палача при казни Пугачева[2]); я думаю, что генералъ-прокуроръ и оберъ-полиціймейстеръ помогли случиться этому промаху, потому что, когда первый изъ нихъ уѣзжалъ изъ Петербурга для производства суда, я сказала ему шутя: никогда больше не попадайтесь мнѣ на глаза, если вы допустите малѣйшее мнѣніе, что заставили кого бы то ни было претерпѣть мученія — и я вижу, что онъ принялъ это къ свѣдѣнію»[3]).

Неоднократно во время бунта былъ возбуждаемъ вопросъ объ участіи другихъ державъ въ Пугачевщинѣ. Алексѣй Орловъ, находившійся въ то время въ Италіи, подозрѣвалъ въ Пугачевщинѣ какую-то интригу Франціи. Такое же предположеніе было высказано Вольтеромъ. Однако, еще Бибиковъ увѣрялъ императрицу, что не можетъ быть и рѣчи о вліяніи при этомъ какой либо другой державы; также и Руничъ отрицалъ всякое политическое значеніе бунта. Въ толпѣ Пугачева встрѣчались поляки, совѣтами которыхъ бунтовщики руководствовались иногда при своихъ стратегическихъ операціяхъ; однако нельзя было говорить о какой либо связи между Пугачевщиною и Польшею. Екатерина справедливо писала Вольтеру, въ октябрѣ 1774 года: «До сихъ поръ нѣтъ ни малѣйшаго признака, чтобы Пугачевъ былъ орудіемъ какой либо иностранной державы или сторонняго замысла, ни чтобы онъ слѣдовалъ чьимъ либо внушеніямъ, и надо полагать, что г. Пугачевъ разбойникъ-хозяинъ, а не слуга»[4]).

Пугачевщина главнымъ образомъ была борьбою сословій. Болотовъ, разсказывая подробно о казни Пугачева, говоритъ, что между свидѣтелями было особенно много «дворянъ и господъ», и

---

[1]) «Осьмнадцатый вѣкъ», I, 153.

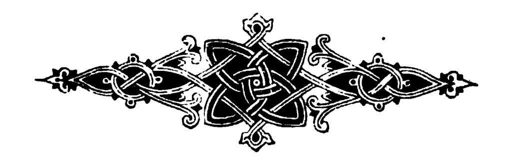
[2]) Въ газетахъ говорили, что Пугачеву, по ошибкѣ палача, сначала отрубили голову, а потомъ его четвертовали.

[3]) «Сб. Ист. Общ.», XXVII, 32.

[4]) «Maître-brigand et non valet». См. «Сб. Ист. Общ.», XXVII, 3.

продолжаетъ: «Какъ ихъ набралось тутъ превеликое множество, то, судя по тому, что Пугачевъ наиболѣе противъ ихъ возставалъ, то и можно было происшествіе и зрѣлище тогдашнее почесть и назвать истиннымъ торжествомъ дворянъ надъ симъ общимъ ихъ врагомъ и злодѣемъ»[1]).

Въ этой борьбѣ между дворянами и крестьянами Екатерина по-неволѣ должна была находиться въ союзѣ съ привилегированнымъ классомъ. Напрасно она говорила о свободѣ и равноправности, о гуманности и народномъ богатствѣ. Прежде всего, она должна была заботиться о поддержаніи государственнаго авторитета и порядка. Однако, вообще этотъ кризисъ оказался полезнымъ для представителей власти, которымъ Пугачевщина доставила случай всмотрѣться во всю глубину общественнаго зла, заключавшагося въ крѣпостномъ правѣ. Въ этомъ смыслѣ Бибиковъ и Панинъ отзывались о Пугачевщинѣ. Екатерина и до этого была проникнута убѣжденіемъ въ необходимости реформы. Независимо отъ ея воззрѣній, и въ этомъ случаѣ, какъ всегда и вездѣ послѣ крестьянскихъ бунтовъ, положеніе крѣпостного сословія ухудшилось. Осуществленіе теорій объ эмансипаціи крестьянъ оставалось впереди. Пока приходилось залечивать раны, нанесенныя Пугачевщиною общественному и государственному организму, вознаграждать дворянъ, лишившихся состоянія, кормить народъ, страдавшій отъ голода, наказывать главныхъ преступниковъ, награждать оставшихся вѣрными долгу и присягѣ. Побѣда надъ чернью дорого была куплена. Торжество правительства надъ охлократіею, однако, содѣйствовало упроченію престола Екатерины.

[1]) Зап. Болотова, III, 488.

ГЛАВА V.

Мнимая дочь Елизаветы.

ОДНОВРЕМЕННО, когда на юго-востокѣ Россіи свирѣпствовалъ Пугачевъ, въ западной Европѣ появилась мнимая дочь императрицы Елизаветы.

По новѣйшимъ изслѣдованіямъ, относящимся къ такъ называемымъ князьямъ и княжнамъ Таракановымъ, можно считать, по меньшей мѣрѣ, весьма вѣроятнымъ, что у Елизаветы Петровны никогда никакихъ дѣтей не бывало [1]). Во всякомъ случаѣ, не было никакой связи между такъ называемыми Таракановыми и тою авантюристкою, которая въ семидесятыхъ годахъ прошлаго вѣка выдавала себя за дочь Елизаветы и впослѣдствіи, въ исторической литературѣ, сдѣлалась извѣстною подъ именемъ княжны Таракановой.

Самозванка, по свидѣтельству всѣхъ видѣвшихъ ее, имѣла весьма привлекательную наружность, отличалась быстрымъ умомъ, не лишена была нѣкотораго образованія, весьма свободно говорила по-нѣмецки и по-французски и немного по-англійски и итальянски. По словамъ ея, въ 1775 году ей было отъ роду 23 года,

---

[1]) «Осьмнадцатый вѣкъ», II, 439. О томъ, что не было основанія называть авантюристку Таракановою, см. статью г. Васильчикова о Разумовскихъ, въ «Осьмнадцатомъ вѣкѣ», II, 443—445.

но, повидимому, она была старше[1]). То она называла себя султаншей Селиной или Али-Эмете, то принцессой Владимірской, то г-жею Франкъ, Шёлль, Тремуль и пр. Въ Венеціи она явилась подъ именемъ графини Пиннебергъ. Англійскій посланникъ въ Петербургѣ утверждалъ, что она дочь трактирщика въ Прагѣ; англійскій консулъ въ Ливорно считалъ ее дочерью Нюренбергскаго булочника. Въ Лондонѣ и въ Парижѣ она вращалась въ обществѣ разныхъ обманщиковъ и искателей приключеній; она находилась нѣкоторое время въ связи съ польскимъ посланникомъ въ Парижѣ, Огинскимъ, а затѣмъ съ княземъ Лимбургскимъ, который, любя ее страстно, обѣщалъ вступить съ нею въ законный бракъ. Она жила у него въ замкѣ Оберштейнѣ, получала съ разныхъ сторонъ деньги, вела переписку съ разными высокопоставленными лицами и, при случаѣ, занималась политическими вопросами. Сношенія авантюристки съ польскими эмигрантами подали поводъ къ тому, что она начала играть роль претендентши на русскій тронъ.

Послѣ многихъ приключеній и пребыванія въ разныхъ странахъ, она явилась въ Италіи, въ Рагузѣ и въ Венеціи, въ обществѣ знатныхъ поляковъ, напримѣръ богатаго литовскаго вельможи, князя Радзивилла. Тутъ она начала выдавать себя за дочь императрицы Елизаветы Петровны, разсказывая при этомъ довольно сложныя басни — о своемъ пребываніи въ дѣтствѣ въ Сибири, у персидскаго шаха и пр.

Въ то время въ газетахъ весьма часто писали о турецкой войнѣ и о Пугачевѣ; авантюристка начала говорить о своемъ намѣреніи отправиться въ Константинополь и оттуда дѣйствовать на Россію съ цѣлью добыть корону. Есть основаніе думать, что въ продолженіе нѣкотораго времени французское правительство намѣревалось поддерживать самозванку, которая въ Венеціи жила въ домѣ французскаго резидента, а въ Рагузѣ въ домѣ французскаго консула. Лица, окружавшія ее, обращались съ нею, какъ съ русскою принцессою. Князь Лимбургскій въ письмахъ называлъ ее не иначе, какъ «Princesse Elisabeth de toutes les Russies». Нѣтъ сомнѣнія, что со стороны польской эмиграціи она пользовалась матеріальною поддержкой. Противники Россіи желали употребить ее, какъ орудіе для борьбы противъ Екатерины. Найденные у нея документы, мнимыя завѣщанія Петра Великаго, Екатерины I, Елизаветы Петровны, были писаны рукою

---

[1]) См. статью гр. В. Панина въ «Чтеніяхъ Моск. Общ. Ист. и Древн.» 1867, I, стр. 3 и слѣд.

авантюристки, но редакція этихъ бумагъ была сдѣлана очевидно другими лицами. Въ силу мнимаго завѣщанія Елизаветы, она была назначена преемницею всероссійскаго престола, причемъ, однако, ея опекуномъ былъ назначенъ принцъ Петръ Голштинскій. Порою она выражала надежду завладѣть короною при помощи Турціи. Вскорѣ Огинскій и Радзивиллъ предоставили ее самой себѣ. Не имѣя точныхъ понятій о состояніи Россіи, о лицахъ и обстоятельствахъ, служившихъ предметомъ ея выдумокъ и проектовъ, она должна была погубить себя уже одною странностью и нелѣпостью своихъ предположеній. Такъ, напримѣръ, она выдавала себя за дочь гетмана Кирилла Григорьевича Разумовскаго, между тѣмъ какъ не онъ, а его братъ находился въ связи съ императрицею Елизаветою. Далѣе, она считала возможнымъ склонить къ измѣнѣ Алексѣя Орлова, находившагося въ то время съ военнымъ флотомъ у береговъ Италіи; чрезвычайно наивно она обратилась къ экипажу русскаго флота съ манифестомъ, въ которомъ указала на завѣщаніе Елизаветы Петровны и который былъ подписанъ «Елизавета II». Въ одномъ изъ своихъ писемъ къ Орлову она называла Пугачева своимъ братомъ, т. е. также сыномъ Разумовскаго; далѣе она хвасталась особеннымъ покровительствомъ султана, говорила о множествѣ приверженцевъ въ народѣ, страдавшемъ подъ игомъ честолюбивой Екатерины; Орлову она сулила неслыханно щедрыя награды, прося его предоставить ей средства, необходимыя для путешествія въ Константинополь.

Нѣкоторое время незнакомка прожила въ Неаполѣ, затѣмъ въ Римѣ, гдѣ удостоилась особеннаго вниманія іезуитовъ. Здѣсь, однако, она, какъ, впрочемъ, иногда случалось и прежде, страдала безденежьемъ. Отсюда она писала къ англійскому посланнику, Гамильтону, о Пугачевѣ, котораго, однако, на этотъ разъ не называла своимъ братомъ и о которомъ сочинила разныя басни. Это письмо, которое Гамильтонъ чрезъ англійскаго консула въ Ливорно доставилъ графу Алексѣю Орлову, содѣйствовало ея катастрофѣ.

Орловъ, разумѣется, счелъ нужнымъ сообщить императрицѣ Екатеринѣ о появленіи самозванки. Онъ писалъ, въ сентябрѣ 1774 года: «Есть ли эдакая въ свѣтѣ или нѣтъ (т. е. вообще дочь Елизаветы), я не знаю; а буде есть и хочетъ не принадлежащаго себѣ, то бъ я навязалъ камень ей на шею да въ воду. Сіе же письмо (т. е. письмо незнакомки къ нему, Орлову) при семъ прилагаю, изъ котораго ясно увидѣть изволите желаніе. Да мнѣ помнится, что и отъ Пугачева нѣсколько сходствовали въ

слогѣ сему его обнародованія; а можетъ быть и то, что и меня хотѣли пробовать, до чего моя вѣрность простирается къ особѣ вашего величества; я жъ на оное ничего не отвѣчалъ, чтобъ чрезъ то не утверждать болѣе, что есть таковой человѣкъ на свѣтѣ, и не подать о себѣ подозрѣніе... Отъ меня жъ посланъ нарочно вѣрный офицеръ, и ему приказано съ оною женщиною переговорить, и буде найдетъ что-нибудь сомнительное, въ такомъ случаѣ обѣщалъ бы на словахъ мою услугу, а изъ за того звалъ бы для точнаго переговора сюда, въ Ливорно. И мое мнѣніе, буде найдется таковая сумасшедшая, тогда, заманя ее на корабли, отослать прямо въ Кронштадтъ; и на оное буду ожидать повелѣнія: какимъ образомъ повелите мнѣ въ ономъ случаѣ поступить, то все наиусерднѣйше исполнять буду»[1]).

Екатерина отвѣчала Орлову: «Письмо, писанное къ вамъ отъ мошенницы, я читала и нашла оное сходственно съ таковымъ же письмомъ, отъ нея писаннымъ къ графу Н. И. Панину. Извѣстно здѣсь, что она съ княземъ Радзивилломъ была въ іюлѣ въ Рагузѣ, и я вамъ совѣтую туда послать кого и развѣдывать о ея пребываніи и куда дѣвалась и, если возможно, приманите ее въ такомъ мѣстѣ, гдѣбъ вамъ ловко бы было ее посадить на нашъ корабль и отправить ее за карауломъ сюда; буде же она въ Рагузѣ гнѣздитъ, то я васъ уполномочиваю чрезъ сіе послать туда корабль или нѣсколько, съ требованіемъ о выдачѣ сей твари, столь дерзко на себя всклепавшей имя и природу, вовсе не сбыточныя, и, въ случаѣ непослушанья, дозволяю вамъ употребить угрозы, а буде и наказаніе нужно, то бомбъ нѣсколько въ городъ метать можно; а буде безъ шума достать способъ есть, то я и на сіе соглашаюсь», и пр.[2]).

Въ письмѣ императрицы замѣтно нѣкоторое раздраженіе. Въ Россіи считали возможнымъ, что авантюристка дѣйствовала, подстрекаемая Портою. Съ часу на часъ обстоятельства измѣнялись къ худшему для самозванки. Арестованіе Пугачева и заключеніе Кучукъ - Кайнарджійскаго мира лишили ее союзниковъ, на которыхъ она до того времени могла разсчитывать. Тѣмъ болѣе страннымъ оказывается то легковѣріе, съ которымъ она относилась къ предложеніямъ, сдѣланнымъ ей отъ имени Алексѣя Орлова его адъютантомъ Кристенекомъ. Она рѣшилась отправиться въ Ливорно послѣ того, какъ получила отъ Орлова значительныя суммы денегъ для удовлетворенія кредиторовъ.

---

[1]) «Чтенія», 1867, I. Прил., 57.
[2]) «Сб. Ист. Общ.», I, 104—105.

Обстоятельность и хитрость, которыми отличаются дѣйствія Орлова, Кристенека и англійскаго консула въ Ливорно при этомъ случаѣ, производятъ чрезвычайно неблагопріятное впечатлѣніе. Съ необычайною ревностью Орловъ старался исполнить порученіе императрицы. Онъ встрѣтилъ мнимую принцессу съ особеннымъ почетомъ, приготовилъ для нея великолѣпное помѣщеніе въ Пизѣ, прикидывался страстно влюбленнымъ въ самозванку, и пр.

Цѣль была достигнута. Несчастную въ Ливорно пригласили на корабль, гдѣ она и была арестована. Орловъ доносилъ императрицѣ объ удавшемся предпріятіи, причемъ, однако, замѣтилъ, что находится въ опасности сдѣлаться жертвою раздраженія жителей Ливорно, бывшихъ свидѣтелями интриги [1]).

Екатерина, узнавъ объ успѣхѣ Орлова, писала: «Вѣроятіе есть, что за таковую сумасбродную бродягу никто горячо не вступится не токмо, но всякъ постыдится скрытно и явно показать, что имѣлъ малѣйшее сношеніе. Конфедератовъ польскихъ таковая комедія имъ самимъ, какъ разныя подобныя посрамленія, кои они вчинали, послужитъ къ наивящшему позору» [2]).

Императрица зорко слѣдила за дальнѣйшимъ ходомъ дѣла. Такъ, напримѣръ, она писала князю А. Голицыну: «Господинъ Грейгъ, чаю, нѣсколько поспѣшитъ, потому что онъ везетъ на своемъ кораблѣ, подъ карауломъ, женщину ту, которая, разъѣзжая повсюду съ безпутнымъ Радзивилломъ, дерзнула взять на себя имя мнимой дочери покойной императрицы Елизаветы Петровны... Контръ адмиралу приказано ее безъ именного указа никому не отдавать. И такъ воля моя есть, чтобъ вы, буде Грейгъ въ Кронштадтъ пріѣдетъ, женщину сію приказали принять и посадить ее въ Петропавловской крѣпости, подъ отвѣтомъ оберъ-коменданта... Въ случаѣ-же буде бы Грейгъ прибылъ въ Ревель, то изволь сдѣлать слѣдующее распоряженіе: въ Ревелѣ есть извѣстный цухтгаузъ; отпишите къ тамошнему вице-губернатору, чтобъ онъ вамъ далъ знать, удобно ли это мѣсто будетъ, дабы тамъ посадить сію даму подъ карауломъ... Письма сихъ безпутныхъ бродягъ теперь разбираютъ, и что выйдетъ, и кто начальникъ сей комедіи, — вамъ сообщимъ, а только извѣстно, что Пугачева называли братомъ ея роднымъ» [3]).

24 мая, вечеромъ, корабль контръ-адмирала Грейга прибылъ въ Кронштадтъ; 26-го, утромъ, мнимая принцесса уже находи- 1775

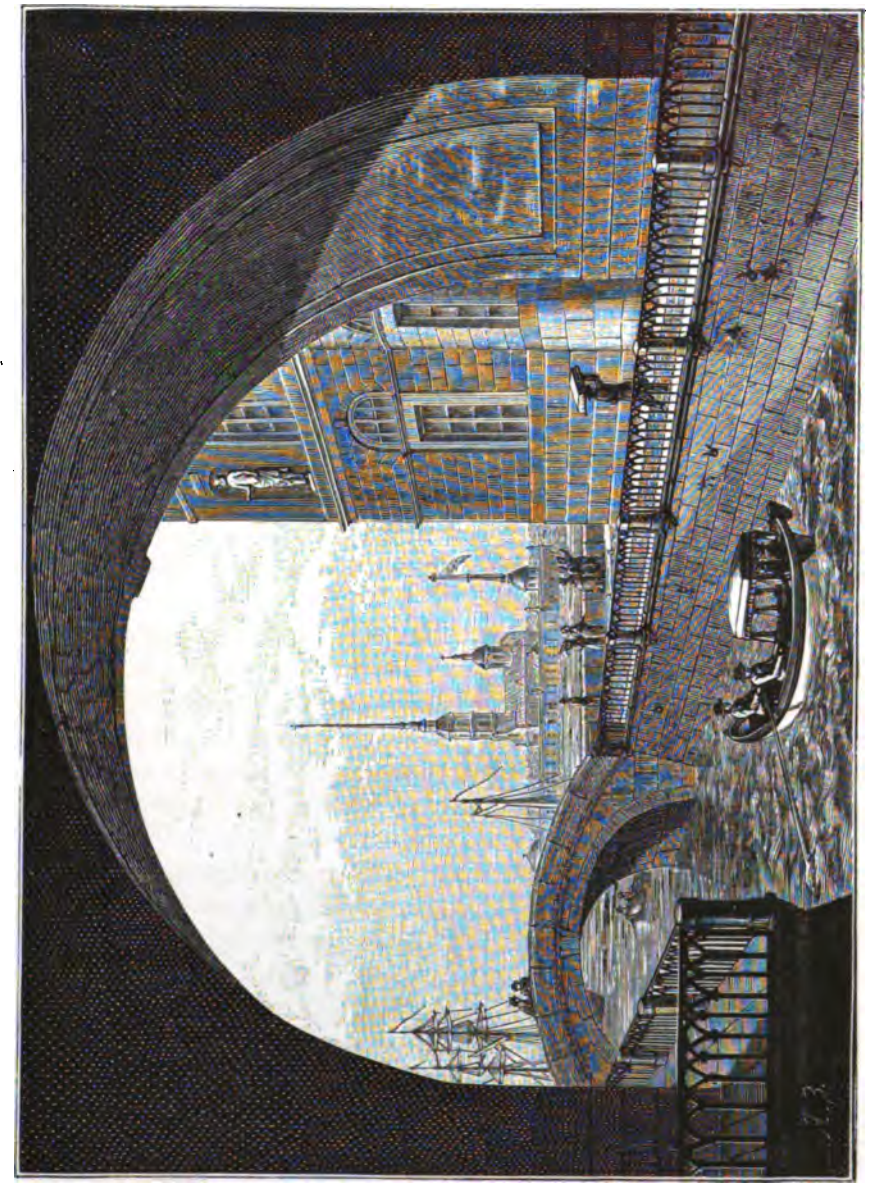
[1]) «Чтенія», 1867, I, 62 и слѣд.
[2]) «Сб. Ист. Общ.», I, 107—108.
[3]) Тамъ-же, I, 169—170.

лась въ Петропавловской крѣпости въ Петербургѣ. Екатерина, пребывавшая въ это время въ Москвѣ, слѣдила за всѣми частностями допросовъ.

Главнымъ образомъ старались узнать отъ незнакомки, кѣмъ ей была внушена мысль выдавать себя за дочь Елизаветы. Оказалось невозможнымъ привести въ ясность это дѣло. Она довольно подробно разсказывала о своемъ дѣтствѣ, проведенномъ будто бы отчасти въ Килѣ, отчасти въ Персіи, упомянула о путешествіи по Россіи, которое будто бы совершила въ 1761 году; далѣе она увѣряла, что никогда не называла себя дочерью Елизаветы. Нельзя было убѣдить ее къ болѣе открытымъ и правдивымъ показаніямъ. Прибѣгли къ нѣсколько строгимъ мѣрамъ, лишая ее того комфорта, которымъ она была окружена и въ заключеніи, давая ей лишь самую необходимую пищу и заставляя ее постоянно находиться подъ надзоромъ одного офицера и двухъ солдатъ. Она была въ отчаяніи; къ тому же усилились и прежде замѣтные признаки быстротечной чахотки; она харкала кровью, страдала лихорадкою и сильно заболѣла; но все время увѣряла, что ни въ чемъ не виновата, что лишь другія лица разсѣевали на ея счетъ разные слухи, будто она дочь султана или сестра Іоанна Антоновича, и проч.

Нѣсколько разъ самозванка, находясь въ Петропавловской крѣпости, писала то къ императрицѣ, то къ князю Голицыну. Такъ, напримѣръ, она просила личнаго свиданія съ Екатериною, замѣчая: «Я рѣшаюсь умолять ваше императорское величество лично меня выслушать; я имѣю возможность доказать и доставить большія выгоды вашей имперіи». Она подписывалась «Elisabetta».

Екатерина въ раздраженіи писала къ князю Голицыну: «Пошлите сказать извѣстной женщинѣ, что, если она желаетъ облегчить свою судьбину, то бы она перестала играть ту комедію, которую она и въ послѣднихъ къ вамъ присланныхъ письмахъ продолжаетъ и даже до того дерзость простираетъ, что подписывается Елизаветою; велите къ тому прибавить, что никто ни малѣйшаго не имѣетъ сомнѣнія о томъ, что она авантюрьерка, и для того вы ей совѣтуйте, чтобъ она тону убавила и чистосердечно призналась въ томъ, кто ее заставилъ играть сію роль, и откудова она родомъ, и давно ли плутни сіи примышлены. Повидайтесь съ нею и весьма серьезно скажите ей, чтобъ она опомнилась. Voilà une fieffée canaille! Дерзость ея письма ко мнѣ превосходитъ, ка-

Видъ Петропавловской крѣпости въ Петербургѣ, въ концѣ XVIII столѣтія.

Съ рисунка, сдѣланнаго съ натуры Уренусомъ. (Изъ собранія П. Я. Дашкова).

жется, всякаго чаянія, и я начинаю думать, что она не въ полномъ умѣ» [1]).

Старанія Голицына привести въ нѣкоторую ясность дѣло авантюристки оставались тщетными. Онъ предложилъ ей двадцать вопросовъ, въ редакціи которыхъ участвовала императрица; при этомъ случаѣ незнакомка, вмѣсто того, чтобъ отвѣчать на вопросы, разсказывала новыя басни, такъ что даже добродушный и гуманный Голицынъ вышелъ изъ терпѣнія и въ своемъ донесеніи къ императрицѣ называлъ ее «человѣкомъ коварнымъ, лживымъ, безстыднымъ, злою и безсовѣстною, «лживицею» и пр. [2]).

Слѣдующій эпизодъ характеризуетъ образъ дѣйствій самозванки. Она заявляла о своемъ знаніи персидскаго и арабскаго языковъ; по желанію князя Голицына, она немедленно написала продиктованную фразу буквами, выдаваемыми ею за персидскія и арабскія. Но свѣдущіе люди, которымъ на другой день показали написанное ею, увѣряли, что письмена эти имъ совершенно незнакомы, и во всякомъ случаѣ не персидскія и арабскія. Сообщеніемъ этого мнѣнія Голицынъ думалъ было смутить наконецъ арестантку, но она отвѣтила, что, вѣроятно, люди, имъ спрошенные, ничего не смыслятъ въ обоихъ языкахъ [3]).

Осенью 1775 года, самозванка стала постепенно слабѣть; болѣзненные припадки возвращались все чаще. Больная просила Голицына прислать къ ней священника. Голицынъ позвалъ протоіерея Казанскаго собора, говорившаго по-нѣмецки. И въ этой послѣдней бесѣдѣ со священникомъ авантюристка не сообщила ничего такого, чтò могло бы дать хотя нѣкоторое понятіе о ея происхожденіи, о ея сообщникахъ и пр. 4 декабря она скончалась. На другой день солдаты, стоявшіе при ней все время на часахъ, глубоко зарыли ея тѣло на дворѣ въ Петропавловской крѣпости.

За исключеніемъ краткаго времени, въ продолженіе котораго Голицынъ путемъ нѣкоторой строгости старался узнать въ точности судьбу и намѣренія незнакомки, ее содержали хорошо и обращались съ нею почтительно. Ей давали обильную пищу. При ней находилась прислуга. Помѣщеніе, въ которомъ она содержалась, состояло изъ нѣсколькихъ комнатъ. Росписаніе предметамъ, оставшимся послѣ нея въ двухъ «баулахъ» (т. е. чемоданахъ), свидѣтельствуетъ о той роскоши, которою она окружала себя въ

---

[1]) «Сб. Ист. Общ.», I, 184—185.
[2]) Тамъ-же, I, 188.
[3]) Чтенія, 1867, I, 80—81.

Смерть княжны Таракановой.

Картина художника Флавицкаго. Гравюра Панненакера въ Парижѣ.

прежнее время [1]). Зачатки болѣзни, жертвою которой она сдѣлалась въ Петропавловской крѣпости, обнаружились уже во время пребыванія ея въ Римѣ и Неаполѣ. И на кораблѣ, и въ крѣпости ее пользовали врачи.

Между арестантами, захваченными вмѣстѣ съ незнакомкою, были два поляка, Чарномскій и Доманскій, принадлежавшіе въ Италіи какъ бы къ придворному штату самозванки. Доманскій страстно любилъ ее и изъявилъ готовность оставаться вѣчно въ тюрьмѣ, лишь бы было ему дозволено на ней жениться. Обоимъ полякамъ, также какъ и слугамъ и служанкѣ незнакомки, было разрѣшено свободное возвращеніе въ западную Европу. Всѣмъ были даны деньги на проѣздъ съ тѣмъ, что, если кто либо изъ этихъ лицъ возвратится въ Россію, тотъ безъ дальнѣйшаго суда подвергнется смертной казни.

Чѣмъ болѣе правительство старалось сохранить въ глубочайшей тайнѣ частности дѣла самозванки, тѣмъ легче распространялись разные слухи относительно этого эпизода.

Иностранные дипломаты лишь случайно узнавали кое что о судьбѣ авантюристки. Саксонскій резидентъ, баронъ Сакенъ, 28 мая (8 іюня) 1775 года доносившій изъ Москвы о прибытіи Грейга въ Кронштадтъ съ арестованной въ Ливорно такъ называемой русской княжной, писалъ не ранѣе какъ 16 (27) февраля 1776 года изъ Петербурга, что сумасшедшая, такъ называемая принцесса Елизавета, вскорѣ по пріѣздѣ своемъ отправлена была въ Шлиссельбургъ и тамъ умерла отъ болѣзни, два дня тому назадъ. Сакенъ прибавлялъ, что все это ему извѣстно изъ вѣрныхъ источниковъ и онъ положительно знаетъ, что смерть послѣдовала совершенно естественно, но, вѣроятно, это не помѣшаетъ распространенію иныхъ слуховъ и разсужденій. «Что сталось съ ея прислугою и съ ея вещами», заключаетъ Сакенъ свой разсказъ, «я не знаю» [2]).

Два года позже, въ 1777 году, случилось наводненіе, во время котораго казематы Петропавловской крѣпости были залиты водою. Хотя помѣщеніе, въ которомъ содержалась мнимая дочь Елизаветы, находилось гораздо выше и не могло быть наводняемо, все таки сложилась легенда о гибели самозванки во время наводненія 1777 года и о томъ, что правительство, желая ея смерти, нарочно не приняло мѣръ для ея спасенія. Этотъ разсказъ встрѣ-

[1]) «Сб. Ист. Общ.», I, 193—196.

[2]) Herrmann, «Gesch. d. russ. Staats», V, 780.

чается въ запискахъ политическаго преступника Винскаго, находившагося немного позже въ Петропавловской крѣпости и узнавшаго отъ одного сторожа о такой насильственной кончинѣ мнимой принцессы [1]). Записки Винскаго ходили по рукамъ въ нѣкоторыхъ кружкахъ Петербургскаго общества. Благодаря замѣчательной въ художественномъ отношеніи, но не соотвѣтствующей исторической истинѣ картинѣ Флавицкаго на выставкѣ въ С.-Петербургской Академіи Художествъ, изображающей весьма эффектно мнимую гибель самозванки во время наводненія, до настоящаго времени распространено въ публикѣ ложное мнѣніе относительно этого событія, такъ что даже въ новѣйшее время, иногда безъ опроверженія, въ историческихъ журналахъ воспроизводятся нелѣпыя сказки о катастрофѣ несчастной незнакомки [2]).

Между бумагами, хранящимися въ Британскомъ музеѣ, въ Лондонѣ, есть подробный разсказъ о мнимой дочери Елизаветы. Авторъ этого донесенія узналъ кое какія подробности о судьбѣ незнакомки отъ адмирала Грейга, лично знавшаго ее. «Одному изъ ея слугъ», сказано, между прочимъ, въ этомъ документѣ, «итальянцу, разрѣшено было находиться при ней во время ея заключенія. Купецъ, который разсказывалъ мнѣ все это, встрѣтилъ впослѣдствіи этого слугу, продававшаго по улицамъ барометры и термометры, и, спросивъ его объ его бывшей госпожѣ, получилъ въ отвѣтъ, что она умерла отъ коликъ въ желудкѣ. Но всѣмъ извѣстно, какого рода были колики, которыя свели ее въ могилу. Я слышалъ также, что Алексѣй Орловъ тяготился тѣмъ, что былъ виною ея заключенія и смерти» [3]).

Разумѣется, историки-памфлетисты, въ родѣ Гельбига и Кастера, указывали на кончину мнимой дочери Елизаветы, какъ на одно изъ многихъ преступленій, совершенныхъ будто императрицею Екатериною [4]). Мы видѣли, что нѣтъ основанія обвинять императрицу въ несчастіи, постигшемъ самозванку. Принятіе мѣръ противъ нея, при тогдашнемъ положеніи государства, было дѣломъ необходимости. Императрица, въ особенности тогда, когда ей приходилось бороться противъ Пугачевщины, не могла оставаться равнодушною къ подобнымъ случаямъ самозванства.

---

[1]) «Русскій Архивъ», 1865, 655—656.

[2]) См., напр., въ «Русской Старинѣ», X, 773.

[3]) Чтенія, 1870, III, 38—39.

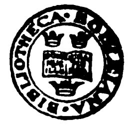
[4]) Ссылаясь на какой-то достовѣрный источникъ, Кастера пишетъ: «Elle fut noyée dans la prison», II, 25.

Въ продолженіе тринадцати лѣтъ со времени вступленія на престолъ, Екатерина постоянно боролась съ разными затрудненіями. То являлись претенденты на престолъ, самозванцы и пр., то императрицу безпокоили страшные взрывы въ низшемъ классѣ народа. Во всѣхъ отношеніяхъ правительство восторжествовало надъ всѣми этими оппозиціонными и революціонными элементами. Есть основаніе думать, что императрица считала 1775 годъ временемъ окончательнаго упроченія своего положенія. Говоря, въ письмѣ къ Гримму отъ 20 іюня 1785 года, о своихъ распоряженіяхъ («arrangements»), Екатерина замѣчаетъ, что они «исполняются въ точности и буквально въ продолженіе послѣднихъ десяти лѣтъ» [1]).

Для совершеннаго обезпеченія авторитета Екатерины, кромѣ безусловной побѣды надъ врагами внутри государства, были необходимы успѣхи въ области внѣшней политики.

Напрасно противники Россіи въ продолженіе перваго десятилѣтія царствованія Екатерины надѣялись на внутренніе кризисы въ Россіи, для того чтобы съ большимъ успѣхомъ противодѣйствовать видамъ Екатерины въ польскомъ и восточномъ вопросахъ. Перевѣсъ Россіи въ области внѣшней политики во время этого царствованія, поддерживаемый торжествомъ императрицы надъ представителями смуты внутри государства, оказался безусловнымъ.

[1]) «Qui s'exécutent à la lettre depuis dix ans». «Сб. Ист. Общ.», XXIII, 343.